В.П.Желиховская

Радда-Бай – основательница Теософического общества

…Стоял *Изиды* храм… Благоговейно чтимый. Там,
В глубокой нише, за гранитными столбами,
Покрытыми до потолка
Таинственных письмен узорными чертами,
Стоял кумир несчетные века…
Кумир тот, *Истиной закрытой* именуя,
И только избранным толкуя
Значенье символов, начертанных кругом,
Жрецы ей жертвы жгли с особым торжеством.
К ее подножью шли не только царь-избранник,
Не только истый жрец, но и безвестный странник…
…Учитель! разве мы, ища ее, преступны?
И разве нам искать ее запрещено?..
Казнить ли нас за то, что *истины* мы просим,
Что жажду чувствуя, мы жажды не выносим…
(Стих[отворение] Я.П.Полонского).

There is no religion higher than truth[1]
(Девиз теософистов).

Господь истины все простит ей, в чем она виновата, за то, что она постоянно и неуклонно стремилась к истине
(Слова православного духовного лица на смерть Е.П.Блаватской)[2].

[I]

[3] Елена Петровна Блаватская, рожденная Ган, была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. Я имею полное право сказать это, основываясь на авторитетах сотен людей, знавших ее лично, и многих тысяч, свидетельствующих о ее гениальности на основании ее дел и сочинений. Их в России почти не знают, но даже своими двумя-тремя легкими бытовыми очерками и путешествиями, написанными ею когда-то по просьбе М.Н.Каткова для его газеты и журнала[*] за вымышленной подписью *«Радды-Бай»*, она сразу выдвинулась в русской литературе и дала в ней почетное место своему псевдониму.

Думаю, что никто меня не обвинит в родственном пристрастии, в преувеличении ее значения, прочитав хоть один из иностранных или моих биографических очерков ее жизни[**] или деятельности; в них[6] я всегда скрепляю свои воспоминания[7] свидетельствами о сестре моей сторонних лиц, среди которых каждый образованный человек найдет имена людей, известных в европейской науке и литературе. Да, впрочем, я одним вопросом могу вполне доказать свое право называть ее женщиной гениальной и необычайной: была ли когда-либо в мире русская женщина без особого положения, без состояния, без всяких прав на известность, кроме личных заслуг, на смерть которой отозвались бы сразу *все пять частей света*?.. В Европе почти все страны помянули ее так или иначе; в Англии, Америке, Индии вся пресса переполнилась ее именем. Во всей Великобритании и колониях ее, в Соединенных Штатах, во всех значительных городах Ост-Индии народы всевозможных вероисповеданий служили по ней тризны, сзывали митинги[8], собирают в память ее суммы для составления капиталов ее имени – на стипендии в школах, на различные благотворительные и полезные предприятия, согласные с выражавшимися ею при жизни желаниями. На острове Цейлоне в продолжение двух дней, по получении телеграммы о

[*] «Письма на Родину», «Дурбар в Лагоре», «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена»[4] и пр.
[**] В журн[алах] «Русское обозрение», «Ребус»; в газетах «Новости», «Кавказ», «Одесский вестник» и пр.[5]

кончине Блаватской, продолжались торжественные поминки ее, были накормлены нищие и монахи и закрыты все женские буддистские училища.

Кажется одних этих фактов достаточно, чтоб доказать, что жизнь и деятельность Радды-Бай выводят ее из ряда обыкновенных известностей.

Несмотря на то, что я не впервые пишу о сестре со дня ее смерти[9],[10] тем не менее, у меня так много еще не затронутого в подробностях материала о жизни ее за последние годы, – те годы именно, которыми она и приобрела право на такую широкую известность, – что я затрудняюсь с чего начать?.. По первому кличу моему, по первому заявлению о том, что я желаю писать о ней, ее сторонники, последователи ее учения со всех стран света наслали мне такую массу отзывов, воспоминаний, критических статей о книгах ее, что можно было бы из них, – не говоря уж о собственных моих воспоминаниях, – извлечь целые тома.

Я постараюсь выбрать[11] самые яркие и верные очерки, руководствуясь как можно более нашей семейной перепиской и собственными достоверными сведениями.

От раннего детства Елена была необыкновенным ребенком, обращавшим всеобщее внимание остротой ума, непокорного никаким условиям заурядных требований дисциплины, образования и даже самых элементарных воспитательных начал. У нее все было своеобразно, смело и порою даже оригинально до дикости. Ее речи, заключения, поступки всегда поражали неожиданностью, совсем особой, неведомо откуда бравшейся странностью и решительностью. Она составляла отчаяние гувернанток и учителей, хотя была способна и любознательна, но, не терпя никаких стеснений, с величайшим трудом покорялась распределениям занятий, приготовлению задаваемых уроков и самым законным требованиям своих воспитателей. Вследствие этого, с юности она, никогда ничему не желая учиться систематически, не получила никаких основательных, серьезных знаний. Да у нее ни к чему, кроме музыки и языков, и не было никаких выдающихся способностей. Филологические способности ее были заметны с детства; кроме родного своего языка, она училась[12] французскому, немецкому и английскому, а как только начались ее ранние странствия, она с изумительной легкостью усваивала не только языки тех стран, где приходилось ей жить, но даже наречия их, жаргоны и оттенки произношения[13].

Кроме своеволия, смелости, живости, остроумия и полнейшего своеобразия характера и воображения, чрезвычайно развитого и фантастически направленного, сестра еще имела в детстве особенность: у нее бывали припадки сомнамбулизма, в которых она не только громко говорила и пела во сне с широком открытыми глазами, но даже отвечала на вопросы. И большей частью снились ей сны и мерещились вещи совсем не подходящие девочке… Ее характер вообще более подходил бы живому, умному и решительному мальчику. Все шалости ее, а позже страсть к сильным ощущениям, к путешествиям, никогда не покидавшая ее энергия, сила воли и полная независимость поступков делали ее нравственно гораздо больше похожей на мужчину, нежели на женщину. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла сама по себе, самостоятельно прокладывая пути, презирая законы света и условия, стеснительные для ее свободы.

Препятствий она никогда признавать не желала, и хотя по сердцу была сама доброта и всегда с готовностью рада была всем своим не только поделиться, но отнять у себя необходимое, чтобы помочь другому, но в случаях противоречия способна была натворить много бед, ломая все и без разбора все устраняя с пути лишь бы добиться своих целей, достигнуть желаемого.

Благоразумие и сдержанность не были ее добродетелями. Она не умела желать и действовать хладнокровно; расчетов и выжиданий никогда не терпела и, горячо стремясь к своим задачам,[14] которые в данную минуту ей представлялись верхом благополучия и крайней необходимостью, готова была ради них кривить душой и бессознательно уподобляться своим недругам – последователям аксиомы, что «цель оправдывает средства». Однако же на продолжительное притворство ее не хватало.

С самых юных лет Елены стало очевидно, что жизнь ее не будет из числа заурядных, но никому и на ум не могло прийти ничего подобного тому, что вывело ее в последующей жизни не только с большой торной дороги на единичный путь, но в конце пути этого резко выделило *ее одну* из числа немногих женщин, избирающих самостоятельные дороги на совершенно *новой, небывалой* и для другой немыслимой арене. Ей было всего одиннадцать лет, когда мать наша[15] скончалась; она, однако уж, провидела, что старшую дочь ее ждет необычайная судьба, и

выражала за нее опасения. Семье матери нашей, взявшей нас всех троих – Елену, меня и меньшего брата нашего Леонида – на свое попечение после смерти ее, она доставила много забот… Одной из наибольших было ее замужество и вслед за тем отъезд и совершенное исчезновение на многие годы.

Мы тогда жили в Тифлисе, где дед наш А.М.Фадеев управлял государственными имуществами на Кавказе. По его положению и по старым связям родства и знакомства его и бабушки, рожденной княжны Долгорукой, в доме у нас бывало все, что было высшего в то блестящее военное время на Кавказе. Сестре было семнадцать лет; с ее красивой наружностью и умом она, разумеется, могла бы сделать блестящую партию, но она не хотела ее, как сама потом признавалась мне: ей был нужен не муж, а возможность действовать самостоятельно, свободно, «не жалея» человека, чье имя ей нужно было как временное средство действия.

Впрочем[16], кроме лет Н.В.Блаватского, который чуть ли не втрое был старше своей невесты, особенно неподходящего ничего в этом браке не было.

Тем не менее, я как сейчас вижу изумление и тревогу бабушки, когда Елена[17] совершенно неожиданно вошла к ней в комнату с[18] террасы, где гуляла только что под руку с «эриванским вице-губернатором», как тогда называли в семье нашей этого малознакомого человека, и объявила:

– Вот мой жених – Никифор Васильевич Блаватский!.. Благословите нас!

Тетки нашей, Е.А.Витте, на которой главным образом лежали заботы о горячо любимой ею племяннице, тогда не было; она уезжала с мужем, командированным по службе, на продолжительное время. Когда она вернулась, это было уж решенное дело, которому помочь нельзя было в виду совершенной готовности сестры моей довести его до конца. Сам Н.В.Блаватский был единственным лицом, которое имело бы полное право отказаться от беспокойной и бесцеремонной невесты, которая положительно вздохнуть ему не давала капризами и насмешками. Но он сам шел на свою гибель, этого не пожелав…

Я была тогда девочкой тринадцати лет, но помню, что меня поражало обращение сестры с женихом; что я ждала, что они рассорятся и разойдутся непременно. После, хотя Н[икифор] В[асильевич] оказался честным, добрым, вполне хорошим человеком, я поняла *что̀* подразумевала сестра моя, говоря, что «такого не жалко»… За чем пошел – то и нашел! Одно скажу в оправдание сестры: она с ним не лицемерила. Он мог ясно видеть, что в браке с ней не может ожидать счастия.

В последнюю минуту, когда надо было ехать к венцу[19], и Елена призадумалась… В старых дневниках своих нахожу ее слово мне, плакавшей о предстоявшей нам разлуке:

– Полно!.. Чего плакать?.. Сама ж я хотела… Но только уж скорей бы, скорей! *Чтоб в самом деле, сымая[20] голову, по волосам бы не заплакать!* I wish all this over[21]!

Она и не плакала. Напротив, смехом старалась заглушать мысли о будущем… А быть может чаяние этого *будущего*, которое она заранее замышляла, и утешало ее в настоящем… Они в тот же день уехали.

Мы то лето проводили в Гергерах[*], на границе Эриванской губернии. Дороги тогда были[22] непроездные, так что на громадную гору Безобдал вице-губернатору с молодой женой и свитой пришлось взъехать верхом, а за ней уж, на станции *Караклис*, их ожидали экипажи. Их долго было видно. Я, помню, стояла на крыльце и следила за пестрой гурьбой отъезжавших; в конвое их было много курдов в их живописных нарядах с длинными копьями, украшенными султанами из страусовых перьев. Они гарцевали на своих чудных лошадях в честь[23] новой молодой начальницы, а она, забыв недавнюю тревогу, восхищалась их удалью, заливаясь смехом над своим супругом, действительно, по сравнению с окружавшими их идеальными наездниками, походившим на «куль сена, взгроможденный лошади на спину», как она его бесцеремонно величала.

Молодые нажили вместе недолго; она той же осенью, помнится, вернулась и всю зиму прожила с нами в Тифлисе, а следующей весной[24] и совсем оставила Кавказ и Россию. Она поехала Черным морем якобы на время к отцу нашему, который должен был встретить ее в Одессе, но в Керчи сошла с парохода и исчезла на несколько лет. Люди, сопровождавшие ее, возвратились одни, и прошло более четырех лет, прежде чем я получила от нее прямое известие,

[*] Весь Тифлис всякое лето перекочевывает в горы, в окрестности, ища прохлады.

да и то под величайшим секретом. Так как в то время разводы были в России немыслимы, то она решалась не давать о себе голоса в продолжение десяти лет, чтоб окончательно покончить расчеты с матримониальной жизнью.

II

Она возвратилась ровно через десять лет, в 1859 году. Где и как провела она их? Подробности или какой-либо последовательности я, да и никто никогда от нее не могли добиться. Многое она перезабыла, многого просто не хотела рассказывать. Знали мы только, что она изъездила полмира, исколесила всю Европу, побывала и в Америке, и[25] в глубине Азии[*], но так как от нее аккуратных известий не получалось, то я не могу рассказывать ничего об этом периоде ее жизни. Да оно было бы даже излишним, так как она тогда не имела никакой общественной деятельности и ничем своих изумительных способностей не заявила. Двадцать лет ее молодости, в сущности, вся жизнь ее до зрелых лет, ничего феноменального не представляет, не имея *почти* никакого касательства с тем делом, которое дало ей известность. Она, как наш народный сказочный герой Илья Муромец, и даже лет на десять позже его, *развернулась вовсю* и мир удивила своей неожиданной метаморфозой…

[27] Она возвратилась из своих странствий человеком уж одаренным исключительными силами; я не без умысла сказала, что она *почти* не имела смолоду ничего общего с тем, что сталось с нею к старости: развернувшись, ее психические силы потянули ее в другую сторону, но они уж были у нее в двадцать семь лет. Плохо познанные, вне всякого контроля, но были!

Мы, и сама она, в то время считали ее сильнейшим медиумом[28]. Тогда она еще не восставала, как позже, во всеоружии презрения и негодования против такого состояния; она еще не приходила к убеждению и даже не подозревала, что медиум ничто иное как «безвольная, беззащитная игрушка в распоряжении невидимых, недостойных веры, низких и часто злобных сил», как определила впоследствии.

Как только сестра написала мне, что желала бы вернуться в Россию повидаться со своими, если бы могла это сделать, не боясь ответственности за свой произвольный отъезд, за бегство из России без пашпорта[29] и десятилетнюю отлучку, я тотчас приехала в Петербург из Пскова, где тогда находилась, и уладила мигом все формальности. Мне сказали: лишь бы никто не жаловался, не указывал на факты, а сами по себе власти на них не обратят внимания… Многие патриотические поступки Елены Петровны во время Крымской войны, описанные иностранными газетами, сильно способствовали благодушию Дубельта, к которому мне пришлось обратиться[30].

Я тогда только что возвратилась от родных наших из Тифлиса, где овдовела, и жила пока у отца покойного мужа своего в Пскове, готовясь весной переехать на житье в свое имение[31], куда звала и ожидала сестру из Англии. Но раз она узнала, что приехать может безнаказанно, она уж не хотела медлить ни минуты и как снег на голову свалилась мне совершенно неожиданно…

Тут произошел странный казус.

Елена приехала, не предупредив о приезде своем никого, в самый вечер брачного пиршества: сестра мужа моего выходила замуж, дом был полон гостей. Мы сидели за ужином, когда в передней раздался звонок ее, довольно тихий и не представлявший ничего особенного, так как к подъезду беспрерывно подъезжали экипажи, за гостями и свои и чужие лакеи то и дело входили и выходили… Но едва раздался *этот* звонок, я почувствовала как бы электрический ток. Какой-то удар в сердце, и в ту же секунду мне блеснула не мысль, а убеждение, что это она – моя сестра.

Я, к общему изумлению, выбежала из-за свадебного стола, бросилась в переднюю, в сени; сама, устраняя вскочивших людей, сбросила болт и очутилась, как была уверена, лицом к лицу с десять лет не виданной сестрой…

Я провела ее через коридор в свою комнату, извинившись пред молодыми и нашими гостями; хотела уложить ее на своей кровати, а сама спать на диване, да не тут-то было! Во всю ночь мы не смыкали глаз. Сначала в жару разговоров, расспросов, радости свидания я ничего не замечала, но наконец стуки, звон и необычайное движение вокруг нас сделались до того громки и назойливы, что я не могла не обратить внимания на это неслыханное и невиданное дотоле явление.

---

[*] В книге англичанина A.Sinnett «Incidents in the Life of Mme Blavatsky»[26] указано на неоднократные поездки и плавания в Африку, в Индию, в самый Тибет.

Я спросила: что это такое? что это значит?.. Как ни старалась Елена Петровна отвратить мое внимание и отшутиться, я потребовала объяснения… К величайшему моему недоумению и своему замешательству она *тогда* ничего еще не смогла объяснить мне… «Вот-де пристала к ней какая-то *сила,* стучит и звенит, ее не спрашиваясь и не слушаясь. И мало того, что стучит и вещи двигает и подымает, но еще и *в разговоры мешается, и на вопросы отвечает, и мысли угадывает*».

Я, как и все в пятидесятых годах, разумеется, знала теории о «стучащих духах», читала об американских медиумах, слыхала много о Юме, сама даже не раз *столы вертела* и «вещим карандашом пророчества строчила» – себе и другим на потеху. Но ничего подобного не могла себе и представить!.. Осмысленные ответы на задуманные мною вопросы и в особенности факт, что стучавшие силы *знали вещи, никому в мире, кроме одной меня, не известные*, поразили меня глубоко и *заставили* сразу поверить, так сказать, доподлинности этого чудесного явления.

Скоро весь Псков, да и Петербург, заговорили о чудесах, окружавших Е.П.Блаватскую. На нее приезжали смотреть, ее атаковывали письмами и допросами; она очень благодушно уступала самым бесцеремонным и нелепым требованиям: позволяла себя связывать, разувать, класть на мягкие подушки. Все эти меры, разумеется, оказывались совершенно излишними; феномены движения, звуков, подъема и отяжеления предметов, равно как и проникновения помыслов, и более или менее удачные обличения и предсказания шли своим чередом, независимо от всех этих стеснений и очень часто даже независимо от ее воли[32]. Она обыкновенно сидела за работой или за чтением, относясь совершенно пассивно к окружающему, а вкруг нее все ходенем ходило.

Я здесь не буду рассказывать о происходивших в Пскове явлениях подробно: я достаточно рассказывала о них и при жизни сестры[*], а для настоящего биографического очерка и ее необычайной деятельности у меня слишком много гораздо более интересных материалов – проявлений ею *сознательных*, произвольных, *вполне зависевших от нее* феноменов. Она впоследствии стыдилась вспоминать то раннее время развития ее психических сил, когда она была страдательным орудием не ведомых ей и *не осиленных* ею двигателей, невидимо существующих в природе. Чрез несколько лет она вполне их поработила своей воле и упорно доказывала их несостоятельность, безумие неограниченной веры *в святость* происхождения разнообразных явлений спиритизма и в особенности плачевное и опасное состояние медиумов, подпавших под их влияние.

Тем не менее, этот год, проведенный в деревне с сестрой, мне всю мою жизнь представляется какой-то волшебной фантасмагорией разнообразных чудес и явлений не от мира сего. Кроме сильнейших проявлений медиумических, так сказать проявлений *материальных,* – как стуки, игра на *запертом* рояле невидимых музыкантов, движение и полеты предметов, – в Ругодево[36], моем имении, беспрерывно происходили появления призраков, одновременно видимых не одной Елене Петровне, но и другим – отцу нашему, людям и чаще всего маленькой сестре нашей (от второй жены отца), Лизе. Призраки эти, по описаниям их видевших, в особенности по точным портретам, сделанным Еленой, тотчас узнавались старожилами моего села Ругодево[37]: они оказывались бывшими владельцами и обывателями села этого, мною только что купленного. Никто из нас никогда не знавал их; имение было приобретено от молодого помещика, женатого на внучке последних владельцев; старики же и дети их давно лежали в часовне за прудом, и никто из моей семьи никакого понятия не имел о старом персонале дома, не видав даже ни одного портрета бывших помещиков. Чаще всех появлялась тень хлопотливой толстой старушки-экономки, которую помнила даже вся молодая дворня, и призрак старика Ш[ушерина], который легко было признать, потому что он последние годы жизни страдал литовской болезнью волос[38] и носил высокую черную клеенчатую шапку, вроде клобука. Я живо помню, как напугала меня сестра в один чудесный весенний вечер, когда мы с ней гуляли в цветнике, а она, глядя с улыбкой в окна комнаты нижнего этажа, пронизанные насквозь солнцем, стала описывать мне, кого она видит в том нежилом покое.

Призрак «старика в клобуке[39] с длинными, *как когти*, ногтями» привел меня в ужас! Я тогда же просила сестру никогда не рассказывать мне о своих видениях. Но каково было мое удивление,

---

[*] Журн[ал] «Ребус» 1883 г., «Правда о Е.П.Блаватской»[33]; «Incidents in the Life of Mme Blavatsky» – все, что до этого периода относится, записано Синнетом[34] верно[35].

когда при внимательном опросе старого садовника и других людей (собственно о личностях прежних владельцев Ругодево, ничего не говоря им о видениях) мы узнали, что «у старого барина был колтун… Он ногтей стричь не мог и волос не резал, а носил высокую шапку из клеенки»…

Призрак впервые был увиден на третий день нашего приезда; я с сестрой не разлучалась все время; у нее была горничная-англичанка, у меня тоже своя прислуга, мы почти никого не знали из ругодевских людей, так что мое недоумение разъяснилось не тотчас. Факты предсказаний, объяснений непонятных нам дел, прописывание рецептов по латыни и вообще разговоры (письменные) на всевозможных, не всем или даже никому из нас неизвестных языках*, наконец, перестали удивлять нас. У меня язык болел от вечного повторения азбуки. Надо еще упомянуть, что обыкновенных приемов, соблюдаемых вообще при сеансах, у нас никогда не бывало; ни сестра и никто *не держали* стола, не составляли никаких магнетических цепей; каждый из нас сидел за своим делом, читая, работая, разговаривая, а постукивания без устали раздавались вокруг во все и везде, вечными *тремя* стуками возвещая желания наших невидимых собеседников вступать в разговор. Они были большие болтуны!.. Часто приходилось отмахиваться от их назойливости и просить их умолкнуть, но просьбы наши мало на них действовали. Чаще приходилось удовлетворять их желанию чтением азбуки и записыванием их речей. [С] помощью этих словоохотливых господ у нас бывали преинтересные чтения. Помню особенно занимательное громкое чтение наше записок Ек[атерины] Ром[ановны] Дашковой[40], когда «*покойная графиня»* якобы en personne[41] присутствовала с нами, то и дело вмешиваясь своими стуками и прерывая чтение поправками и дополнениями…

Это дало отцу моему мысль составить историю своего дома, и много занимательных вечеров провели мы *в обществе наших предков*, «доблестных рыцарей и графов Ган-Ган-фон-дер-Роттерган[ов]», коих титул и вторая фамилия были утрачены нашими прадедами при переселении в Россию… Так, по крайней мере, утверждали наши неугомонные esprits frappeurs[42].

Надо знать, что отец наш, Петр Алексеевич Ган**, всю жизнь отличался скептическим направлением ума. Когда все в изумлении окружали его старшую дочь, крича, что она творит чудеса, он один держался в стороне, убежденный, что Елена «морочит публику», и долго говорил, что не может обращать внимания «на подвиги *гг.*[43] *духов*», потому что ему тогда придется просить добрых людей засадить его в сумасшедший дом… Он переменил мнение только тогда, когда умоленный нами сделать *мысленный* вопрос, он согласился написать его и спрятать в кармане до получения ответа. Он нарочно сделал вопрос касательно совершенно незначительного факта его ранней молодости, совершенно никому неведомого, почти забытого им самим, и, получив в ответ одно слово: *«Зайчик»*, изменился в лице и впервые приблизился к Елене Петровне, заинтересованный и пораженный.

На бумажке, спрятанной им на груди его, мы прочли: «Как звали лошадь, на которой я сделал свою первую кампанию (турецкую, [18]28го года[44])?» На оборотной стороне вопроса он сам же для «изобличения вранья Елениных духов» – сознавался он после – написал ее имя *«Зайчик»*. После этого он мало-помалу обратился в ярого спирита, проводившего дни и ночи в беседах «с духами».

Скоро слава всезнайства и удивительных чудес, происходивших у меня в деревне, лишили нас всякого спокойствия. Письма и визиты так и сыпались!.. Особенно после одного случая, где «духи Блаватской» или ее *колдовство*, как говорили другие, сослужили официальную услугу властям предержащим, направив местного станового[45] на след убийцы.

Новоржевский становой приехал в село для опроса людей касательно одного убийства, свершенного поблизости, в кабаке. Он зашел к нам просто напиться чаю и сначала, разумеется, довольно равнодушно, скептически отнесся к предложению «спросить духов», но когда ему, через азбуку, даны были ими верные указания фактов и имен, он переменил тон. Даже не рассердился, когда из букв образовалось нелестное для него обращение: «Ты, *старый олух*, тут чайком

* Мы впоследствии проверяли смысл и правильность рецептов и речей на древних языках, записываемых нами по выстукиваниям духов.

** Полковник конной артиллерии, тогда в отставке.

пробавляешься, а убийца тем временем в другой уезд уйдет… Поезжай-де сейчас в такую-то деревню и там найдешь его на чердаке у мужика такого-то».

Блюститель порядка записал показание и полетел по горячим следам. На другой день он прислал нам сказать, что все оказалось верным и что он захватил преступника именно, где указали *духи*.

Вот когда не стало нам покоя от посетителей и письменных молений и когда мы благословили капризы и упрямство невидимых сил, окружавших Елену Петровну. Дело в том, что в то время они ее совсем не слушались и очень часто не хотели проявляться, когда их призывали, желая блеснуть ими пред посетителями, и напротив: удержу на них не было, когда мы бывали одни. Стук и шум часто всего громче подымались вокруг сестры, когда она бывала больна или когда спала. Раз, во время сильной болезни ее и беспамятства, мы не знали, что делать! Поднялась такая возня, что все доктора перепугались.

С ужасом и презрением к своему тогдашнему бессилию вспоминала впоследствии Е.П.Блаватская об этом времени своего непроизвольного медиумизма. Через несколько лет она совершенно покорила своей воле эти разнообразные силы, свойства которых и происхождение определяет в своих теософических сочинениях подробно и с полной уверенностью в своей правоте.

Но тогда[46] *теософии* не было и в помине. Никому в мысль не приходило ни слово это, ни будущая метаморфоза Е.П.Б[лаватской] в ученого теолога, археолога, историка, философа и великого умственного преобразователя, каким она оказалась через пятнадцать лет.

III

В следующем [18]60м году мы с ней уехали на Кавказ, в Тифлис, для свидания с родными.

По дороге случился казус, которого я никогда не забуду.

Приехав в Задонск, мы узнали, что там, проездом в Петербург, высокопреосвященный Исидор, тогда митрополит Киевский, а ныне С[анкт]-Петербургский. Мы его знали хорошо, когда он еще был экзархом[47] Грузии, и он знал нас чуть не с детских лет. Мы остались и пошли в церковь, где он именно служил обедню. Когда мы подходили к кресту и благословению владыки, он узнал нас и послал за нами просить нас к себе после обедни, чему я очень обрадовалась, но вместе и смутилась… Ну как непрошенные проводники, соприсущие Елене Петровне, да вздумают выказывать свое присутствие пока мы будем в гостях у митрополита?

Серьезно опасаясь этого, я ей заметила по дороге, очень не лестно выражаясь об этих господах:

– Только, Бога ради, уйми ты своих чертей, tes farfadets[48]! Чтоб они не вздумали в разговоры вмешиваться.

Она засмеялась и пожала плечами, выражая этим, что[49] бессильна в их действиях, что, впрочем, и сама я знала. Тем не менее, я страшно смутилась, когда знакомые звуки то там, то здесь начали потрескивать, позванивать, явно выказывая претензию вмешаться в разговор…

Владыка сначала не замечал или делал вид, что ничего не замечает. Но когда стуки звонко раздались в стекло лампы, стоявшей на столе, в стаканы с чаем перед нами, в зеркало и картины, в пол и потолок и даже под самой рукой его высокопреосвященства, он уж не мог скрывать своего недоумения и, посмотрев на нас с улыбкой, спросил:

– Это что ж такое, за треск?.. Esprits frappeurs, что ли?.. У которой же это из вас?

Я как истинная эгоистка поспешила отречься от этой напасти, предав смущенную сестру на изумленные расспросы заинтересованного митрополита Исидора. Он действительно сильно заинтересовался, расспрашивал сестру подробно и пожелал слышать процедуру наших разговоров с невидимыми собеседниками. Успокоенная его внимательным и снисходительным отношением к делу, я с готовностью стала говорить азбуку, и вскоре ответы, вполне разумные, слава Богу (я очень боялась, чтоб эти господа не начали по своему обыкновению колобродить, говорить глупости или чего доброго браниться!), еще более возбудили удивление владыки. Мы просили его не произносить вслух вопросов, и ответы на два-три вопроса, сделанных им мысленно, были, по-видимому, так удачны, что высокопреосвященный долго держал нас. Наконец, отпустив, благословил и успокоил обоих добрым напутствием сестре:

– Нет силы не от Бога! – сказал он. – Смущаться и бояться вам нечего, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам. Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их еще далеко не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено… Он преодолеет и со временем употребит их на пользу всего человечества. Бог да благословит вас на все хорошее и доброе.

Сколько раз мы потом вспоминали с сестрой эти слова и разумное отношение к исключительному дару ее просвещенного иерея православной церкви. Его доброжелание и благословление ее много утешили.

В Тифлисе сестра, как и я, сначала поселилась на старом пепелище, в огромном доме, который родные двадцать лет там занимали, принятые ими как всегда с отверстыми объятиями как истые enfants de la maison[50]. И здесь, разумеется, скоро пошла молва о ее «чудесах»; столоверчение, стололетание и столописание здесь были давно известны и гораздо более в ходу, чем в Пскове, но все же такой силой одаренного медиума там не знавали…

Е.П.Блаватская года два прожила в Тифлисе, а всего в крае не более четырех лет. Ее талантливая, исключительно подвижная натура постоянно требовала новой деятельности, новых интересов, новых занятий. Довольствоваться обычной заурядной средой, бесцветным существованием большинства женщин ей было немыслимо!.. Она искала целей крупных или, по крайности, разнообразных интересов, как рыба ищет воды, а вольная птица – воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету. Она всю жизнь, можно сказать, металась, словно разыскивая что-то, словно стараясь выбиться на вольный свет из стеснявших ее тенет и оков. Всегда неудовлетворенная настоящим, она хваталась за то и другое и, вновь обманутая надеждой,

бросала все. И вновь стремилась в погоню за новой мечтою, за новой приманкой, казавшейся ей вновь и вновь истинной, действительной целью ее неопределенных стремлений. Эти стремления к неведомому, к долго не дававшемуся ей *чему-то* отвлеченному, неуловимому, к ей самой непонятной задаче, выполнение которой лежало на ней тяжелым и требовательным сознанием возложенного на нее и ею не исполненного долга, прекратились лишь с появлением на ее горизонте интересов теософических – *теософии*. Тогда она сразу остановилась, как блуждавший корабль, нашедший, наконец, верную пристань, которую долго и тщетно искал, останавливается и уверенно опускает свой якорь в почву…

Этому делу она пребыла верна до последнего часа, до последнего дыхания своего. Она отдала ему здоровье, жизнь, всю душу, в нем узнав, наконец, то дело, *ту обязанность, которой была предназначена*. В философии *«древней религии разума»* Е.П.Блаватская *«обрела истину»*, по собственному убеждению ее.[51] Она искренно верила, что в теософии истина, что она нашла *в ней* неопровержимые доказательства тому, что плоть и все мироздание сотворены ради единого бессмертного духа, самосовершенствующегося в беззаветной любви к человечеству; что, восстановив ее истины, на которых якобы основаны все религии мира, все нравственные философии и вся премудрость веков, она спасет человечество от гибели материализма, даст ему верный *научный оплот* для высших стремлений духа к идеалам предвечным.

Она действительно убежденно, страстно верила в истину этого, а так как вера творит чудеса, то и с нею свершилось чудо: отверзлось ее внутреннее зрение и открылись ей вещи и знания, которых у нее никогда не было прежде, на последовательное приобретение которых понадобились бы многие десятки лет, а ей они пришли сразу – как с неба свалились!.. Мало этого: ей открылись тайные знания другим неведомых сил природы, свойств и способностей духа человеческого, и, благодаря этим знаниям, она стала в последние годы жизни своей творить такие необычайные вещи, которые в просторечии называются *чудесами*[*]… Надо или этому верить, или еще более странной теории, излагаемой ее биографом англичанином Синнетом, и которую, впрочем, она и сама всегда поддерживала: будто бы она сама по себе ничего не знала и не умела, а была лишь безвольным и слепым орудием ее *Учителей* – Махатм, о коих речь впереди.

Но все это пришло гораздо позже, всю же молодость Е[лена] П[етровна], хотя беспрестанно выбирала новые занятия и профессии, подолгу ни на чем не останавливалась. Очень искусная вообще в разных работах, деятельная и энергическая, она обыкновенно вначале хваталась за дело горячо и успевала в нем, но оно ей быстро надоедало, становилось антипатичным и она его бросала… Надо принять во внимание, что в те годы женская деятельность была явлением не столь обычным, как ныне, но Блаватская не держалась рутины и умела преодолевать препятствия. Она была великая искусница в рукоделиях. Умела прекрасно делать искусственные цветы, так что даже одно время открыла целую мастерскую, которая у нее пошла было очень успешно, но мелочные дрязги заставили ее бросить ее, сдав все обзаведение за ничто. Потом она занималась торговлей в более широком смысле: сплавом леса, в особенности орехового ценного наплыва за границу, для чего даже переселилась было на берега Черного моря в Мингрелию. Еще позже она увлеклась каким-то дешевым химическим способом для выделки чернил и устроила было целую фабрику, но тоже скоро бросила ее, как бросила и торговлю перьями марабу[52], которую было предприняла через несколько лет, уже переселившись в Африку.

Всю ее жизнь, не относящуюся к главной ее деятельности, жизнь *до ее капитальной метаморфозы*, я, разумеется, могу здесь привести только в общих широких чертах, слегка останавливаясь лишь на тех немногих годах, когда мы не были разделены с ней морями и[53] океанами.

В период нашего переезда с ней из деревни в Тифлис сестра была полной красивой женщиной; в наружности ее более всего обращали внимание ее большие светло-голубые глаза навыкате, очень блестящие и выразительные, и странные ее волосы. Они вились или, скорее, волновались у нее необыкновенно ровными, мелкими, упорными волночками, как мягкая шерсть ангоры. В детстве они были почти такие же светлые, чуть что не белые, потом потемнели, но

[*] Я впоследствии приведу некоторые авторитетные показания лиц, известных из числа сотен имеющихся у меня письменных подтверждений этого факта.

всегда оставались такими круто-волнистыми от самых корней, что расчесанные стояли настоящей шапкой[54]. Особенно заниматься своим туалетом и наружностью сестра не любила, никогда не знала никаких *вспомогательных* средств, и хотя одевалась хорошо, но очень своеобразно, часто шокируя рутинерок в модах. Шокировать общественное мнение ей было не диво, тем более что она очень мало о нем заботилась и даже отличалась какой-то странной склонностью несдержанными поступками и неосмотрительными речами не только бравировать, но прямо вызывать на бой le qu'en-dira-t-on[55]. Она с особенным удовольствием, с какой-то несдержанной удалью пренебрегала условиями света, даже приличиями, и любила «пугать добродетельную посредственность» смелыми выходками и самыми дерзкими на себя саму поклепами. В жизни своей я не встречала такой оригинальной способности взводить на самое себя небылицы ради острого словца и смеха, какая была в молодости у Е[лены] П[етровны]!.. Разумеется, все недруги ее (а при ее задоре и остроумной иронии их было много!) спешили пользоваться собственными ее рассказами, чтоб к ним добавлять еще и своей клеветы на том основании, что «уж если она сама про себя *это* рассказывает, так каковы же те поступки, которые она скрывает?!».

Правду сказать, она была сама виновата в недоброжелательстве некоторых влиятельных лиц[56]. Она не только не умела сдерживать насмешек устных, но часто разражалась письменными эпиграммами и сатирами на лиц, возбуждавших ее юмор. Она делала это без всякого зла, шутки ради, но это, разумеется, тем было безразлично и возбуждало их гнев не менее.

Отсюда масса ее недоброжелателей, относившихся к ней со злобой и несправедливостью, не признавая[57] в ней ничего ни доброго, ни правдивого до такой степени, что многие отказывались верить неподдельности ее психических сил, называя ее фокусницей, хотя для сколько-нибудь знавшего ее и беспристрастно к ней относившегося лица они были слишком очевидны, явно возрастая с каждым днем.

В то время медиумические проявления, ее окружавшие, продолжали действовать так же сильно, но в кругу людей, ей веривших, Е[лена] П[етровна] предпочитала получать сообщения непосредственно [с] помощью карандаша. Это было и проще, и несравненно быстрее. В гостиной Фадеевых, точно так же как у меня в деревне, целые ночи проводились в спиритических занятиях. Исписывались целые стопы бумаги[*], и часто получались сообщения и предсказания изумительные. Иногда во время сеансов Елена Петровна впадала в глубокий сон, как бы в магнетический транс, но рука ее при этом не только не останавливалась, но летала с какой-то невозможной, нечеловеческой быстротой, и на бумаге появлялись разнообразные, часто совершенно неожиданные сообщения. Порой они являлись произвольно, никем не вызванные, но впоследствии обыкновенно оказывались их смысл и целесообразность, а иногда тут же[58] кто-либо из присутствовавших стремительно бросался к столу при чтении написанного: оказывалось, что это был прямой ответ на его тайные помыслы, ничем им явно не вызванный.

И об этом времени можно было бы написать тома интересных фактов, но и на нем мне невозможно останавливаться из страха растянуть эти воспоминания до неудобных размеров.

Когда именно прекратились самопроизвольные манифестации медиумических сил ее, я верно не знаю, она не определяла времени в письмах своих, но знаю, что явления эти в середине шестидесятых годов ей сделались вполне покорны; из писем ее было видно, что она гораздо более внимания начала обращать на свои ясновидящие способности, чем на *«вздорные суетни духов»*.

В [18]64 году она снова уехала с Кавказа на юг России, потом в Грецию и, наконец, в Египет, где некоторое время состояла в обществе спиритуалистов вице-президентом, а отнюдь не *«медиумом на жаловании»*, как ее ославили некоторые газеты[59]. Не только не была Е.П.Блаватская никогда *профессиональным* медиумом, но, всегда готовая помогать всем в ней нуждавшимся[60] психическими способностями[61] и собственным карманом, она не раз с негодованием отвергала предложения богатых вознаграждений за сведения или советы медиумическим путем, а не симпатичным ей людям прямо отказывалась помогать, что бы они ей ни сулили.[62]

---

[*] Тетка наша Надежда Андреевна Фадеева хранит многие из занимательных, медиумически добытых сведений и сообщений того времени.

IV

В течение[63] шестидесятых годов в семье нашей произошло много перемен. Дед и бабушка наши скончались, а за ними умер и дядя наш, Ю.Ф.Витте[*]. Семья его, а с ней младшая тетка наша, Н.А.Фадеева (всегда бывшая особенно дружна с моей сестрой, так как кроме родства их связывало товарищество: они были почти одних лет и вместе учились), переехали на житье в Одессу, где находились в университете сыновья Витте. Я одна оставалась в Тифлисе осколком огромной семьи нашей, вторично выйдя замуж[64]. Ко мне по старой памяти прибегали постоянно за помощью бывшие крепостные люди Фадеевых, и тут-то, по поводу двоих из них, и произошел замечательный факт, убедивший меня, что психические силы сестры моей отнюдь не уменьшились.

В конце [18]60-х годов (не помню именно в котором) мы проводили лето в Манглиси[65], штаб-квартире одного из кавказских полков[66], куда многие переезжают на дачу. Сестра тогда была в Каире, и хотя мы переписывались, но далеко не часто, не входя ни в какие подробности, с моей стороны по крайней мере, так как я была занята семьей. Она еще иногда и разражалась, после долгого молчания, увесистым посланием, когда в ее богатой разнообразными происшествиями жизни накоплялось много интересных фактов.

Такое именно тяжеловесное послание я получила в то лето. Часть его состояла из отдельных листов, вырванных из записной книжки, писанных карандашом под сенью египетских пирамид, куда Блаватская ездила с большим обществом членов спиритуалистического общества. Она описывала много замечательно интересных явлений, происшедших на сеансе, который они устроили в одной из фараоновских гробниц, и в конце его рассказала следующее:

«Скажи, пожалуйста, Вера, правда ли, что безрукий Петр[**] умер вчера? Представь себе, что у одной нашей англичанки-медиума, писавшей карандашом на гробнице фараона, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтоб помешать исполнению их намерения бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее *русское* воззвание ко мне: *“Барышня! Барышня! Помолитесь обо мне грешном! Я мучаюсь, пить хочу! Мучаюсь!..”*

По этому названию “барышня”, которым нас с тобой, верно, до старости будут величать наши старые люди, я догадалась, что речь идет о котором-нибудь из них, и скорей взялась сама за карандаш… Не знаю, правда ли, но писавший назвался Петром Кучеровым; объявил мне, что он умер вчера в богадельне доктора Горалевича[67], куда будто бы ты его поместила вместе с братом его, поваром Максимом, который будто бы тоже умер еще раньше его. Ты мне об этом не писала. Напиши – правда ли?»

Это была истинная правда, но дело в том, что я тогда еще ничего не знала о смерти этих стариков. Заинтересованная, я тотчас написала хорошо знакомому доктору, заведовавшему богадельней при больнице, и получила на другой день ответ, вполне подтверждавший эти показания: Петр Кучеров умер ровно за день до сообщения своего об этом Елене Петровне – это явствовало из чисел смерти его и ее письма, а Максим за два дня ранее. Я точно устроила их года за два до того в богадельне, но никому о том не считала нужным сообщать. Бедный Петр был при жизни горьким пьяницей, хотя отличным человеком. Он и руку потерял вследствие своего порока, и вот бедняга, если верить духам, и по смерти был наказан мучительной жаждой – воздаянием за свой грех.

Несколько последующих лет Е[лена] П[етровна] провела в постоянных разъездах, за которыми также мудрено было уследить, как и за причинами их вызывавшими. Она впоследствии ссылалась на сношения, будто бы тогда уже установившиеся между ею и ее *«руководителями»*, замыслившими направить ее деятельность на основание Теософического об[щест]ва, но мне *в то время* она о них никогда не упоминала до окончательного переселения в Америку.

Синнет[68] в книге «Incidents in the Life of Mme Blavatsky», утверждает, что уж в 1873 году у нее были «постоянные *психические* сношения с ее восточными учителями оккультизма» в Тибете

---

[*] Отец нынешнего министра путей сообщения в России Сергея Юльевича Витте.

[**] Один из бывших слуг Фадеевых.

и на Цейлоне и что, послушная их велениям, она всегда была готова на переезды в разные страны и разные части света… *Кто* именно эти таинственные личности, эти ученые индусы-маги, покровители и верховные распорядители судеб теософического братства и[69] существования всех искренно преданных ему членов? – я, должна сознаться, никогда не сумела этого понять и усвоить вполне, несмотря на все последующие объяснения сестры и других лиц, их знавших. Поэтому я[70] не возьмусь говорить о них, а предоставлю это самой Елене Петровне – ее письмам из Нью-Йорка, где она очутилась[71] летом 1873 года.

Она попала туда в самый разгар спиритизма и проявлений первых *материализаций*. Первые письма ее по этому поводу дышали изумлением и возбуждением самыми искренними. Как ни привыкла она к своему духовидению, но все же чудеса Слэда, Давенпортов и всего сонма духов всех форм и видов, вызванных из пресловутого Summer Land'a[72] (*Страны Весны* – так называли одно время американские спириты *тот* мир) ими и их последователями, вначале и ее озадачили. Все письма ее были переполнены описаниями того, что она видела в комнатах сеансов, в особенности *тех*, кого она там видела, потому что она то и дело узнавала знакомых умерших, говорила с ними, слышала их голоса…

Но вскоре в письмах ее стали чаще и чаще прорываться скептические и критические нотки… Посещение ею коттеджа братьев Эдди [в] Вермон[те], о которых полковник Генри С.Олькот[73] написал книгу под заглавием «Люди [с] того света»*, кажется, было последним камнем на весах ее мнения.

По крайней мере, вскоре после этого посещения взгляды ее окончательно установились в отрицательном смысле. Письма ее переполнились раздражением против «злоупотреблений спиритов» силами «несчастных медиумов» и легковерием общества. Она начала писать статью за статьей в американские журналы, указывая опасность увлечения медиумизмом, столько же вредным в своих преувеличениях, как и полное безверие и отрицание всего, кроме осязаемой материи. С этой поры она перестала посещать сеансы, сводившие с ума американцев.

У Эдди Е.П.Блаватская и полковник Олькот впервые познакомились. Он был отчаянным спиритом, но она скоро успела его разуверить в безусловной святости *всех* медиумических манифестаций и *в непогрешимой истине* показаний выходцев из Сёммер-Ланда[76]. Оба ярые противники материализма и безверия, они и впоследствии никогда не отрицали относительной пользы, принесенной миру, огрубевшему в отрицании всего духовного, неожиданным вторжением в него спиритизма, но находили, что роль его должна ограничиться обращением обществ к вере в *«нечто, не снившееся нашим мудрецам»*[77], а не вторгать их в другую крайность – в суеверие и вызывание дурных сил, иначе говоря, в *черную магию*. Е[лена] П[етровна] верила вполне возможности явлений умерших –[78] не вызванных магнетизмом фанатиков, а появляющихся самобытно,[79] но «тени милых отшедших», призываемые к воплощению посредством жизненных органов медиумов, ценой их здоровья и сил, она безусловно считала ложными, обманными видениями, ничего, кроме внешней формы, не имеющими общего с теми, в чью оболочку они на миг переряжались.

«Какие мы *спириты*, Бог с вами! – писала она мне тогда. – Если я и примкнула к составляющемуся здесь обществу теософистов, ветви индийского братства ариан, именуемого Ария-Самадж[80], то именно потому, что они честно борются, под знаменем истины и науки, со всеми предрассудками: и с злоупотреблениями лжепророков, жрецов-калхасов[81], и с вредными бреднями спиритов. Мы, скорее, *спиритуалисты*, да и то не на американский, а на древнеалександрийский лад».

Вскоре она написала мне, что очень занята делами по учреждаемому ею обществу[82] и задуманной книгой[83], которую она будет писать. Те отвлеченные научные вопросы, которых она сразу начала касаться в своих письмах, повергали всех нас в изумление: откуда вдруг нашла на нее такая премудрость? Тем не менее, я просто испугалась намерению ее писать какую-то ученую книгу. На опасения мои она отвечала мне указаниями на похвалы ее статьям в газетах, на эффект, произведенный ее полемикой с ориенталистами, а позже с профессором Гёксли (Huxley)[84] и

* «People from the Other World»[74], обратившую и в России внимание на этих медиумов по переводам и статьям о ней профес[сора] Вагнера в «Русском вестнике»[75].

другими учеными материалистами. Тут начали впервые проявляться намеки ее на то, что пишет собственно *не она*, а *«некто, знающий все»*, который на нее влияет, «*вселяется* в нее и ей *диктует*»… Первое время я принимала такие сообщения за фантазерство сестры, за выдумки, хотя необычайные познания ее, свободные цитаты на древних европейских и еврейском и восточных языках меня все сильнее заставляли задумываться и просто сбивали столку. После каждого письма Елены я разводила руками в изумлении, вопрошая себя: «Господи! Что с ней?.. Откуда она *вдруг все это узнала*?.. Что это значит? Что это будет?! Что за колдовское влияние на ней!»

Я серьезно за нее боялась! Сначала боялась, что она сходит с ума. Потом, когда в американской и английской прессе поднялись единодушные хвалы ее глубокой учености, восторженные отзывы о статьях ее, я уж не знала, что и думать, как объяснить свершившийся феномен. Она и сама этого не понимала… Но лучше обращусь к одному из писем ее.

«Вы не думайте, – говорит она в этом письме, – что я сошла с ума, но мне положительно *внушают*… Более того: *в меня вселяются*. Не я говорю и пишу, а мой внутренний ego[85] – my higher and luminous self[86] думает за меня и пишет…

Не спрашивай меня, друг, *что* я чувствую, потому что не могу тебе растолковать ничего ясно. *Я сама не знаю!..* Знаю я только, что на старости лет сделалась каким-то складом чужих знаний… Приходит *кто-то*, словно облако туманное обовьет меня и разом будто меня же выгонит из себя самой, и я уж не я – Елена Петровна Блаватская, а кто-то другой. Кто-то сильный и могучий, рожденный совсем в другой стране мира, а я будто сплю или лежу без чувств не в собственном теле, а как-то возле, будто удерживаемая только нитью, которая меня привязывает к своему телу. Я иногда все ясно, впрочем, вижу и слышу, что делает и говорит мое тело, новый *хозяин* его. И понимаю и запоминаю так, что после и написать и повторить *его* речи могу… Вижу я тогда благоговение и страх на лице Олькота и других. И слежу с интересом, как *Хозяин* презрительно смотрит на них *из моих глаз* и поучает их моим физическим языком, да не моим, а своим умом, который обвивает мой мозг, как облаком… Не могу я, право, всего объяснить…»

В другом письме к тетке своей Н.А.Фадеевой она так сама себе изумляется:

«Скажи мне, милый ты человек, интересуешься ли ты физиолого-психологическими мистериями?.. А ведь следующая для любого физиолога самая удивительная задача: у нас в обществе есть очень ученые члены, например, профессор Wilder, первейший археолог и ориенталист Соединен[ных] Штатов, а все они являются ко мне за поучениями и уверяют, что я лучше их всех знаю и восточные языки, и науки положительные и отвлеченные. Ведь это – факт! А против факта не пойдешь, как и против рожна. Так вот, скажи ж ты мне, как это могло случиться, что я, ученость коей куда как хромала почти до сорока лет, вдруг стала феноменом учености в глазах действительно ученых людей?.. Надёженька! Этот факт непроницаемая мистерия природы! Я – психологическая задача – ребус и энигма[87] для грядущих поколений – сфинкс!.. Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни и только самым поверхностным образом нахватала вершков; я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии как есть ни о чем понятия[88] не имела, – теперь я все это так знаю, что[89] пишу целые диссертации! Вхожу в препирательства с учеными, в диспуты, из которых то и дело выхожу победительницей… Я[90] не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, Надя, потому что я сама не понимаю, *как* это делается? Правда, вот уж почти три года я учусь и день и ночь, читаю и думаю, но все, что ни читаю я, мне кажется *знакомым*… Я нахожу ошибки в самых ученых статьях, в лекциях Тиндаля, Герберта Спенсера, Хёкслея и других. Приходит ли ко мне археолог, он уверяет, уходя, что я ему объяснила значение разных памятников, указала на такие пункты, о которых ему и не снилось. Все символы древности и тайный их смысл приходят мне в голову и стоят перед глазами, едва коснется их разговор. Ученик Фарадея, некий проф[ессор] Гикс[91], которого молва окрестила “отцом экспериментальной физики”, проведя у меня вечер, уверяет, что я заткну за пояс самого Фарадея!.. Ведь не дураки же они!.. И невозможно предполагать, чтоб друзья и недруги сговаривались возвеличивать меня в ученейшего человека, если б я доказывала только поверхностными доводами свои теории?.. Когда б только преданный Олькот да теософы возымели обо мне такое понятие, ну можно бы сказать: “Dans le pays des aveugles les, borgnes sont rois”[92], но ведь у меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи… Например.

Здесь есть два еврейских раввина Adler и Goldstein, которых считают лучшими талмудистами. Они и Каббалу[93] Симона-Бен-Иохая, и Codex Nasaraeus[94] Бардезана на память знают. Их привел ко мне Альджер, пастор протестантский, комментатор Библии, чтобы доказать, что я ошибаюсь в доводе на счет одной фразы халдейской библии Онкелоса, и что ж? Я их побила. Я им цитировала целые фразы на *древнееврейском языке* и доказала, что Онкелос – авторитет вавилонской школы…» и т.д.

Затем несколько страниц премудрости о Библии, о браминизме и буддизме и о злоупотреблениях западной католической церкви, которых незачем приводить. В подтверждение такого рода писем Е.П.Б[лаватская] постоянно присылала вороха вырезок из газет, потому что ее «ламазерия»[95], как называли журналисты ее жилище на 47$^{\underline{й}}$ ул[ице] в Нью-Йорке, всегда была полна репортерами.

В начале странного *обуяния* или *вселения*, свершившегося с Еленой Петровной в Нью-Йорке, она называла эту личность или силу, внушавшую ей ее необычайные знания, то Саибом, то *голосом*, потом уж окрестила ее переводом с английского слова «Master» (как и поныне называет все Теософическое об$^{\underline{[шест]во}}$ своих таинственных покровителей) *«Хозяином»* или *«Учителем»*.

«Я здесь, – пишет она, – никому не говорю того, что чувствую, – о *голосе*… Когда я их уверяю, что никогда не бывала в Монголии, что не знаю ни санскритского, ни еврейского, ни древних европейских языков, они не верят… Как же, говорят, не бывали, а так верно все описываете?.. Языков не знаете, а переводите прямо с оригиналов?.. И, разумеется, не верят. Думают, что я скрываю по каким-либо таинственным причинам. Да как же мне и отрекаться, когда все слышали, как я с лектором, который двадцать лет в Индии прожил, на индостанских наречиях разговаривала?.. Либо они все с ума сошли, либо я *подменена*, что ли?..»

В самом начале этих «ученых наитий», если можно так выразиться, в одном из писем к тетке она рассказывает о своем удивительном видении. Это было вскоре после того, как она, отказавшись от спиритизма, все глубже начинала вдумываться в задачи спиритуализма и психологии и ужасаться своей греховности на том основании, что некоторые из членов их нарождавшегося об$^{\underline{[шест]ва}}$ были способны видеть «явления чистых *планетарных* духов», а она, *«такая грешная, плотью обуянная»*, видела только «земные исчадия: *духов элементарных*» из той же категории *шишимор*[96], из которых, по мнению ее, берутся и медиумические материализации.

«В нашем обществе ведь все обязательно вегетарианцы, ни мяса не едят, ни вина не пьют, – первое правило! Известно, как дурно влияют на духовную природу человека испарения крови и спирта: только хуже разжигают животные страсти. Вот я постилась на днях даже гораздо строже: ела один салат и даже не курила целых девять дней кряду и спала на полу. И что же! Только одну сцену, препротивную, из своей собственной жизни увидала, но так будто я вышла из тела своего и смотрю на него с отвращением, как оно ходит, и говорит, и дуется от жиру, и грешит… Фу! Как я себя возненавидела!.. А на вторую ночь, когда я опять-таки легла на пол мраморный, от утомления я скоро забылась и вижу, что окружена таким тяжелым непроницаемым мраком, что ни зги не видно. И вдруг зажглась звезда… Высоко, высоко загорелась и летит на меня, падает… Упала мне на лоб и превратилась в руку. Лежит на лбу моем эта рука, и страстное во мне желание узнать: чья она?.. Я вся превратилась в моление, в порыв воли – узнать, *кто* это? Кому принадлежит эта светлая рука?.. И узнала: надо мной стояла *я же сама*… И вот вдруг этот второй двойник мой говорит моему телу: “Посмотри на меня!” И тело мое смотрит и видит, что у этого второго меня половина тела черная-пречерная, а другая половина серо-беловатая и только верхняя часть головы блестящая, белая, сияющая. Ну и говорю я сама своему телу: “Когда станет вся светла, как эта маленькая частица твоей головы, тогда увидишь то, что видят другие, омывшиеся, чистые… А пока мойся! Мойся и мойся!..” Так я и очнулась на таком наставлении от самой себя».

В то же время Елена заболела довольно серьезно сильнейшим ревматизмом в ноге, что не удивительно после девятидневного спания на мраморном полу! Ее лечил, писала она, какой-то негр, знахарь, которого привел к ней «Саиб» – «Учитель» тож, когда доктора решили, что началась гангрена и придется ногу отнять.

«Он меня вылечил совершенно, – писала она потом, – а с той поры я стала чувствовать странную двойственность. По нескольку раз на день мне стало казаться, что кроме меня кто-то другой, отдельный от меня человек, во мне присутствует. Я не теряю сознания собственной

личности никогда; чувствую только, будто я молчу, а другой, *постоялец, который во мне*, говорит моим языком.

Я знаю, например, что я никогда не бывала в тех местах, которые описывает мой *другой я,* но *тот*, второй я, совсем не лжет, когда рассказывает о местах и вещах мне незнакомых, потому что *он их точно видел* и хорошо знает. Я уж и рукой махнула: пусть моя судьба ведет меня, куда хочет!.. Что ж делать мне?.. Смешно мне отрекаться от знаний, которые мой №2й подтверждает, заставляя предполагать, что я их скрываю из скромности. Когда я одна ночью, когда лежу в постели, вся жизнь моего №2го проходит пред моими глазами, и я вижу… совсем не себя! Совсем другого человека, другой породы, других чувств… Да что говорить! Еще с ума сойдешь!.. Я стараюсь втянуться в это и забыть странность своего положения. Это не медиумство и уж никак не *нечистая* сила – больно уж всех в руках держит и наставляет на хорошее! Черт бы так не поступал… Духи?.. Да мои прежние шишиморы не смеют теперь ко мне и подойти. Мне стоит войти в комнату, где сеанс, и тотчас все феномены, особливо материализации, прекращаются. Нет… Это *что-то* повыше!.. Зато другого рода феномены у меня все чаще творятся по приказу моего №2го. На днях пришлю о них отчет. Интересно!»

Рассказ, который Елена Петровна прислала мне в вырезке из газеты «World», был озаглавлен: «Нью-Йоркская ламазерия*»[97], и точно был интересен. В нем повествовалось много сказочных эпизодов о вечере, проведенном в гостиной ее, где между множеством гостей, являвшихся законными путями, явились нежданные посетители «чрез *запертое* окно».[98] То были бесплотные «астральные тела», perésprits[99], впрочем, *живых* людей – «индостанских *Учителей*» (Гуру или Радж-йогов, имен у них множество), тех самых покровителей Теософического общества, из которых один, надо полагать, и был *внушитель* Е.П.Б[лаватской]… Она сама пишет о нем:

«Я этого индуса вижу каждый день, как вижу живых людей, только он эфирнее и прозрачнее кажется. Прежде я о них молчала, я считала их галлюцинациями, но теперь их видят и другие. Он является, дает советы, что писать и что делать. Он, видно, знает все, что делается, и даже, что думают другие, и меня заставляет высказывать свои знания… Иногда мне кажется, что он меня всю осеняет, что просто входит какой-то летучей эссенцией во все мои поры и растворяется во мне… И тогда мы с ним говорим людям… И вот я начинаю понимать и запоминать и науки, и языки, и все, чему он меня учит, когда его и нет со мною…»

Такие-то удивительные вещи стали твориться с Е.П.Блаватской по переселении ее в Соедин[енные] Штаты. Конечно, если б не наглядные доказательства ее «осенения», не плоды его – ее сочинения, обратившие внимание всей Европы, впору было бы раз навсегда заключить, что она помешалась. Но не могли же с ней одновременно помешаться сотни других лиц! Наконец, труды ее, доказывающие ее громадные знания, доказывают в то же время, что они, эти знания, не могли снизойти на нее внезапно – с сегодня назавтра – без вмешательства какой-либо психической, могущественной, людям неведомой силы…

Без сомнения, девять десятых читателей не поверят искренности и точности показаний ее близких, или же причтут к сонму помешанных и свидетельствующих об этих непостижимых уму человеческому фактах. Тем не менее, взявшись писать о жизни и деятельности сестры моей – этого *«сфинкса девятнадцатого века»*, как справедливо называют ее многие иностранные ее биографы, – я чувствую себя обязанной высказывать истину и говорю ее.

---

* Буддистский монастырь. Такие ламазерии находятся и в Цейлоне, и в Тибете. Они служат убежищем Мах-Атмам (Великим душам) или Радж-йогам, которых Т[еософическое] о[бщество] считает своими покровителями.

V

В подтверждение того, что писала нам[100] Mme Blavatsky, приведу сообщения самых близких ей в то время лиц: президента Теософ[ического] об[щест]ва (Co-founder and President[101])[102] Olcott'a и W.Q.Judge'a, тоже старейшего из ее сподвижников по основанию общества. Первый – заслуженный офицер, отличившийся в войне за освобождение негров, впоследствии занимавший административные места в Соедин[енных] Штатах, но со времени знакомства с Е.П.Б[лаватской] все оставивший ради интересов теософического движения[103]. Второй – очень уважаемый в Нью-Йорке бывший юрист, тоже бросивший адвокатуру и отдавший себя и все, что имел, на их общее дело. Мистер Джёдж состоит президентом американских теософов с самого основания об[щест]ва, с 1875 года. Эти два лица пишут, между прочим, о том первом времени ее деятельности в Нью-Йорке как очевидцы, не разлучавшиеся с ней.

Олькот, говоря о самопожертвовании Блаватской делу, о гонениях и клеветах на нее ханжей-иезуитов, равно как и тупоумных материалистов, сравнивая ее с величайшими оккультистами всех веков и утверждая, что она была в последнем столетии единственной в Европе посвященной во все таинства великих мистерий религии разума – теософии, говорит, что они «семнадцать лет шли рука в руку, признавая лишь волю своих "Учителей" (Masters and Teachers[104]), направлявших их к единому делу».

«Мы оба знали их лично, она во сто раз ближе, чем я. Это-то и делало разрыв между нами немыслимым… В ней совмещались *две личности*», из которых первая, сознается он, бывала порой беспокойной, раздражительной вследствие постоянных телесных страданий, но «я любил ее преданно за ее другую личность – за ее высшее *его*, полное таинственной силы».

«Видя нашу дружбу, можно было предположить, что я пользовался ее полной откровенностью и доверием, но факт тот, что, несмотря на многие годы близости в совместной работе, *она для меня осталась до конца неразгаданной энигмой*… Как часто казалось мне: вот-вот теперь я всю ее понял, я ее знаю! Но тут же мне открывались в ней новые способности, глубины недосягаемые. Я никогда не мог открыть и определить, *кто* она? Не как Е.П.Блаватская, дочь Ганов, внучка Фадеевых, князей Долгоруких и графов Прёбстинг, – генеалогию ее проследить не трудно, – *но кто та таинственная личность, которая писала и творила дивные дива в образе ее*?..»

Далее он рассказывает, как шаг за шагом следил за каждой страницей, каждой строкою «Isis Unveiled» («Разоблаченная Изида» – первое творение Е[лены] П[етровны])[105]. Как она писала ее *без всяких вспомогательных источников*, делая выноски, ссылки на фолианты и пергаменты, часто *единичные*, находящиеся в Ватикане, в Британском или другом каком музеуме[106], за тысячи верст от нее…

«Этого сочинения с его ссылками и необычайными сведениями было бы достаточно, чтобы убедить меня в чудесных способностях и в высочайших психических дарах его автора, – продолжает полковник, – но мне бывали не раз в них даны еще сильнейшие доказательства. Часто, когда мы зарабатывались до полуночи и ей приходилось поучать меня относительно оккультных (сокровенных) сил природы и человека, она дополняла свои объяснения наглядными демонстрациями, неожиданными экспериментальными феноменами собственно ради моего назидания в науке оккультизма, точно также как профессора химии и физики производят в своих лабораториях опыты ради подтверждения теорий Тиндаля или Фарадея. С нами *тогда* не было грязных предателей Coulombs (пролетарии, муж и жена, умиравшие с голоду, облагодетельствованные Блаватской и впоследствии предавшие и оклеветавшие ее корысти ради, подкупленные ее врагами[107]), *никакие лицемерные свидетели не стояли над нами, выжидая подачек от Радж-йогов в виде драгоценностей или чародейских сил*. Ей просто надо было, чтоб я хорошо понял то, что надо было ей яснее изложить в ее сочинении[*]. Я был одиноким свидетелем чудных дел, о которых никто никогда не писал… Никто, конечно, после этого не удивится, что я, –

[*] Это показание станет понятным, если принять во внимание факт, заявленный не раз печатно самой Е.П.Б[лаватской], что в [18]74 и [18]75 годах, когда она писала «Изиду», английский литературный, а тем более научный язык ей далеко не был так хорошо знаком, как впоследствии.

более нежели кто-либо осчастливленный этими ценными доказательствами ее знаний, которому она показывала не раз истинную мощь трансцендентальных химии и физики и чудесных динамических сил, сокрытых в духе и воле человека, – всегда презирал вздорные пересуды ее недобросовестных врагов и критиков. Могу ли я, – введенный ею на чудную стезю истины, по коей с той поры радостно иду, – я, которому *она доставила возможность видеть, узнать* и беседовать с нашими восточными Учителями, – не знать ее сил или в них сомневаться?..» (*Theosophist*, July)[108].

В другой статье полк[овник] Оллькот подробно рассказывает, как впервые к нему явился Мах-Атма в своем *астральном* теле, уложив плотское тело *спать* где-то в Цейлоне или Тибете, что не помешало ему с ним разговаривать и подарить ему свой тюрбан, который он и поныне хранит на груди как святыню. (Это я рассказывала подробно в «Очерках биографии Е.П.Б[лаватской]» в журн[але] «Русское обозрение»)[109]. Да простят мне и сестра моя, и ее сотоварищи, но я не в силах, повторяя такие показания, воздержаться от чувства невольного скептицизма, хотя и признаю, что собственно не имею права не доверять им, сама зная то̀, что знаю о ее ясновидении и психических силах.

Что касается Mr Judge'а, то он столько рассказывает феноменов о том времени пребывания Е.П.Блаватской в Нью-Йорке*, что из них трудно сделать выбор: это целая цепь непрерывных чудес, творчеств, размножений и раздвоений предметов, из коих лишь небольшое число объясняется *ма[й]ей* – миражом или внушением, а большая часть так и осталась материализованными предметами, имеющими и ныне свой вес и ценность. В числе подобных *творческих* феноменов один предмет особенно удивляет меня между многими материальными вещами из металлов, шелка и пр., которые Оллькот и Джёдж не раз показывали мне, утверждая, что они «сотворены» Еленой Петровной: это сохраняемый президентом как святыня чудный портрет одного Радж-йога, появившийся на чистом листе бумаги, на который Блаватская на несколько секунд возложила неподвижно руки… Десятки лиц были свидетелями появления этого портрета и засвидетельствовали о том печатно своими подписями. Но самый замечательный, по-моему, факт, который я *лично* проверила, это что ни один живописец и ни один химик в академиях художеств и лабораториях Лондона и Парижа, свидетельствуя подписями о необыкновенной тонкости и красоте рисунка, не могут определить, *какими красками* он нарисован… Все удостоверения в способе, которым Е.П.Б[лаватская] его проявила, а равно и последние свидетельства гг. академиков, хранятся у Оллькота вместе с портретом.

Я прошу извинения в том, что невольно забежала вперед и возвращаюсь к письмам Е[лены] П[етровны] из Америки, в то время как только что появилась на свет ее «Isis Unveiled».

«Тебе странным кажется, что индус Саиб[111] ко мне хозяином, en maître, вторгается?.. Понятно, что с непривычки к такому, хоть и не вовсе беспримерному, но совершенно игнорируемому доныне явлению всякий отнесется недоверчиво, от непривычки вникать в суть вещей. Ты вот спрашиваешь: "Не путешествует ли он еще по чьим-нибудь потрохам", кроме моих… Не знаю! Но вот что̀ *я знаю*. Допусти раз, что душа человека, его жизненная душа – perésprit – совершенно отдельная штука в организме, что perésprit не приклеен же клейстером к физическим потрохам и что именно эта животная душа, существующая у всего живого, начиная от инфузории до слона, только тем и отличается от животного двойника, что, осеняемая более или менее бессмертным духом, способна действовать самостоятельно. У непосвященного профана она действует во время сна, у посвященного адепта – по воле его во всякое время. Усвой это и многое тебе сделается ясно!.. Этот факт знали и верили ему во времена глубокой древности. Св. Павел, который из всех апостолов был единственным посвященным в адепты греческих таинств, прямо говорит об этом, рассказывая о своем "восхищении на третье небо" – *в теле или вне тела* – "не знаю, про то знает Бог!.."[112]. Также и Рода прямо говорит о Петре: "Это не Петр, а ангел его"[113], т.е. *двойник, дух*…

* Некоторые из них я привела в «Р[усском] о[бозрении]». В книге Синнета «Incident in the Life of Mme Blavatsky» их целая глава, составленная из показаний Джёджа и многих других свидетелей. Также в журналах этого года[110] «Lucifer» и «Path» (за июнь, июль и август) множество таких свидетельств.

А в Деяниях ап[остолов] (VIII, 39), когда “Дух Господень подхватил Филиппа и перенес его”[114]… Ведь не тело же его он перенес, не грубую плоть, а его ego – дух и душу его…

Читай Апулея, Плутарха, Ямблика и других ученых, все они *намекают* – клятва, даваемая при посвящении, не допускала их говорить прямо о таких феноменах. То, что медиумы совершают непроизвольно, под влиянием одолевающих их посторонних сил, то адепты производят сознательно, по собственной воле, вот и все!

Саиба я знаю давно. Он двадцать пять лет тому назад приезжал в Лондон с принцем непальским[115]. Три года тому он мне прислал письмо с одним индусом, который приезжал читать здесь лекции о буддизме. В этом письме он мне напомнил многое, что тогда предсказывал, и спросил, верю ли я ему теперь и согласна ли слушаться во избежание своего полного уничтожения?..

После того он много раз и сам являлся не только ко мне, но и к другим, и к Олькоту, которому велел быть президентом Т[еософического] об[щест]ва, и во всем научил, как лучше его устроить…»[116]

«Хозяина я знаю и вижу, а часто, *не видя его*, с ним говорю. *Кàк* это делается, что он меня слышит отвсюду и что я везде, из-за морей и океанов, слышу голос его по двадцати раз на дню, я не знаю! Но это так. *Он* ли собственно в меня вселяется?.. Ну, право же, не могу уверенно сказать. Не он – так его сила, его влияние. Им только я и сильна, а без него я – ничто!» – пишет Е[лена] П[етровна] в другом письме.

В успокоение наше насчет того, что ею овладел дух какого-то языческого кудесника, Елена много раз принималась доказывать нам, как глубоко ее «Хозяин» уважает Христа и дух его учения. Еще в последнее свидание наше летом 1890 года в Лондоне она подробно описывала пещерный храм в сердце Тибета, где-то возле Каракорумских гор, где возвышаются чудные бронзовые статуи Иисуса Назаретского, Гаутамы Капилавастского и Ананды, его двоюродного брата. Теперь нахожу их подробное описание в одном из писем из Нью-Йорка,[117] в котором она говорит, что уезжала и семь недель почему-то провела в Соугусе[118] в громадных лесах и в полном уединении, где никого не видела кроме «Хозяина», ежедневно ее поучавшего. «Громадная статуя Иисуса Христа, – говорит она, – представлена в минуту отпущения греха Марии Магдалине; Гаутама Будда подает пить воду из пригоршни нищему; Ананда же сам пьет из рук парии-проститутки…»[119] Очень жаль, что она не объясняет, *как* видела этот храм и статуи. Вероятно во сне или в видении… В это же время приблизительно, помню, она сердила меня рассказами о том, что учится *выходить из тела*, «отделять от себя свой двойник», и предложениями *«нанести мне визит»* во мгновение ока из Соединенных Штатов в Тифлис, чем меня и пугала и вместе смешила… Я просила ее не беспокоиться, не пугать меня нà смерть!

«Чего тут бояться? – отвечала мне сестра. – Не слыхала ты разве о появлениях двойников?.. Я, то есть тело мое, будет себе спать на моей кровати, а не то подождет меня и бодрствуя, да только в таком состоянии как тихий идиот. Понятно: ведь свет Божий в нем отсутствовать будет – к тебе полетит. А после прилетит и снова храм осветится присутствием божества… Только, разумеется, если не порвется между нами нить. А если ты закричишь, как сумасшедшая, нить может порваться и аминь мне тогда – мгновенно умру[120]!..[121]

Писала я тебе, что недавно еще был у нас в гостях двойник профессора Мозеса?.. Семь человек его видали. А Хозяина то и дело посторонние видят. Он иногда совсем как живой и превеселый. Постоянно надо мной посмеивается. А я теперь к нему совсем привыкла… Он скоро нас увезет в Индию, и там мы его увидим *в теле*, как следует быть»[122].

VI

Появление первого капитального труда Е.П.Блаватской, обратившего на нее окончательно внимание ученого мира, предшествовало множество мелких статей в американских журналах, между которыми особенно выделялись ее полемические статьи против Гёксли и других проповедников материализма, а позже против иезуитства католиков, против враждебных выходок папы[123] на славян, его кощунственных молебнов за успех мусульман и башибузуков[124] в Болгарии и России. О! Какие громовые статьи писала она в конце 18[76] года и весь [18]77й! Как болела душой, как мучилась каждым фибром, каждой каплей своей русской православной крови[125]!.. Письма ее в то время все были не чернилами, а слезами и кровью писаны!

Великолепно перевела она тургеневский «Крокет в Виндзоре» на английский язык, и был он перепечатан в нескольких американских газетах, производя большое впечатление[126]. Поляки нью-йоркские не давали ей покоя своими антироссийскими сходками. Появление же знаменитой папской речи о том, что «*схизма*[127], чем скорее подавлена, тем лучше», и что *«рука Божия может руководить и мечем башибузука»*[128], сложило ее в жару и бреду от негодования…

Тут-то и разразилась она рядом таких язвительных статей на папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский нунций[129] его, кардинал Mac'Klosk[e]y, счел безопасней задобрить ее и прислал парламентера. Нечего и говорить, что парламентерство было отвергнуто с негодованием и следующая статья на иезуитские действия римской курии еще усилена сатирическим описанием этого «комического» эпизода с[130] местным иезуитом.

Возмущенная коварным нехристианством главы западной церкви, Е[лена] П[етровна] торжествовала в том, что ей удалось так своевременно и доказательно изобличить в своей книге («Isis Unveiled») действительно преступные *«тайные правила Лойолы»*. Присылая мне «Изиду»[131], она указывает на одну главу, прося прочитать следующее правило, извлеченное ею из «Praecepta Decalogi»[132] (tom[us] I, lib[er] IV, c[aput] [II], 7, 8)[133]: «Сын, родители коего ищут совращения его в схизму, *имеет право убить их* или на них донести, зная даже, что они будут за то умерщвлены, *кем следует*…»[134]

Понятно, что в Италии это сочинение предано строгому изгнанию и что бывали даже примеры предания его торжественному auto-da-fe[135].

С самого начала военных действий Елена Петровна начала писать в русские журналы[136], предоставляя гонорар свой в пользу раненых, и даже первая плата за выписанную в Россию «Разоблаченную Изиду» пошла на ту же цель. В эти месяцы первых успехов ее она нас заваливала самыми лестными и восторженными похвалами себе и своей книге, вырезанными из всевозможных газет, а иногда и собственноручными автографами разных знаменитостей, как Лайман Джон Драпер или Альфред Рёссель Уаллас, писавшими ей самые чувствительные приветствия с просьбами почтить их своим ответом и, «если возможно», фотографией. Самым замечательным фактом были проповеди достопочтенного д[окто]ра Мак'Карти, епископального пастора при нью-йоркском университете, который избрал своей темой «Изиду» – «замечательное произведение самой замечательной женщины нашего века», как прославлял их «Herald»[137]. В продолжение целой серии обеден «Разоблаченная Изида» лежала в церкви на кафедре рядом с Библией, а почтенный проповедник, руководствуясь данными, описанными в III гл[аве] I тома[138], громил материализм, позитивистов и атеистов американского общества, последователей Огюста Конта.

Письмо Wallace'а, этого соперника Дарвина, и впоследствии его рецензия на книгу Е[лены] П[етровны] и ей, и нам были чрезвычайно приятны как верное доказательство ее достоинства.[139]

«Я поражен вашей эрудицией, – писал ей ученый. – Вы мне положительно открыли новый, непредвиденный мною мир с точки зрения, которая мне объяснила многое доныне непонятное…»[140]

Знакомства и приглашения на нее так и сыпались из мира наук и литературы, и в то же время журналисты утраивали и удесятеряли плату, состязаясь и хвастаясь ее сотрудничеством. Первые три издания «Isis Unveiled» раскупились в течение двух месяцев; всех их было до 20, и до сих пор запрос на сочинение продолжается, хотя по выходе «Тайной Доктрины» и пр[очих] трудов

Е.П.Б[лаватской] ею самой не раз было признано печатно, что собственно «Изида» представляет самое не систематическое, во многом не удовлетворительное и слабое из ее научных трудов.

Этой осенью сестра несколько раз бывала встревожена видением двоюродного брата нашего, Александра Юльевича Витте, в то время майора нижегородского драг[унского] полка. Он представлялся ей в крови, с перевязанной головой и лицом, искаженным страданием. К несчастию, видение это предшествовало истине: 2го окт[ября] 1877 года он точно одним чудом спасся от конечной гибели, но при этом был контужен в голову так сильно, что едва не умер тогда же. Контузия отставила роковые последствия вечных головных болей, осложнивших через несколько лет конечную болезнь, от которой полковник А.Ю.Витте и скончался в 1884 г.

Все письма сестры этого периода дышат отчаянием за него, за моего сына[141], делавшего тоже кампанию вольноопределяющимся в рядах тверского драг[унского] полка, и вообще за всех соотечественников, ранами, муками и лишениями которых она положительно болела. Зато каким восторгом дышали письма ее при каждом подвиге русских воинов, при каждом успехе нашего оружия. Изныло ее русское сердце во время страшных дел под Плевной[142]. Зато вот целиком открытое письмо, которым она восторженно разразилась 10 декабря:

«Ура! Ура!! Ура!!! Телеграммы отвсюду, что Плевна взята[143]. 40000 пленных! 400 пушек взято!.. Правда ли это все?.. Молодец наша Россия. Только неужели же еще позволят у нас этому кровавому бифстексу[144] – Англии – совать свой нос с ее “интересами”?!

Ура!.. Да здравствует моя далекая, милая, родная родина навеки и веки грядущие!.. Целую всех, всех, всех: с радости даже Наташку с Пашкой и лакея Антона. Е.Радда-Бай».

[145] В неудержимой радости, переполнившей сердце ее[146], Е[лена] П[етровна] на тех же днях написала своим письмо до того юмористическое, что его невозможно читать без смеха. При всех своих неустанных, чрезмерных занятиях, при почти постоянных физических страданиях и нравственных тревогах ее врожденное остроумие и веселость в переписке ее постоянно били неудержимым ключом. Все письма ее всегда так и блещут то глубиной премудрости и знаний, то блестящим фейерверком острословия, редко совместимых в одном и том же лице.

Поводом к веселой насмешке над самой собою на тот раз было желание Американского френологического общества иметь не только портрет[147], но снимок с головы ее в своем журнале. Заказали лучшему фотографу несколько дюжин ее фотографий, причем с каждого снимка она выговорила себе по дюжине; потом прислали известного профессора Буканана, психолога, френолога и физиолога, занимающегося и поныне не только этими положительными отраслями знаний, но и психометрией и составлением гороскопов и предсказаний, двадцать лет изумляющих мир своей верностью… Но пусть рассказывает сама.

«Прислали ко мне бедняжку френолога-оккультиста при огромном букете (словно примадонне!) и при трех коробах комплиманов[148]. Щупал он, щупал мою голову; вертел ее, вертел; сопел надо мною, сопел, как паровой котел, аж в пот нас обоих ударило и, наконец[149], et enfin laissa tomber les mains[150]!.. “Это, говорит, разве голова?! Это не голова, а шар противоречий. На ней, говорит, война шишек самых враждебных. Все какие-то турки с черногорцами[151]!.. Я ничего не могу понять в этом хаосе и столпотворении[152] невозможностей. Вот, например, тычет он мне в череп, шишка пламенной веры и упования, а вот тут, рядком, шишка скептицизма, пессимизма, недоверия так и вздулась! Теперь, не угодно ли?.. Вот вам шишка чистосердечия прогуливается рядком с шишкой лицемерия и хитрости… Шишка любви к родине, к оседлости гонит взашей шишку бродяжничества и непостоянства… Разве ж это *добропорядочная* голова?!”, спрашивает. Схватил себя самого за чуб да с горя и выдернул клок волос с собственной, по всем правилам френологии[153], верно, сложенной головы…

Однако все же описал, и нарисовал, и опубликовал мою бедную головушку, предав ее ста тысячам подписчикам “Phrenological Journal” на посмеяние[154]… Ох-ох-ох! Тяжела ты шапка Мономаха: подавляет меня ореол собственной, но не по заслугам стяжаемой славы… Вот посылаю и вам мою бедную головушку без соуса на съедение. Угощать ею сто тысяч янки, так уж как же не удостоить своих кровных?»

Е.П.Блаватская
(The Phrenological Journal, 1878, т. 66–67, март)

VII

Кроме положительных знаний в области космических наук, обративших внимание ученых на «Разоблаченную Изиду» Е.П.Блаватской, специалисты обратили на нее усиленное внимание со стороны открываемых ею глубоких познаний в тайных учениях древности. Экзотерические[155] символы и обряды, заимствованные более юным масонством у таинств древних оккультистов, утратили свой сокровенный смысл; даже многие, считавшие себя редкими эзотеристами, посвященными в сокровенный смысл внешних знаков, в сущности, его не знали… Я сужу по множеству писем к сестре моей, писем, кроме более или менее известных имен, подписанных еще *тремя многозначительными точками*, в которых к ней обращались за разъяснениями многих отвлеченных вопросов по глификам[156] и символизму. Предо мной, между прочим, письма д[окто]ра Бёк[а], профессора из Цинциннати, известного масона и каббалиста, и его сотоварища[157], который всю жизнь провел в изысканиях по Каббале и по тайнам розенкрейцерства. В этих письмах[158] оба признаются, что единственно ей, Блаватской, обязаны разоблачением эзотерических (сокровенных) тайн, всю жизнь составлявших для них неразрешимую загадку.

Узнав из первого творения Е.П.Б[лаватской] многое такое, за чем всю жизнь бесплодно гонялся, Бёк *в ней самой*[159] *нашел тоже тò, чего никогда не находил* доныне: «Как только я знакомился лично с творцом какого-либо оккультического сочинения, я всегда находил его преследующим цели выгоды и славы ради, – говорит д[окто]р Бёк. – Я, прежде всего, с этой стороны незаметно зондировал характер автора, сильно поразившей меня “Изиды”… Я нашел в ней полную готовность без малейшего эгоизма или самомнения делиться со всеми запасом своих громадных знаний, отвергая решительно всякое воздаяние, в смысле денежных ли выгод или прославления ее способностей. Если кто называл ее великой или мудрой, она возражала: “Не я велика и мудра, а те, которые руководят мною – *Учителя*, которых я слуга!”»[160]

Надо думать, что она недаром, без всякого со своей стороны искательства, как только вышла ее «Изида», была немедленно избрана членом братства масонов. Она писала в феврале 1878 г.:

«Слушайте, братцы[161]! Посылаю вам курьез. Смотрите, удивляйтесь и назидайтесь: масоны Англии, главой коих состоит принц Уэльский, прислали мне диплом[162] – возвели в высший масонский чин, значит я нынче – “Таинственный масон”!.. Ох! Того и жду, что еще за добродетели в папы римские посадят…

Присланный орден очень красив: рубиновый крест и роза. Посылаю вырезку из масонского журнала».

Диплом на почетное масонское звание сестра, впрочем, имела не из Европы только: ей тогда прислала[163] диплом старейшая, еще дохристианская ложа бенаресского об[щест]ва «Сат Бай»; он, разумеется, был на санскритском языке с изображениями браминских знаков. Замечательно, что в нем Е.П.Б[лаватская] называется не сестрой, а «братом женского пола», нарекается именем *Рад*[164] и признается облеченной в одно из высших званий масонской иерархии. По крайней мере, там сказано следующее: «И отныне брат наш Рад облечен в силу знаний своих во власть над низшими званиями министров (?), курьеров (!), слушателей, скрибов[165] и *немых* (?!)».

«Так как Олькот только Courrier de Sat B’hai[166], а я Archi-Ministre[167], то, несмотря на свое президентство, он должен предо мной трепетать!» – шутила Елена Петровна, рассказывая нам об этом событии.

В то же время ее ожидали еще два сюрприза в награду[168] за это первое[169], по ее мнению, весьма неудовлетворительное сочинение. Из Индии тоже какой-то принц прислал ей в подарок очень редкое по древности издание их Багавад-Гиты[170] в драгоценном переплете из перламутра с золотом, а другой, американец, умирая, завещал ей свое имение – дом и 32 десятины земли[171] возле Нью-Йорка. На беду оказалось, что завещание будет иметь значение только в случае натурализации указанной в нем наследницы. Волей-неволей пришлось Е[лене] П[етровне] принять американское гражданство. Собственно все дело была вздорная формальность, но она сильно расстроила ее.[172]

«Милая моя Надёженька, пишу тебе, чтобы не лопнуть от какого-то странного чувства, которое просто душит меня! 8[е] июля[173] сегодня: знаменательный для меня день… Только к

лучшему ли, к худшему, Бог знает!.. Сегодня, – пишет она, – ровно пять лет и один день, что я приехала в Америку; и вот сейчас только я вернулась из Supreme Court, верховного суда или трибунала, где принимала торжественную присягу в верности американской республике и конституции. Теперь вот уж целый час, что я равноправная с самим президентом Соед[иненных] Штатов гражданка. Это все прекрасно: моя оригинальная судьба сложилась так, что я должна была принять гражданство, но что ужасно противно, это что пришлось мне, к великому изумлению и отвращению, произносить публично на суде вслед за судьей, как попугаю, тираду, в которой говорится: "Отрекаюсь навеки и даже до самой смерти от всякого подданства и повиновения императору всероссийскому. Отрекаюсь от подчинения властям, им установленным, и государству российскому и принимаю[174] обязательство защищать, любить и служить единой конституции Соединенных Штатов… Да поможет мне Бог, в коего верую".

Ужасно мне жутко было произносить это подлейшее отречение от России и государя!.. Теперь я не только вероотступница от родного православия, а еще политическая и государственная изменница… Приятно!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить… Нет уж, это – дудки! 32 десятины земли у янки возьму и продам и деньги на об[шест]во отдам, а сама – какая была, такой и останусь. Совести не продам и за землю горшечника[175], а скорей поднадую Янки Дудля[176]. Ничего! Ему не впервые, да и не очень-то он во мне нуждается».

Весною этого самого года, последнего проведенного ею и полковником Оллькотом в Америке, с Е[леной] П[етровной] произошел оригинальный и совсем неожиданный казус, который лучше всего описать ее же словами.[177]

«Не писала я тебе, многолюбимый друг, уж с месяц, и знаешь ли почему?.. В один прекрасный апрельский вторник я встала как всегда и как всегда же села к письменному столу за свою калифорнийскую корреспонденцию. Вдруг – через секунду мне показалось, не более – смотрю: я с чего-то очутилась в своей спальне и лежу на постели. И уж вечер, а не утро… И вижу вокруг меня теософы наши и доктора с самыми озадаченным физиономиями, а Оллькот и сестра его, миссис Митчель, лучший мой друг здесь, бледные, кислые, сморщенные, будто их только что в кастрюльке скипятили…

Что за притча? Что случилось?.. Я их спрашиваю, а они меня засыпали вопросами: что со мною было?.. А я почему знаю?.. Ничего не было. Ничего не помню… Только странно, что сейчас было утро вторника, а теперь вечер и, говорят, субботний… А для меня эти *четыре дня бесчувствия* показались одним мгновением. Вот так штука!..

Представьте, все меня мертвой считали и уже сжигать мою отслужившую храмину собрались, как вдруг "Хозяин" из Бомбея, спасибо ему, телеграфирует Оллькоту: "Не бойтесь: она не больна, а отдыхает. Заработалась: тело требовало отдыха… Теперь будет здорова".

"Хозяин" правду сказал. Он все знает: я точно была совершенно здорова!.. Только *ничего* не помнила. Встала, встряхнулась, прогнала их всех и села себе писать в тот же вечер. Но уж зато дела накопилось страх! О письмах и думать некогда было».

Последние месяцы пребывания сестры в Нью-Йорке были очень беспокойны. Лето [18]78 года осталось памятно туземцам большими бедствиями: небывалыми жарами и желтыми горячками, свирепствовавшими эпидемически, хуже всякой холеры, не говоря уж о множестве других болезней и о беспрерывных случаях солнечных ударов. Е.П.Б[лаватская], уж несколько месяцев готовясь переехать с президентом об[шест]ва и двумя-тремя из ближайших своих сотрудников в Индию ради совместных действий с Суами Даянанд[ом] Саразвати, главой братства Ариа-самадж (ветвью которого Т[еософическое] о[бщество] в начале себя только почитало), все распродала; уж день отъезда был назначен в августе, когда их остановила телеграмма из Бомбея – дождаться приезда оттуда какого-то индуса с особыми инструкциями. Жить без[178] занятий среди уложенных сундуков в душном городе не стало сил у бедных, сбитых с колеи теософов. Они уехали на берег океана, где провели несколько недель в прелестном местечке на острове Ист-Гэмптон[179], где Елена Петровна чуть не целые дни проводила на море или в море, купаясь и заплывая очень далеко. К несчастию, это удовольствие было прервано неприятными посещениями акул… Одного мальчика пополам перекусила гадина. Нескольких убили, одну в 16 футов

длиною[180]. Пришлось отказаться от далеких плаваний, даже в лодках, на ловлю гомаров[181] и рыбы, они были опасны.

Письма Елены этого времени полны разъяснений о том, зачем именно они переселялись в Индию и кто такой Даянанд Саразвати, великий[182] реформатор, прозванный англичанами Лютером Индии, а миллионами своих последователей-туземцев[183] величаемый *суами*, т.е. *святым*,[184] проповедовал единобожие по древним Ведам, священным книгам буддизма, писанным, когда оно еще не было искажено браминами-жрецами в пеструю мифологию, в сказки и суеверия, измышленные в расчетах на покорение масс силой страха.

Известно, что древний эзотерический буддизм сингалезцев и народов Северной Индии во всех догматах и основаниях своих тождествен. Его впоследствии в Индии совратили в многобожие брамины – эти кардиналы и иезуиты церкви, основанной на чистейшей нравственной философии Гаутам[ы] Будды. Даянанд Саразвати – пандит, т.е. ученый, знавший превосходно не только азиатские, но и все европейские, в особенности древние языки, изучил Веды по самым древним источникам и[185] несколько лет ходил, проповедуя их своим соотечественникам в первобытной их чистоте[186]. Он и был основателем и главой общества братства ариан – Arya Samaj. В его [в]ведение[187] должны были поступить и представители американских и европейских теософов, но они скоро разошлись на два совершенно отдельных общества. Цели их, в смысле очищения религии до веры в Единого Творца – в Безначальное Начало всего, от коего все исходит и к коему все стремится, и в вечный дух, присущий человеку, – быть может и были тождественны,[188] но Даянанд все же оказался человеком узким и не мог разделять широкой терпимости Блаватской[189]. Он вообразил, что все члены Т[еософического] об[щест]ва, так же как и его братства, *должны быть* непременно и буддисты, и вегетарианцы. Теософическое же об[щест]во, как ныне, так и тогда, основано на принципе *невмешательства* в совесть своего соседа. Такая терпимость индусу показалась преступным равнодушием к делу спасения своего ближнего… Он ни допустить, ни понять этого не мог и поставил прямо вопрос: или все члены Т[еософического] о[бщества] буддисты, или разойдемся!.. Разумеется, выбора основателям братства теософов не было: большинство их членов были христианами, и все об[щест]во рухнуло бы в самом начале, если бы вступление в него обусловливалось отречением от веры.

У теософов были и есть, собственно, три основных цели: 1) основание *всемирного братства* без различия вер, рас, происхождений, с обязательством не только постоянно стремиться к собственному нравственному усовершенствованию, но и в посильной помощи своим собратьям – духовной, а при нужде и возможности и материальной; 2) содействовать распространению и изучению арийских и других восточных литератур, религий и наук; и 3) отнюдь *не обязательное* для всех – изучение и изыскание в области необъясненных законов природы и психических сил человека.

Из трех этих целей лишь первое – основное постановление о терпимости, равноправности и братстве, о стремлении к нравственному самосовершенствованию – *обязательно* для всех членов для вступления в об[щест]во. Два остальных зависят от доброй воли и личного желания.

Наконец, в конце декабря 1878 г. основатели Т[еософического] о[бщества], свидевшись с индусами, которых поджидали три месяца из Бомбея, и получив от них всякие инструкции, адрес и письма, отправились в Лондон, где думали пробыть недели две, но где их продержали чуть не два месяца. Е[лену] П[етровну] караулило множество желавших ее монополизировать людей, но д[окто]р Биллинг перехитрил всех: он встретил ее на самой пристани и усталую, разбитую очень дурным переездом увез прямо в свой дом. Там ее ожидал самый радушный прием его жены и прекрасное помещение и собственный уход его как врача. Тут Е[лена] П[етровна] отдохнула и поправилась, хотя и здесь ей не давали покоя репортеры и массы посетителей, литературные и ученые знаменитости. Ветвь Т[еософического] о[бщест]ва была открыта и упрочена в Лондоне и в Париже, куда они, однако, не поехали, несмотря на усердные призывы множества лиц. Более всех призывали Е[лену] П[етровну] Leymarie, издатель «Revue Spirite», Lady Caithness (duchesse de Pomar)[190], председательница тамошней ветви, и князь Эмиль Витгенштейн, всегда состоявший в переписке с нею по старой[191] дружбе.

С этим Витгенштейном случилась замечательная история, о которой он сам печатно рассказал в журнале «Spiritualist» (июнь 1878 г.)[192]. Ему до войны предсказали духи, что он сильно

пострадает в предстоявших делах; он тотчас написал об этом Блаватской, прощаясь с нею. Она же вместо сочувствия написала ему смехотворное послание, в котором заявила, что он может успокоиться, что *духи*, по обыкновению, приврали, а что «Хозяин» велит ему сказать, что он в этой войне не только не будет ранен, но даже и пороху не понюхает… Это, разумеется, было крайне дерзкое предсказание… Витгенштейны всегда были известны храбростью. Однако оно *вполне оправдалось*. Вот что, между прочим, писал сам князь:

«Во все время кампании я не слыхал *вблизи* ни одного выстрела… Я просто стыдился самого себя и делал все, что от меня зависело, чтобы попасть в центр знакомых свиста и грома, но все напрасно! Как только я подъезжал к месту действия, вражеские канонады умолкали; едва я отъезжал – они возобновлялись!!!»

И он указывает на факты и на свидетелей…

«Я не могу думать, чтоб это был *только* случай, – продолжает он, – это слишком часто и слишком однообразно повторялось. Я убежден, что мне покровительствовала магическая сила лица, сказавшего, что употребит на то свою силу… Я тем более в том уверен, что лицо это – один из самых могущественных обладателей тайных знаний, проповедуемых теософистами…»

Вот какую оригинальную службу сослужил приятелю Е.П.Блаватской ее «Хозяин» по просьбе ее.

VIII–IX

17 февраля 1879 [года] теософисты наши достигли, наконец, места своих главных успехов и будущей шестилетней деятельности Е.П.Б[лаватской]. На пристани Бомбея их встречали многие сотни членов братства Ария-самадж с музыкой, цветами и пением *мантр*, священных гимнов. Они никак не ожидали такой многолюдной и демонстративной встречи, и что в особенности смутило и насмешило Блаватскую[193], это что их всех опутали, как праздничные шесты, гирляндами…

«Олькот стал похож на карнавального boeuf gras[194], мисс Бэтс на шест, увитый павиликой, Уинбридж на рассадник лилий и роз, а я сама, должно быть, на мячик, сотканный из цветов. Меня и смех, и злость разбирали!.. Усадили нас на баркас и с музыкой поплыли мы к пристани, а там новое торжество: встретили нас местные голые танцовщицы, окружили и, затянув свои мантры, повели нас торжественно, все время бомбардируя цветами, к… вы думаете к экипажу?.. Как же!.. *К белому слону!* Господи! Что̀ мне стоило только взлезть по рукам и спинам голых *кули* (рабочих) на эту громадину!.. И как я не вывалилась из павильона, куда меня с Олькотом усадили, особливо, когда слон вставал!.. Других посадили в паланкины, и вот при кликах, бубнах и литаврах, при театральном торжестве, песнопениях и общем бесновании повезли нас, рабов Божиих, в помещение Ария-самадж»…

И пошли ежедневные митинги, сборы, спичи, а потом и осьмнадцатичасовая[195] работа изо дня в день. Сначала все шли чествования и празднования. Угощения в театрах пьесами в 12 актах и 37 картинах на санскритском языке опять-таки с обвиванием цветами и мишурными цепями, с вспрыскиванием духа̀ми и финальными приветственными спичами к теософам самого бога Рамы, парившего под потолком на облаках верхом на змие Ананде… Потом устройство жительства, правления об[щест]ва, редакции предполагаемого журнала, а для самой Е[лены] П[етровны] кроме того ответы на тысячи писем (по званию секретаря-корреспондента) и ее статьи в русские и американские журналы, которыми она положительно в первое время переселения кормила всю «главную квартиру» Т[еософического] о[бщест]ва.

Очень интересен перечень занятий того времени Е.П.Б[лаватской], который она сообщает тетке своей Н.А.Фадеевой в одном из писем[196]. «Неугодно ли познакомиться с программой моей *обязательной* ежемесячной работы?.. Вот. 1) Проверить всякую статью для очередного № *Теозофиста*[197]. 2) Перевести на английский язык от двух до четырех статей с санскритского или других местных языков. 3) Самой написать передовик от редакции да еще какую-нибудь[198] статейку за моей подписью. 4) Проверить все мистические статьи, чтоб Олькот и другие сотрудники не перепутали чего и не пересолили. 5) Проверять корректурные листы, иные раз по пяти. 6) Ответить дюжины на три-четыре писем, адресованных “секретарю-корреспонденту Т[еософического] о[бщества]”. 7) Благодарить и заявлять о приеме книг со всех стран света, жертвуемых в нашу библиотеку. 8) Отвечать на несколько десятков частных писем. 9) Написать две-три *срочных* статьи в америк[анские] и здешние газеты. 10) Присутствовать при посвящении, записывать и выдавать членские дипломы вновь поступающим в об[щест]во, десятки их, а то и более*. 11) Проверить и записать новых подписчиков на журнал. 12) Пробегать ежедневно до 40 газет и журналов. 13) Каждый вечер обязательно принимать гостей (сколько в зале поместится), с научными целями являющихся браминов, буддистов, сикков[199], джайнов, парсийцев, мусульман и европейцев; до одиннадцати часов с ними рассуждать о философии и метафизике. Кроме всего этого являются временные занятия, например: 14) разослать 650 пригласительных карточек, – какую влагаю и тебе как члену об[щест]ва, – на великое празднество, имеющее быть завтра вечером, 29 ноября, в честь четырехлетия об[щест]ва (1879), открытия библиотеки и выхода в свет нашего журнала “The Theosophist”. Представь себе удовольствие в этот жар разодеваться в пух и прах, обвешаться медалями, значками и лентами разных обществ и улыбаться 650 членам, теософам *голым, полуголым*, в кисейных туниках и во фраках с белыми галстухами[200]… Слава Богу, в начале декабря уезжаю с депутацией рао бахадуров[201], то есть “великих воинов”, в Аллахабад; еду с двойной целью: первая – свидеться с нашим Суами Даянандом, а вторая – познакомиться с женою резидента. Обещалась Синнетам приехать погостить… Пойдут там визиты, обеды, балы в высшем

* В первые годы, а тем более в первые месяцы, наплыв в Т[еософическое] об[щест]во был очень велик.

обществе. Волосы дыбом становятся от одной мысли!.. А надо… Но я предупредила м[р]с Синнет, что хоть я, дескать, и не русская шпионка, а американская гражданка, но слова неуважительного о России или нашем государе не потерплю! Не хуже Кита Китыча[202], чуть что при мне скажут, обругаю их Англию: так пусть наперед и знают!»*

Первое время пребывания в Индии Е[лена] П[етровна] и Олькот были страшно оскорблены глупейшей подозрительностью англо-индийских властей, учредивших за ними полицейский надзор. Разумеется, Елена как русская возбуждала наибольшие опасения. Три месяца длилась эта глупая история: теософов принимали за шпионов с «пропагандисткой русского владычества во главе», распечатывали их письма, следили за движениями… Е[лена] П[етровна] бурлила, кипела негодованием и плохо приходилось от ее открытых насмешек несчастным полицейским офицерам, которым выпадало на долю следить собственно за ней. Она их узнавала, как бы они не переодевались, и горе им было! Мы много смеялись ее тогдашним письмам. В то же время она писала негодующие письма в Лондон влиятельным друзьям своим и членам об[щест]ва. Там горячо вступились за них[203]. Либералы Массей и Митчель разразились потоком статей в *Times* и других газетах, где упрекали и пристыжали правительство Индии в слепоте, в грубости к женщине-путешественнице, приносящей честь и пользу науке и кроме задач научных и нравственных не имеющей никаких целей. А еще более влиятельный член Т[еософического] об[щест]ва лорд Линдзей, он же член совета в Королев[ской] академии наук и президент Астрономического лонд[онского] об[щест]ва, написал лорду Литтону, тогдашнему вице-королю Индии, что полиция его осрамилась: «Я, мол, сам член их Теос[офического] об[щест]ва, так вы, пожалуй, и меня за русского шпиона и агента сочтете, если я приеду в Бомбей?..»

Л[орд] Литтон тотчас же приказал оставить их в покое: «Теософы совсем не агитаторы и шпионы, а просто русско-американские энтузиасты!» – заявил он и сам весьма скоро заинтересовался ими и очень дружески приглашал на свои обеды и вечера Блаватскую. Тем не менее, нарекание в шпионстве отчасти привилось и позже всплывало не раз.

С наступлением жары Олькот и[204] Елена Петровна двинулись в Среднюю, а потом и в Северную Индию на предгималайские высоты, в Аллахабад, в Раджпутану, потом в Симлу, в Лахор и на Голубые горы. Письма ее из этих мест делаются похожими на рассказы [из] «Тысячи и одной ночи», до того удивительны посещаемые ими места, часто совершенно неизвестные европейцам, и до того фантастичны сказочные подробности, переполнявшие эти экскурсии.

Тот, кого она называла «Хозяином и Учителем», – явившимся им здесь впервые живым человеком во плоти (это свидетельствуют письма Е[лены] П[етровны] от весенних месяцев 1879 г.), – недаром обещал познакомить их с *«настоящей Индией»*, с Индией Радж-йогов, подземных храмов, чудесных пещер, в которых творятся еще более чудесные дела!.. Он сдержал свое слово.

В то первое их путешествие, совершаемое отчасти для свидания с Даянанд[ом] Саразвати, он сам еще благоволил к теософам и, благодаря ему, совершались наглядные, так сказать, красивые материальные феномены, до которых собственно Радж-йоги (Махатмы) никогда не снисходят, презирая их как пустую забаву. Как бы то ни было, но дни и ночи, проведенные ими в подземных храмах Курлийских пещер[205] во время полнолуния – *индийского* полнолуния, заливавшего алмазным освещением сотни миль гор и дол, покрытых сказочной растительностью, непривычным ароматом которой европейцы захлебывались, – для нас, северян, представляли прелесть и чудо не меньшее, чем чудеса Суами Даянанда.

А чудеса были немалые!.. Особенно раз в Бенаресе во дворце махараджи Визианаг[а]рамского[206] в присутствии многих европейцев**, когда в зале, закрытой отвсюду, на головы присутствующих начали падать одновременно, по востребованию каждого, ветки липы в цвету, рябины в красных гроздьях, сосен в *обледенелых* шишках, покрытых снегом; мало того: частые хлопья снега, таявшего на глазах общества и массы всевозможных тропических и северных цветов, покрытых росой[207]…

---

* В другом письме она, извиняясь в краткости своих родственных корреспонденций, объясняет свой лаконизм тем, что у нее «мозги скрутило» от множества разнородной письменной работы и пальцы сводит от устали.

** Кроме свиты полковника Олькота и Блаватской с ними были издатель газеты «Pioneer» Синнет с женой, начальник местной полиции Гордон с женой, ученый немец-путешественник Тибо и многие другие.

В подтверждение этих и многих других чудес, проделанных для удовольствия и назидания его европейских друзей проповедником единобожия «святым» Даянандом Саразвати, сестра прислала нам печатные о них отзывы местных газет.

В Аллахабаде и Симле, живя у редактора-издателя официальной газеты «Пионер» А.П.Синнета, у полковника Гордона, у Юма или Росс[а] Скотта, крупных местных сановников, перезнакомившись с властями и англо-индийским обществом, Е[лена] П[етровна] считала себя более или менее гарантированной хоть от крупных неприятностей, но не тут-то было: она считала без хозяина[208]! А хозяевами-то оказались лица духовного звания – епископы и миссионеры, католики и протестанты…

Положим, их негодование и восстание против теософов понятно: как бы то ни было, но они шли вразрез с христианством уже тем одним, что не предпочитали его буддизму[209]. Протесты и вражда духовенства понятны вполне, но совершенно непонятны те недостойные происки и клеветы, которые оно пускало в ход. Нарекание в шпионстве потерпело фиаско… Теперь пустили в ход выдумку еще нелепее. Распустили слух, что Блаватская умерла и похоронена в Адене, а что в Индию явилась самозванкой ее собственная горничная или ключница. Это было из рук вон глупо, и разумеется всем, знавшим лично Е.П.Б[лаватскую], приходилось только смеяться, но *не* знавших ее было, как и врагов, несравненно больше, чем друзей… В журналах, враждебных Т[еософическому] об[щест]ву, начали появляться оскорбительные статьи[210]. Пришлось и ей прибегнуть к помощи прессы и свидетельству официальному. Блаватская писала родным, писала властям, между пр[очим], и князю А.М.Дондукову-Корсакову как генерал-губернатору Одессы, последнего русского города, где она проживала, и старому ее знакомому[211]. Нечего и говорить, что свидетельства и удостоверения в свое время пришли самые убедительные и посрамили органы клерикалов. «Пионер», а за ним «Indian Mirror», «Amritta Bazar Patrika» и множество других либеральных газет подхватили это анекдотическое новое фиаско врагов Т[еософического] об[щест]ва и разнесли по всему миру эхо своих насмешек[212].

Это дало временное торжество Е.П.Б[лаватской], но, – увы! – не имело для нее благих результатов, потому что крайне раздражило ее далеко не бессильных врагов и в последствии удвоило их озлобление и решимость вредить вообще не столько Т[еософическому] об[щест]ву, сколько ей лично.

Вообще, глядя издали на всю ее жизнь и деятельность, как ясно видишь ныне, что друзья своей излишней ревностью и горячностью много, гораздо более настоящих врагов, вредили ей[213]. Ни один враг, например, не пропагандировал и не прославлял ее феноменов, а ведь *ничто* столько не вредило и не вредит ее доброй славе, как все эти чудеса, верить которым невозможно людям, *их не видавшим*,[214] потому что в них даже *очень трудно* верится тем, кто их и видел… Все как-то думается: да не одурачен ли я? Не пропустил ли без внимания какую-нибудь все объясняющую подробность?.. Нет ли-де лазейки из необходимости допустить такую невозможность?..

Это вполне натурально и законно. Таких крайних верующих в психические силы и власть человека над природой, как ближайшие последователи и безусловные почитатели Е[лены] П[етровны], – как Олькот, Синнет, Джёдж и им подобные, – мало! А они-то своими безгранично убежденными рассказами о чудесах, творившихся ею, больше всего и навлекли на нее обвинений и горя…

Я, знавшая давно и достоверно удивительные свойства ее и психические дарования, вполне убежденная, что она *точно* владеет необычайными силами, – даже я с негодованием и болью на̀ сердце читала такие статьи, как, например, книга Синнета «The Occult World»[215], которая относится именно к этому времени и рассказывает вещи, которым ни один здравомыслящий человек верить не может[*]. Я тогда же писала сестре, что, по-моему, такие рассказы ее друзей,

[*] На пикнике, устроенном au hasard[216] в лесу, где никто прежде не бывал, одному гостю не хватило чашки в сервизе на 12 человек, потому что он был тринадцатый. «Чашку можно достать! – сказала Е.П.Б[лаватская]. – Возьмите нож и выройте ее из земли». – «Где же рыть?» – спросили ее. – «Да где хотите. Вот у того дерева где-нибудь…» Начинают рыть, тоже au hazard, и дорываются до чашки, до того плотно улежавшейся и *заросшей* волокнами корней древесных, что ее трудно от них отделить и вынуть. Чашка оказывается *тринадцатой* именно к сервизу – редкому сервизу, вывезенному из Англии.

сколько бы ни приводили они свидетелей, только ее компрометируют. Она отвечала мне, что и сама того же боится, но что они находят, что обнародование этих феноменов, творимых не ею, а Радж-йогами, преимущественно ее «Хозяином», дают им много прозелитов… Впоследствии и они убедились, что это были фальшивые расчеты и что их дело только выиграло бы, если б не злоупотребляло ни могуществом, ни именами своих не всем доступных и понятных покровителей, Махатм.

Следующим летом они ездили на остров Цейлон, где буддисты, разумеется, сделали особенно торжественный прием представителю Т[еософического] об[щест]ва, своему единоверцу, и штату его.

Первосвященник[217] Сумангала сам чествовал их, возил в храмы, показывал торжественное богослужение и такие реликвии, каких никто из европейцев, ни даже сам принц Уэльский, не удостоился видеть.[218]

В конце июля[219] они собрались возвратиться в Бомбей, куда их неотступно призывали множество накопившихся дел и предстоявшая перемена помещения и, наконец, отчаянные призывы перессорившихся домочадцев (в особенности одной англичанки, старой девы) с француженкой, подобранной из жалости[220] Еленой Петровной, некоей Mme Coulomb (которая вместе с мужем пропадала с голоду и оба приютились у них из милости). Вскоре должен был начаться юго-западный муссон, при котором отчаянная качка. Поспешая проскользнуть обратно до начала ветров, представители Т[еософического] о[бщества] собрались отплыть из Коломбо на пароходе «Гвальор».* Накануне отъезда один из сингалезцев-буддистов, состоявший при Олькоте, принес ему письмо, найденное им у себя на приборе, когда он садился обедать. Конверт совсем особенный с красными иероглифами (хорошо известный полковнику и всем его близким, получавшим не раз еще в Америке такие письма *неведомыми путями*); на адресе приказание немедленно передать его президенту Т[еософического] о[бщества], а в письме две лаконических строки:[221]

«“Гвальор” потерпит аварии. Отложить отъезд. Переждать бурное время».[222]

Разумеется, ослушаться приказания никому и на мысль не пришло и все возрадовались предупреждению, когда на утро на море поднялся необычайный хаос. С «Гвальора»[223] смыло семерых пассажиров; офицера убило сломавшейся мачтой; избитыми и ранеными оказалось большинство экипажа; несчастный пароход вернулся на другой день чуть не в щепках. После этой страшной бури настало несколько дней сравнительного спокойствия и ими воспользовались путешественники, чтоб возвратиться восвояси.

Жаль, что предусмотрительный Махатма заодно вовремя не предупредил Е[лену] П[етровну] о другой ей грозившей опасности: не внушил ей недоверия к Mme Coulomb и ее мужу – ее будущим предателям[224]. Она знала этих людей еще в Египте до переселения в Америку; теперь нашла их[225] в нищете и предложила заведовать хозяйством их теософического общежития. Мисс Бэтс, секретарь Е[лены] П[етровны],[226] была с француженкой на ножах, и дело так обострилось в отсутствие Блаватской, что она заявила, что уйдет, если останется Coulomb. Скольких бед избегла бы сестра моя, если б предоставила этим негодяям, экономке и мужу ее, искать крова и заработков где знают. Но, несмотря на свои дары ясновидения и прозрения мыслей,[227] Е[лена] П[етровна] была в домашнем обиходе доверчива и неподозрительна как ребенок. Coulomb умела ей угодить, и она доверяла этой хитрой бабе. Бедная мисс Бэтс оставила штаб-квартиру Т[еософического] о[бщества][228] вскоре[229] по возвращении представителей его из Цейлона, [которые] перешли из своих *бенглоу*[230] – хижин, увитых розами, но для цивилизованного жилья совсем неудобных – в более просторное помещение. Они разместились в лучшей части города в нескольких отдельных зданиях, расположенных среди сада на горе с великолепным видом на море. Тут же были ворота с надписью, гласившей, что здесь находится контора журнала «Theosophist»; от них 125 ступеней вели к главному зданию, где помещался президент, была зала заседаний, редакция и библиотека.

Жена сановника Mrs Hume *двадцать лет тому назад* неизвестно где потеряла брошку и выражает желание ее найти. Она описывает, какая именно эта брошка… Е.П.Б[лаватская], находящаяся в гостях, как и эта дама, советует ей и другим поискать брошку в саду, и первое, что они видят среди одной из цветочных клумб – 20 лет тому назад за тридесять земель утраченную брошку… Все в таком же роде феномены наполняют эту книгу.

* <…> [письмо] Е[лены] П[етровны] к Н.А.Фадеевой.

Налево по горе были разбросаны хозяйственные здания, а направо на краю скалы над морем, окруженный пальмами, розами и многоцветными манговыми деревьями, возвышался отдельный домик с террасой и верандой вокруг. Здесь-то занималась Елена Петровна часов по пятнадцати, по осьмнадцати в сутки, отвечая на сотни писем, на своих плечах вынося половину статей в каждом № «Теософиста» и, кроме того, сторонними статями в русские и английские журналы поддерживая благосостояние всего персонала в главной квартире.

В новом помещении их еще было то хорошо, что к ним в комнаты и постели реже забирались змеи, скорпионы и всякие гады; не так легко им было пробираться во второй этаж, спасаясь от потопления в сезоны дождей, чем когда они жили первое время в избушках на курьих ножках в уровень с землей. Как старательно их не окружали проволочными сетками от вторжения гадов, но сестра то и дело их находила у себя то на подушках кровати, то на креслах и столах. Она завела мангуса[231] <…>[232]

<…> не официальной Индии, погибло безвозвратно!..

«Нет пророчества в отечестве своем» – Е.П.Б[лаватская] должна была утешаться в этой истине почетом, воздаваемым ей, и оценкой (умственной и вместе *материальной*) ее сотрудничества и сочинений[233]. К этому времени принадлежит слово, сказанное о[234] Блаватской вице-королем, лордом Литтоном, на официальном обеде, после которого ее кредит возрос сильно.

«Я знаю лишь одного автора, способного помериться с моим отцом[235] в мистической литературе, – сказал он, – это H.P.Blavatsky. *Она* способна потягаться в понимании отвлеченной метафизики с автором “Занони”[236]!»

Эти слова тотчас же появились в официальной газете «Пионер», а оттуда были перепечатаны другими. «И стала я ныне, – пишет сестра, – львицей дня. Меня прославляют “глубокой ориенталисткой” и “другом науки, провозвестницей истины, порабощенной вековыми предрассудками”… Читайте прилагаемые вырезки из газет и величайтесь такой прославляемой народами родственницей».[237]

«Да, вот чужие славят и верят, а свои знать не хотят, – жалуется Е[лена] П[етровна]. – Из Симлы еще написала я в “Новое время” статью – “Истина о племяннике Наны Саиба”. Собрала я об этом проходимце[238] самые верные данные: “Голос”[239] ведь то и дело печатает письма этого враля, словно дразнит Англию Россией и в войну науськивает, а “Новое время” моего сообщения не помещает! Почему?.. Ведь она к тому же даровая. Да и можно было бы поверить добрым намерениям своего русского человека, стоящего у самого источника сведений об этом самозванном и непрошенном стороннике России “принце Рамчандре”[240]… Его биография – совершенно фальшивая – была в июньской книжке “Русского вестника” за 1879 г.[241], а письма его из Багдада и Кабула в “Голосе” смешат здесь и злят без пользы всех знающих правду... Я в Симле у Лайеля (министр иностранных дел) на вечерах по середам[242], на обедах официальных у вице-короля и во всех их аристократических сборищах, – куда Олькот и Синнет чуть не силой заставляли меня ездить, – столько за Россию бранилась, что даже горло заболело, и опротивели они мне все!.. А свои газеты моих статей не берут!»

Очень огорчали Елену Петровну такие действительно печальные факты. Всю жизнь она выписывала русские журналы и газеты; у ночи, у каких-нибудь пяти-шести часов сна, которые себе позволяла, урывала время на прочтение родных строк. Еще дня за два до кончины она пробегала «Новое время», которое тетка ее, Н.А.Ф[адеева], ей аккуратно всю жизнь высылала еженедельными пачками.

И вот какой странный психометрический случай произошел с нею осенью 1880 года. Расскажу его ее собственными словами.[243]

«Я тебе так благодарна, так благодарна за журналы, что и сказать не могу! – пишет она ей из Бомбея. – И какой был со мной на днях интересный случай. Получила я связку “Нового времени”, легла спать так в одиннадцатом часу – встаю ведь я в пять – и взяла, не разбирая, первую попавшуюся под руку газету. Легла, да и задумалась об одной санскритской книге и как [с] помощью ее в своем журнале половче осмеять Макса Мюллера, значит, совсем не о вас, а газету в это время за голову забросила, прикрыв ею себе лоб… Вдруг чувствую, что мгновенно

перенеслась в какой-то чужой и вместе знакомый дом. Но комната, вижу, мне незнакомая*, а стол среди комнаты стоит знакомый… Смотрю – за столом сидишь *ты*!.. Ты, товарищ мой дорогой! Сидишь, покуриваешь папироску и глубоко задумалась… На столе ужин стоит, но в комнате никого нет. Только в дверях мелькнула будто уходящая фигура тети[244]… И вот ты подымаешь руку, берешь газету со стола и кладешь ее в сторону, а я в это время на ней читаю: “Одесский вестник”… Затем все исчезло!..

Кажется, ничего странного в этом нет? Но вот что странно: я была убеждена, что прикрылась листом “Нового времени”, а заметив в видении своем на столе возле тебя куски черного хлеба, так вдруг захотелось мне его хоть крошечку попробовать**, что даже во рту вкус его почувствовала!.. Думаю: что за пропасть? Откуда вдруг такая фантазия?.. Да чтоб отделаться от неисполнимого желания, развернула газету, чтобы читать, смотрю, а это точно “Одесский вестник”, а совсем не “Новое время” у меня в руках, да мало того: прилипли к нему крошки ржаного родимого хлебца!.. Так эти-то кусочки, коснувшись до моего лба, и передали сознанию моему всю сцену, как вероятно она и была в ту минуту, как они пристали к газете. Крошки ржаного хлеба в этом случае заменили фотографический аппарат!..

Я так обрадовалась этим присохшим кусочкам, которые перенесли меня на мгновение к вам (так ведь и понесло на меня своим домом!), что на радостях слизнула самый большой, а маленькие, вот, вырезала и отсылаю тебе назад: пусть они вернуться домой с частичкой души моей!.. Это может и глупо, но чистосердечно».

Недуги Е[лены] П[етровны] шли, между тем, все увеличиваясь. Вечная паровая баня в Бомбее или страшные холода на высотах Симлы, Лахора и Умбаллы[245] при удручающих занятиях и вечных волнениях, ибо неприятностей и тревог у нее всегда был непочатый угол, не могли способствовать излечению хронических болезней, расстройства сердца, печени и почек, а временные простуды, лихорадки, ревматизмы и постоянные накожные сыпи и опухоли – следствия климатических условий – еще усугубляли ее непрерывные страдания.

Письма ее во все время пребывания в Индии[246] это какие-то эпопеи физических страданий, вечных перемещений с *полу*сказочными подробностями путешествий, магических излечений не на долгие сроки, необыкновенных встреч и совершенно сказочных феноменов.

Нравственные страдания, конечно, влияли на общее состояние здоровья и vice versa[247]. А как же было ей быть нравственно спокойной, когда она была главной мишенью всех нападок, козлом-грехоносцем за все ошибки всего об[щест]ва вместе и каждого члена в отдельности?.. Враги ее, а тем более клеветники, не дремали. Во главе таких стояли две редакции: газета «Statesman» и «Журнал *Христианской* коллегии». С первым дело дошло (в декабре 1881 г.) до суда. Пол[ковник] Олькот с печатными отчетами в руках доказал «Statesman»’у, что статья его о долгах Т[еософического] об[щест]ва вообще и г[оспо]жи Блаватской в частности – ложь и диффамация; что основательница общества не только его не обирает, а ему же отдает все свои заработки, так что если они кому-либо должны, то единственно одной ей, Е.П.Блаватской. Все дело было напечатано со всеми цифровыми данными в самой газете с прибавлением извинений редактора. Подобные вечные преследования и нападки, быть может, не действовали бы особенно на более хладнокровного человека, но сестра моя была болезненно раздражительна и, глубоко чувствуя оскорбления, болела вследствие их еще больше.

Заболела она и ранней весной 1881 года, испытав на себе, более чем какой-либо другой русский человек, весь ужас, горе и стыд, покрывший Россию в день 1го марта[248]. Я говорю, что она чувствовала сильнее других, потому что в крайнем своем одиночестве не имела с кем поделиться[249] горем, должна была стараться скрывать его, боясь злорадных насмешек… Но нет! Она ошиблась в этом: их почти не было!.. Она сама писала нам, что неожиданно нашла сочувствие, которого не ожидала во многих, что все, даже завзятые русофобы, были поражены и смущены. Во многих англо-индийских газетах явились сочувственные статьи, полные негодования против злодеев, а журнал теософистов явился в черной траурной обложке. Это была

* За эти годы родные наши в Одессе переехали в другой дом.

** Е[лена] П[етровна] так любила ржаной хлеб и др[угие] чисто русские съестные припасы, что мы ей постоянно посылали целые транспорты.

деликатная забота президента, потому что Елена Петровна как прочла ужасную телеграмму, так ноги у нее подкосились и упала она, рыдая и обо всем забыв… Зато, придя в себя, она разразилась громовыми статьями против «язвы родной земли» – нигилистов! Нам она писала:

«Господи! Что ж это за ужас такой? Светопреставление, что ли у вас?.. Или сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?! О Господи! Атеистка я, по вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Жаль семью царскую, царя-мученика! Жаль всю Россию!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов-социалистов. Пусть все смеются надо мной, но я – *американская гражданка* – чувствую к незаслуженной, мученической смерти царя самодержавного такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать…»

Она довольна была, что местные газеты не раздражали ее горя – сразу тон изменился, забыли и злобствования, и подозрительность, и Мерв, и Кандахар[250], и даже Скобелева с Кауфманом. В «Pioneer» Синнета она написала прекрасную статью[251] о том, что свершил царь Александр II, как любил его русский мужик – «все, что только вспомнить могла, и вообрази, – пишет она, – ни словечка не выкинули и в другие газеты перепечатывали. Только вот, как вышла я впервые в трауре, так многие дураки спрашивали: “Что ж это вы? Ведь вы же – американка?..” Разозлилась я, да и послала общий ответ в “Bombay Gazette”: “Не как русская подданная надела я траур, пишу, а *как русская родом*! Как единица многомиллионного народа, облагодетельствованного тем кротким и милосердым человеком, по которому вся родина моя оделась в траур. Я этим хочу выказать уважение, любовь и искреннее горе по смерти царя моих отца и матери, сестры и братьев моих в России!”

Ну, замолчали. А то ведь было две-три газеты начали было подтрунивать – с чего-де контора, и редакция, и сам “Теософист” в траур облеклись?.. Ну, вот, пусть знают и убираются к черту!»[252]

Прислали ей портрет царя-мученика в гробу.

«Как посмотрела я на него, – пишет она тетке своей, – верь не верь – должно быть помутилась рассудком! Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и толкнуло: как перекрещусь я большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже сама остолбенела!.. Я-то, восемь лет, со смерти отца, не крестившаяся, рассентиментальничалась!..

Ведь это просто беда: до сих пор (письмо от 10 мая) не могу спокойно газет читать. Квашня какая-то слезливая сделалась – нервы никуда не годятся».

В самом деле, она той весной так разболелась, что чуть не умерла. Все доктора решили, что ее необходимо лечить прижиганием и в конец измучили ее, обратив ей всю спину в живую рану. И это при жаре в 50 и 60 градусов!.. Она все же работала, даже в постели, и старалась быть на ногах. Разумеется, она не в состоянии была заниматься по-прежнему; ей помогали несколько туземных секретарей по местным языкам и[253] некая Mme Coulomb, француженка, которую она вместе с мужем ее спасла от голодной смерти, приютив их у себя.

«О, Господи, какое это несчастье – жить и чувствовать! – писала она тогда. – Так бы кажется в нирвану[254] и бухнула; так и тянет и манит меня на вечный покой!.. Эх, милые мои! Повидаться только бы с вами, да знать, что вас *это* не огорчит»…

Но в следующих же письмах она опровергала это малодушие. Она слишком твердо верила, что в смерти не все и не тотчас достигают желанного покоя. Она, в сущности, презирала и боялась всякого помысла о произвольном прекращении страданий, видя в них закон возмездия*, нарушение коего неминуемо влечет за собой еще худшее воздаяние в несомненном продолжении существования за гробом…

Когда бывало ей очень плохо, нас извещали о ней Олькот или, если он разъезжал по Индии, Японии, Цейлону, – как почти круглый год путешествовал, читая лекции, образуя везде новые ветви Т[еософического] о[бщества], – секретари ее имели адрес и инструкции кому и куда писать. Так в начале августа нами было получено извещение о ее неожиданном отъезде совсем больной в Северную Индию, в Симлу и далее. Мы изумились: куда же поехала она в таком состоянии с

* *Карму*, один из основных догматов учения. Непреложное возмездие *за все* – за зло и добро, по делам каждого.

одним только преданным ей, но весьма неопытным молодым слугой-индусом[255] Бабулой. Собственноручное письмо Е[лены] П[етровны] из Мирута (за Аллахабадом) известило нас, что она «*получила приказание*, оставив железные и другие большие пути, следовать с присланным ей провожатым в джонгли[256] (тростники) “священного леса” Деобёнда»; что там она встретится с неким «великим ламой *Дебо-Дургаем*», который там будет на возвратном пути в Тибет с богомолья к дереву Будды (под коим свершилось его «просветление») и *должен* ее вылечить.

Вылечить «святой старец» ее не вылечил, но временно помог, хотя не тотчас на месте и довольно косвенным образом, потому что она прежде всего еще сильнее заболела, так сильно, что все были убеждены, что она умирает…

«Я была в беспамятстве, ничего не помню, как меня внесли в носилках глухою ночью на громадную высоту, но проснулась или, скорее, очнулась на другой день под вечер, – рассказывает Е[лена] П[етровна] в следующем письме. – Я лежала среди большой каменной, совершенно пустой комнаты. Вокруг в стенах были высеченные каменные изображения Будды; кругом курились какие-то кипевшие в горшках снадобья, а надо мной лама Дебо-Дургай делал магнетические пассы»…

Она заснула на целые сутки и во сне снесли ее обратно с гор из *вихары* (обители, иссеченной в скале) к ожидавшим ее внизу друзьям и слугам. Хроническая болезнь ее была облегчена, но зато на этих холодных высотах она опять захватила острую ревматическую лихорадку, от которой долго не могла отделаться.

Вообще, если верить показаниям докторов и всех окружавших Блаватскую в Америке, Индии, да и позже в Европе, она из каждой своей болезни (почти ежегодно приводивших ее на край могилы) не могла быть исцеленной врачами, а всегда в последнюю минуту, – когда доктора заявляли, что она *должна* умереть, – вдруг являлось облегчение, и она восставала из мертвых неожиданно, никому не понятными путями излеченная… Так повторялось несчетное число раз и свидетельствовалось из разных мест различными лицами. Зато в последнюю болезнь ее лондонские врачи уверенно заявили утром, что всякая опасность прошла и через два дня она будет совершенно здорова, а она через два часа умерла!..

Так вся жизнь Е.П.Б[лаватской] до самой минуты смерти была соткана из странностей, противоречий и неожиданностей.

X

В этот раз она достаточно оправилась, чтоб съездить опять с Олькотом на открытие каких-то буддистских школ на Цейлон, вновь подвергаясь всевозможным утомительным поездкам на слонах, церемониалам и т.п. беспокойным иллюстрациям ее многоцветной жизни. Осенью 1882 г. она снова страшно болела и опять таинственно исчезала; на сей раз она отсутствовала гораздо больше и была совсем на границе Тибета, куда несколько ее приверженцев, – уверенные, что она поехала для свидания с Радж-йогами, ее «Учителями», – бросились ее разыскивать в чаянии тоже «удостоиться их лицезрения»*, но ничего не добились! К декабрю она возвратилась действительно в таком состоянии здоровья, в каком давно не бывала. Ее ждали большие хлопоты по поводу нового переселения и съезда теософов для празднования седьмой годовщины основания их об[шест]ва.

Число *семь* – в учении тософов – имеет особенно важное, мистическое значение, а потому этот съезд был чрезвычайно многолюден и торжествен; а тут еще присоединились особые чествования президента и основательницы по случаю их переезда в Мадрас. Там, в сравнительно здоровой и красивой местности на берегу Бенгальского залива, была приобретена по подписке членов Т[еософического] об[шест]ва земля с прекрасным домом и всеми приспособлениями для удобного помещения основателей «братства» со всем штатом управления и редакцией их журнала.

Передо мной многочисленные адреса[258] и речи по поводу празднества[259], торжественных чествований и проводов Е.П.Б[лаватской] и полковн[ика] Олькота, но я не буду останавливаться на подробностях. Скажу только, что весь путь от Бомбея до Мадраса и прием их там представляет по газетным отчетам ряд торжеств à l'orientale[260] и что своим новым помещением – «не домом, а целым замком[261] среди цветущего парка при устье речки *Адиярки*, впадающей в океан», как описывает его Елена Петровна, – она была очень довольна.

Адиар[262] – новая и на сей раз постоянная главная квартира Т[еософического] об[шест]ва в Индии, судя по описаниям и фотографиям, очень красивое место, а главное, оно расположено в лучших санитарных условиях; по крайней мере, живя там, Елена Петровна довольно долго была сравнительно здорова. Впоследствии она всегда с особенной любовью и сожалением говорила о своем «милом, дорогом Адиаре», где ей так хорошо жилось и где она надеялась окончить жизнь свою… В саду ее был даже заготовлен костер из сандалового дерева, которому не пришлось, однако, сжечь ее останков. В адиарских письмах вновь стали проявляться ее способности ясновидения и яснослышания. Так в письме к Н.А.Фадеевой от 7го марта 1883 г. она передает событие и разговор по поводу его, происшедший *в тот самый день,* 7го марта, в Одессе между ней и Е.А.Витте, старшей сестрой ее. Вот[263] подлинные строки Блаватской:[264]

«Что это тетя все хандрит? Почему это она не хотела, чтобы ты послала по телеграфу Боре** поздравление с тем, что он получил орден, Анну на шею[265]?.. "Не для чего! Невелико счастие!" – сказала она тебе… Так ведь?..» «Вот ты никогда не пишешь ничего о том, что случается в семье!» – укоряет она ее далее, рассказывая еще об одном домашнем деле и заключая так: «Все мне приходится самой *чрез себя* узнавать. А ведь на это надо силы тратить!..»

Здесь, – не собственно в Адиаре, но в его горных окрестностях, в *Отакамунде*[266], где Е.П.Б[лаватская] гостила у друзей своих, генерала Морган[а] и его жены, – произведен ею вновь феномен из числа *материальных*, обративший внимание всего Мадраса, потому что свидетельствовали о нем высокопоставленные лица, *Т[еософическому] об[шест]ву не причастные*. Я расскажу о нем, так как он произошел вне района близких друзей ее и засвидетельствован не Олькотом, Джёджем или Синнетом, отсутствовавшими в то время, а посторонней семьей генерала Морган[а] и мрс[267] Сарой Кармайкль, с которой произошел. Вот что изложено в рассказе, подписанном ее полным именем.

Она поехала повидаться с г[оспож]ой Блаватской в Отакамунд к генералу Морган[у], где виделась с ней уж раза два и очень заинтересовалась личностью ее и беседой помимо всяких

---

* Это путешествие подробнее описано в биографическом очерке «Е.П.Б[лаватская]» в журн[але] «Русское обозрение»[257].

** Борис Юльевич Витте. Он именно в марте, к Пасхе, получил эту награду.

феноменов, хотя не прочь была и их увидеть. Разговаривая в гостиной, куда к ней вышла Е[лена] П[етровна], она сняла с руки перчатку и, поправляя кольца, шутя выразила желание, чтоб она и их *раздвоила*, «как сделала *из одного два кольца* для мрс Синнет», по рассказу последней… Блаватская взяла тогда руку своей гостьи в свою и, сняв со своей руки большое символическое кольцо с темно-зеленым камнем, подарок ее «Учителя», сняла два кольца и с пальца мрс Кармайкль, но, подержав все три кольца в горсти, одно ей сейчас же возвратила, сказав: «С этим я ничего не могу сделать, потому что в нем нет *вашего магнетизма*… Оно не ваше вероятно?» «Я точно нечаянно надела в то утро кольцо своего мужа, – продолжает рассказчица. – Mme Blavatsky положила другие два кольца, свое большое и мой сапфир, на ладонь правой руки, а левой крепко держала меня за правую руку; тихонько переминая пальцами кольца, она через минуту воскликнула: “Ну вот ваше кольцо!” И открыв правую руку, показала лежавшие на ладони *три* кольца, свое, мое и новое, третье, во всех отношениях дубликат моего сапфира, но только камень в нем оказался лучшей воды и немного больше…

– Зачем же вы мне даете *это*? – спросила я в удивлении.

– Не я даю, не я его сделала! – отвечала она. – Махатмы вам дарят его…

– Но за что же такая милость?

– Они позволили мне для вас получить его в доказательство, что они сознают и благодарны вам и вашему мужу за участие, которое вы всегда оказывали туземцам»[268]…

Отсюда же, из Адиара, Е[лена] П[етровна] писала тетке своей (23 марта 1883 г.), прося ее обратить внимание на последний присланный ей из Парижа № журнала «Bulletin Mensuel de la Société Théosophique»[269] от 15 марта, на страницу 9. В довольно давно принесенном с почты, но еще не разрезанном журнале, сказанная страница оказалась даже подчеркнутой синим карандашом, а в ней заключалось указание на предсказание сен-симонистов – что в 1831 году (год рождения Елены Петровны) *родится женщина, которая примирит верования крайнего Востока с христианскими верованиями Запада и будет основательницей общества, которое произведет большой умственный переворот*. Откуда сен-симонисты почерпнули такое сведение не указано, но *если* оно существовало, то очевидно касалось Е.П.Блаватской и ею основанного Т[еософического] об[щест]ва.

Восьмая годовщина отпраздновалась в декабре как всегда торжественно. Адиар переполнился приезжими представителями местных, американских и европейских ветвей об[щест]ва. Между последними находился делегат из Нью-Йорка д[окто]р Франц Гартман (ныне известный в Германии, Англии и Америке писатель-оккультист), сказавший блестящую речь (перепечатанную во многих газетах) о возможности слияния воззрений на природу и бытие человека восточных философий с западной наукой. Соглашение, по мнению теософов, должно прийти, когда светила современной науки, наконец, уразумеют истину бытия, когда одолеют они понятие о *седмичном составе* природы и человека, когда убедятся, «что наше физическое тело со всеми его столку сбивающими нервными центрами и узлами есть ничто иное, как временная амальгама материи, необходимая для развития принципов *высших*, так сказать, *шелуха* или футляр для сохранения в полности *седмичного аккорда*, в коем лишь низший – тленная плоть, а два высших принципа – божественные, вечные искры великого предвечного Творца. Тогда они увидят, что их научные положения полны ошибок, а “непогрешимые догматы” науки требуют не только пересмотра, но полного обновления»…

«Мы не будем слишком строги к закоснелой рутине, – закончил речь свою Гартман. – Я знаю по личному опыту, как трудно расставаться с убеждениями всей жизни, когда факты и проявления оккультических сил бросают вам в лицо их несостоятельность. Трудно примириться с умственным сотрясением, когда колеблется самое основание, на котором вы созидали ваши убеждения, и вы видите, как все вам дорогие авторитеты скользят и падают в прах при едином прикосновении к ним мудрости Махатм![270]»*

* Доктрины теософического учения указывают не только на *семь* принципов бытия человеческого, но и на преобладание этого числа во всей природе. «Высшей мудрости человеческой, которой достигли Махатмы, – говорят они, – известны *семь* свойств всего, что есть во вселенной, не исключая и *семи измерений*, знание которых дает ключ ко всем тайнам природы».

Покончив с празднествами годовщины основания общества, представители его начали собираться в Европу. Полковнику надо было посетить[271] новые ветви и вместе с тем исходатайствовать в парламенте некоторые льготы цейлонским буддистам, а Елене Петровне доктора советовали морское плавание и отдых, а может быть и лечение водами какого-нибудь курорта. Но главная причина, побудившая ее ехать, было желание еще раз, как она говорила, «перед смертью» свидеться с родными.

У нас в Одессе в это именно время было большое семейное горе: умирал брат моей матери, генерал Р.А.Фадеев. Отчасти от того, что все мы выбились из сил от горя, а также и потому, что знали о сборах Елены в Европу, мы ей долго не писали. Только через несколько дней после похорон мы известили ее о нашем общем несчастии, но письма наши пришли в Мадрас, когда их уж там не было, и отправились обратно в Европу, вдогонку за Е[леной] П[етровной]. Она выехала еще в январе, давно была в Бомбее и оттуда писала нам, что 7го февраля они отплывают в Суэз[272] на пароходе «Чандернагор»[273].

«Я еду под гнетом страшного предчувствия: либо родной[274] дядя умер[275], либо я с ума сошла! – пишет она. – В ночь накануне отъезда из Адиара я видела во сне сцену, бывшую ровно двадцать лет назад в Тифлисе в [18]64^{м} году, когда я так болела, помнишь?.. Раз лежала я на диване в зале и дремала. Вдруг открыла глаза и вижу, что дядя склонился ко мне, а на лице у него такая жалость и грусть, что как тогда я вскочила и расплакалась наяву, так и теперь, увидав во сне повторение этой сцены. А дней пять тому назад на железной дороге лежу я одна в купе часа в два ночи. Лежу, но не сплю. Вдруг между мной и окном, в которое светила ярко луна, будто что-то стало. Лампа была завешана, но я узнала: смотрю – дядя! Да такой бледный, худой, растрепанный!.. Господи! Как я вскочила и слышу на мой крик будто в воздухе надо мной его голос: “Ну, прощай, Елена Петровна!”, и все исчезло!.. Я себе верить не хотела. Сердце у меня разрывалось; чувствовала я, что должна верить, а старалась не верить. Третий же раз опять наяву, то есть не спала я, а только глаза закрыла, стараясь дремать, нога у меня сильно болела. Лежу в кресле и опять вижу его передо мною. Но уж такого, как он был прежде, двадцать лет тому назад… И будто смотрит он на меня, улыбаясь и прищуриваясь, как бывало это он делал: “Ну, что, – говорит, – увидались еще раз?..” “Дядя! – я вскочила. – Дядя! Ради Бога, ведь вы – живы?.. Скажите: живы?!” “Жив! – отвечает. – *Более нежели когда-нибудь жив!* И навеки огражден от страданий… Не тужи! Пиши *им*, чтобы не горевали… Что я батюшку видел… Всех… всех!..” Последние слова звучали все отдаляясь и тише, и сам облик его становился прозрачнее и наконец совсем исчез… Тогда я убедилась, что дяди уж нет на этом свете. Знала я, что он болен, но так давно никаких известий не имела, да сам он, родной, видно, пришел проститься.

Ни слезинки не выдавишь, а на сердце камень!.. Самое ужасное – неизвестность…»

В такой неизвестности долго томилась бедная Елена, то принимаясь утешать себя, что это еще может быть «пустое видение», то все вновь припоминая и убеждаясь, что такого троекратного, ничем не вызванного видения не может быть даром.

Только в Суэзе, когда ей подали ожидавшую ее почту, она из газет и вторых писем наших узнала, что дяди Ростислава уж около двух месяцев не было в живых[*].

По приезде в Ниццу, потом в Париж, все ее письма переполнились горячими призывами, мольбами ко мне и теткам нашим, чтоб мы приехали повидаться с ней.

---

[*] Тогда Е[лена] П[етровна] тут же на пароходе написала письмо, которое, как справедливо пометила его Н.А.Фадеева, «стоило бы целиком напечатать – такая чудная сторона ее души в нем проявляется!». Но я не смею цельными ее письмами затягивать биографии – как ни хороши они и ни интересны.

XI

Едва попав на европейский берег, Блаватская была осаждена приглашениями множества лиц, нетерпеливо ждавших ее в Париже и Лондоне. Ее звали со всем их довольно многочисленным штатом индусов и американских теософов, прибывших для свидания с ними, гостить на все готовое, но она задалась одной мыслью: видеться с нами, и ради этого пожелала непременно нанять отдельное помещение, где мы могли бы у нее остановиться. Пока она поселилась в Ницце в вилле большой лондонской аристократки, леди Кэтнесс, герцогини Помар (постоянно живущей в Париже), восторженной поклонницы ее творений и теософического учения, – впрочем, на почве католичества, – впоследствии она была утверждена Олькотом представительницей одной из парижских ветвей Т[еософического] о[бщества] и поныне состоит ею.

В Ницце, разумеется, оказалось большое общество русских, в числе которых были старые знакомые Е[лены] П[етровны], поспешившие с ней возобновить знакомство. Были в числе их больные, которым полковник Олькот чрезвычайно помог магнетическими пассами. Он очень сильный магнетизер. Газеты быстро разнесли молву о его «исцелениях», о феноменах чтения мыслей, передвижений и музыкальных аккордов, всегда сопровождавших Е.П.Б[лаватскую], и не стало им еще более покоя от зазываний в гости из всех городов Западной Европы. Без сомнения, эти зазывания более мотивировались пустым любопытством, нежели чисто научным интересом в учении. Блаватская это прекрасно понимала и очень этим тяготилась; она охотно отказалась бы раз навсегда производить какие бы то ни было «psychological tricks» (психологические фокусы), как она сама постоянно аттестовала все эти проявления неведомых сил, если б, к несчастию, Олькот не настаивал, что «феномены» необходимы для престижа, а множество любопытных не осаждали ее мольбами их проявлять*.

В начале Блаватская думала провести лишь несколько месяцев на юге Европы, и вот одно из циркулярных писем ее, в которых она должна была ежедневно отказываться от призывов в Лондон:

«Получив милые, радушные приглашения (таких и таких-то и других), я глубоко тронута этими доказательствами желания видеть и познакомиться с моей недостойной такого внимания особой старых и новых знакомых в Англии. Но я не вижу возможности бороться с судьбой: я больна и чувствую себя гораздо хуже, чем в Бомбее, а тем более на море. В Марселе я пролежала целый день и теперь лежу, чувствуя, что готова распасться в куски, как старый морской сухарь… Все, что я надеюсь быть в состоянии сделать, это, подклеив кое-как медикаментами и силой воли мою увесистую особу, перетащить эту развалину в Париж… Да и какая польза в моем переезде в Лондон? Чем могу я быть вам полезной среди ваших туманов, перемешанных со зловредными испарениями “высшей цивилизации”?.. Я оставила Мадрас à mon corps défendant[279]. Я не хотела ехать, если б меня не заставили решиться болезнь моя и приказание “Учителя”… Я чувствую себя и больной, и злой, и несчастной, и радостно бы вернулась в Адиар, если б могла… Lady Caithness – воплощение доброты! Она делает все, что возможно, чтобы покоить и ублажать меня. Я должна здесь выждать установления погоды; пройдут мартовские ветры и я перееду в Париж для свидания с делегатами (ветвей европейских Т[еософических] об[щест]в), но боюсь, что это будет мне мучением!.. Ну годна ли я для таких цивилизованных созданий, как вы все?.. Да я в семь минут с четвертью стала бы невыносима для вас, англичан, если б перевезла свою огромную уродливую личность в Лондон. Уверяю вас, что расстояние мне придает красу, которую я быстро утратила бы вблизи… Ну, могла ли бы я равнодушно слушать рассуждения о том, что Санкарачариа (санскритский ученый) был теист, что Субба Роу не знает сам, чему учит? Или еще более поразительные суждения о Радж-йогах, искалечения учений буддизма и адвайтицизма[280], даже в их экзотерическом (популярном) смысле?.. Да у меня бы непременно от всех этих испытаний

* Меняя в последствии свое мнение или просто не имея мужества поддерживать свои показания вопреки общественному мнению, эти любопытствующие провозвестники «чудес» Е.П.Б[лаватской] более всех ей вредили, часто становясь ее злейшими врагами par dépit[276] из-за того, что она не могла (они утверждали, что она *не хотела*) передать им своих знаний или их *«обогатить чрез Махатм»*, как многие того добивались. Не добившись, они делали volte-face[277] – и начинали устно и печатно заявлять, что она *обманщица*[278].

лопнул бы кровяной сосуд… Дайте мне спокойно умереть, если уж не суждено мне возвратиться к родным ларам и пенатам, в милый мне Адиар».

Нам в Одессу она писала ежедневные умоляющие письма, призывая нас на «это последнее с ней свидание на земле», как она предполагала со всею страстностью, которую она влагала во все свои чувства и, в особенности, в родственные детские привязанности.

«Милая ты моя, родная, не хлопочи о деньгах! Что деньги? – ну их! Они будут! – писала она мне. – Вон Катков бомбардирует меня телеграммами; переслали мне из Мадраса одну сюда почтой – 29 слов! Должно быть, франков 500 ему обошлась. А когда я отсюда ему отвечала, то и другую сюда прислал: статей моих требует[281]! Должно быть нужны они ему, что так тратится… Вот и будут деньги!.. Это все великолепно-льстивые статьи обо мне в здешних газетах, в “Pall Mall”[282] и других, верно, его разохотили. Расхваливают уж больно меня; невзирая на мою несуразную, непрезентабельную фигуру с распухшими больными ногами, я делаюсь à la mode[283]. От репортеров всесветных просто покою нет!..

Хоть для курьеза приезжайте поглядеть, как меня, словно идола, возвеличивают. Как, невзирая на мои слезные протесты, герцогини, графини[284] да альбионские миледи руки мне целуют, называют меня своей “спасительницей”, исторгшей их из бездны материализма[285], неверия и отчаяния[286]. Сами увидите, как со мною здесь носятся... Побываете же вы хоть на одном митинге – в séance philosophique de la Société Théosophique d’Orient et d‘Occident[287] в царских залах герцогини де Помар. На этих заседаниях l’élite de la société et de l’intelligence[288] Парижа: Ренан, Фламмарион, Mme Адам и множество знати из сен-жерменского предместья… Да Бог с ними со всеми, – кончала она свое письмо, – только не передумайте приехать, ради Бога! Не убейте меня! Доставьте мне это величайшее, единственное счастие в конце моей жизни. Жду, жду, жду вас, мои родные, с нетерпением, о котором вы обе и понятия не имеете!»

«Я убежала от всесветных друзей и репортеров и мучителей-любопытствующих из Парижа на несколько дней в Enghien, в villa Zontag[289], к своим друзьям (действительным, а не феноменов ради, чтоб им пусто было!) графу и графине d’Adhémar*, – писала она в самом начале мая. – Здесь у меня целая анфилада комнат к моим и к вашим услугам. Хотите, будем жить в Париже, а сюда приедем на несколько дней. Графиня премилая, уж и комнаты вам приготовила и упрашивает, чтоб мы у нее пожили в гостях. Ведь это в четверти часа от Парижа, за St. Denis[293], и станция почти у ворот замка. Стеснить их не бойтесь: помещение огромное, и она миллионерка-американка нецеремонная, славная такая. Да и муж ее хоть большой аристократ, легитимист[294] завзятый, но в обращении сама простота!»

Однако мы отвечали все-таки, что предпочитаем гостить у нее в ее парижском скромном помещении, а не у ее аристократических друзей.

В средине мая[295] я и меньшая сестра нашей матери, Н.А.Фадеева, приехали в Париж; мы нашли Елену Петровну водворенной в пяти комнатах, – из которых лучшую она отдала нам, – на улице Notre Dame des Champs, где мы и прожили с ней шесть недель.

Эти шесть недель ярко выделяются в моей жизни, переполненные впечатлениями будто другого, сказочного мира. Помимо феноменов, – о которых я не стану говорить подробно теперь, но которые тогда все же не могли не поражать нас своеобразием своим, совершенно отличавшимся от прежних медиумистических непроизвольных явлений, в былые годы

---

* Впоследствии граф[иня] Адемар издавала в Париже теос[офический] журнал: «Revue Théosophique. Rédacteur en chef H.P.Blavatsky. Directrice: C[omte]sse Gaston d’Adhémar»[290]. Это та самая граф[иня] Адемар, о которой г[осподин] Соловьев в статье, где он подымает на смех сестру мою («Русск[ий] вестник», февраль 1892 г.), говорит, что она и муж ее *не были причастны к Т[еософическому] об[шест]ву*. Вот отрывок из письма ее после смерти Е.П.Б[лаватской] к мру Джёджу, которым она напоминает ему о времени, проведенном ими в Enghien («Lucifer», July, 1891).

«…Помните тот удивительный вечер, когда H.P.B[lavatsky], погруженная в задумчивость, вдруг встала, подошла к открытому окну и властным жестом, подняв руку, вызвала тихую музыку? Как эта чудная, сладостная музыка будто летела к нам издали все ближе, все громче по воздуху и вдруг прозвучала аккордом в самой гостиной, где все мы сидели… Помните вы, как индус Mohini тогда бросился к ногам ее и поцеловал полу ее платья?.. Неправда ли, что это было движение весьма понятное? Именно такое, каким должен был выразиться восторг, который все мы чувствовали к удивительному созданию, чью потерю мы никогда не перестанем оплакивать…»[291] Так-то легкомысленно г[осподин] Соловьев относится к своим печатным[292] показаниям.

окружавших сестру, – мы были оглушены и ослеплены массой народа, людей из высших классов общества и высших сфер интеллигенции Парижа, окружавших ее с утра до вечера, превозносивших и поклонявшихся ей до такой преувеличенной несдержанности, что множество высокопоставленных женщин с маху бросались ей целовать руки (буквально!), а всевозможные местные и приезжие ученые, доктора и литераторы стремились перед ней чуть что не распростираться на полу, как это *в действительности* делали индусы, приехавшие с ней. В числе самых частых посетителей, осаждавших скромное appartament rue Notre Dame des Champs[296], находились несколько русских: писатель Всеволод Сергеевич Соловьев, которого Олькот лечил магнетизмом, являлся каждый день, князь Леонид Дмитр[иевич] Урусов[297], графини Бутурлина и Батовская, фрейлина У.Н.Глинка, князь Абамеликов и несколько других. Тут мы убедились, что Елена ничего не преувеличивала, когда писала нам в Одессу, моля к ней приехать «хоть для того, чтоб подивиться, как с нею нянчатся и ее превозносят»… Разумеется, мы, ее кровные, более всех ее любили и готовы были ей воздавать должное и прощать всякие недостатки ее характера, но мы положительно оказывались самыми взыскательными и строгими и наименее доверявшими ей, чем все остальные, готовые в то время ей приписать непогрешимость папы и всемогущество волшебницы.

Многие и здесь считали ее не только пифией всезнающей, но и чародейкой-сотворительницей осязаемых вещественных предметов – легковерие, которому много способствовали рассказы Олькота и приехавших из Америки Джёджа, миссис Дидсон и Holloway; опровергать же их не позволяли такие ярые и слепые поклонники ее, как некая Mme de Morsier или Вс. С.Соловьев*, с которым у меня, всегда отвергавшей возможность таких чудотворений, были по этому поводу нескончаемые препирательства и споры. Другое дело феномены духа: проникновение мыслей, чтение на расстоянии не имевшихся книг, видения того, что творилось в данную минуту за тысячи верст. Такого рода проявления психических сил Е[лены] П[етровны] я видывала сотни раз, и хотя бы тысячи прежних ее прославителей, изменивших мнения вследствие несбывшихся надежд или расчетов, *изобличали меня же во лжи*, я всегда буду верить их действительности и подтверждать ее.

Как бы то ни было, все громадное общество, в то время наблюдавшее и жадно следившее за[298] Е.П.Б[лаватской], замечало, что она как бы читает в мыслях приближавшихся к ней, очень часто отвечая на еще не высказанные вопросы или заговаривая с совершенно ей незнакомыми лицами именно о том предмете, который их занимал. Я спрашивала ее не раз: как это делается? *Видит* она мысли как в то время производившие фурор в Лондоне мыслевидцы Юэн и Кёмберланд? Или догадывается по выражению лиц?.. Она смеялась, отвечая, что по выражению лица догадаться можно, только очень близко зная человека; Кёмберланд и Юэн (американец, давний член Т[еософического] об[щест]ва), оба, долго всматриваются в лица, прося свои субъекты как можно сильнее сосредоточиваться на помыслах об одном предмете – непременно существенном (отвлеченных помыслов они определять не могли), – она же говорит par intuition[299]… Сама не знает, как это делается: она ничего не видит. *Покажется* ей, что человек думает то-то или сейчас спросит о том-то, она и скажет и заговорит о самых отвлеченных, иногда и совсем не относящихся к данному моменту или обстоятельствам предметах, и оказывается, что говорит она *верно*.

Раз у нее было много посетителей, шел общий оживленный разговор, когда она вдруг обратилась к[300] только что приехавшему, еще не промолвившему ни слова[301] Вс. С.Соловьеву и сказала:

– Вы напрасно об этом думаете: *это так скоро невозможно*!.. Сколько людей добиваются видеть *их* годами преданнейшей службы делу и с трудом достигают цели всей жизни.

---

* Зная, что оба эти лица из восторженнейших друзей обратились в ярых врагов сестры моей, я из деликатности совершенно обошла их имена в первой биографии ее в журн[але] «Русское обозрение». Но к удивлению моему, прочтя в февральской книге «Русского вестника» заявление г[осподина] Соловьева, что он изумлен, почему я умолчала о знакомстве его с Е.П.Б[лаватской], я считаю себя не только вправе, но даже обязанной говорить о нем в числе других очевидцев, ссылаясь и на свидетельства его писем в том лишь, разумеется, что касается его отношений к общественной деятельности Блаватской и его своевременных мнений о ней.

Оказалось, что этот господин всю ночь мечтал удостоиться посещения с высоты Гималаев одного из таинственных покровителей теософов, Махатмы, в его астральном теле. Он даже именно приехал с тем, чтоб спросить (разумеется, наедине) Елену Петровну о том, когда ему можно надеяться на такой «почетный визит»?

Такие детские надежды и самонадеянные отношения к теософическим возможностям и задачам часто смешили нас со стороны вновь поступавших членов.

Что легкомысленные французы были способны на такие самообольщения, нас не удивляло, но немножко обидно было в этом отношении за своих соотечественников, которые то и дело прибегали к сестре за «секретными аудиенциями» с такими же или им подобными невыполнимыми просьбами. Е[лена] П[етровна] часто недоумевала и печалилась, поверяя нам свои затруднения.

«Просто не знаю, что и делать с Соловьевым! – жаловалась она мне и Н.А.Фадеевой. – Не дает покою, вымаливая научить его *делать феномены*… Да разве ж этому можно научить? Сегодня пристал: “Как это вы звуки бросаете?..” “А я почему знаю?” – говорю. Махну рукой и откликаются аккорды… Пускай пройдет чрез все, что я прошла, может и научится. А разве возможно так, кто пожелает, тому и передать силу и способность!.. Уверяет, что я Оллькота научила, а я и не думала! Оллькот ничего такого не делает, а сам по себе прирожденный магнетизер и магнетизмом многих вылечил – вот и все».

Это говорила нам сестра 20 мая*, когда мы ехали на большой обед для нее и Оллькота у герцогини Помар. Накануне вечером у нас было множество народа, профессоров и всяких ученых; Оллькот рассказывал, по обыкновению, жадной аудиенции[302] о чудесах в Америке и Индии, а из четвертой комнаты, где жила Е[лена] П[етровна], при каждом мановении руки ее в ту сторону раздавались гармонические аккорды как бы арфы или другого струнного инструмента. Все туда ходили, чтоб удостовериться, нет ли там кого? И все убеждались, что две комнаты по коридору, дверь которого была открыта в гостиную, где мы сидели, и третья на конце его, именно спальная хозяйки нашей, были совершенно пусты, и никаких музыкальных инструментов в них не было.

Этот вечер вероятно и разохотил г[осподина] Соловьева добиваться узнать тайну собственно этих звуков. Ему вообще, как видно, желалось вернуться в Россию чем-то вроде его русского князя, «Великого магистра масонского ордена», в романе[303] «Волхвы»[304].

Сама я впервые услышала эти удивительные звуки при следующих обстоятельствах.

На второй или третий день приезда нашего в Париж мы по обыкновению сидели вечером в маленькой гостиной нашей в обществе нескольких посетителей; между ними был профессор, доктор философии Рено Тюрман, который стал рассказывать нам, какие интересные звуковые феномены он слышал на спиритическом *темном* сеансе. Е[лена] П[етровна], ни за что не хотевшая, чтоб я ехала на такие сеансы известного медиума Mme Babelin, где бывали ненавидимые ею материализации, пожала презрительно плечами, сказав:

– Причем же тут темнота?.. Где нет обмана, нечего бояться света!

И, сказав это, она, положив одну руку, державшую карты, которыми она раскладывала пасьянс, на стол, прибавила:

– Слушайте!

И властно махнула свободной рукой в дальний угол.

В ту же секунду оттуда вылетел звучный аккорд. Мы в первую минуту ничего не поняли… Но когда сестра махнула, словно бросая что-то, в другую сторону с таким же результатом, а потом протянула[305] руку прямо над головами нашими к люстре, и в третий раз из каждого рожка ее словно вырвались ответные, на <…>[306]

<…> [про]поведники теософизма вообще и буддизма в частности говорили на этих заседаниях более или менее красноречиво; Блаватская редко возвышала голос, иначе как отвечая на прямые научные вопросы, но когда она благоволила говорить, то все смолкало[307] в благоговейном внимании.

Местных ораторов тогда еще не оказывалось… Вообще о Теософическом обществе не только по тогдашнему капельному началу его в Париже, но даже и в настоящем его парижском

* Все сведения, которые я передаю от себя лично, взяты мной из дневников, которые я вела своевременно.

составе восемь лет спустя нельзя судить. В Париже собственно и теперь нет об[щест]ва, а есть только незначительные его отпрыски, расколы его, постоянно и между собой и с «la branche mère»[308] в Индии и Англии враждующие. Как невозможно судить о творениях Блаватской и теософической литературе* правильно, не зная английского языка, так нельзя знать и об[щест]ва, основанного ею, не побывав в Америке, Индии или, по крайней мере, в Лондоне. Только в этих трех странах оно вполне солидарно; в других же местах лишь своеобразные его отпрыски. Самое худшее понятие об учении и деле Е.П.Б[лаватской] без сомнения дают ветви парижские**, из которых одна («D'Orient et d'Occident») тянет к[310] папизму, а другая («L'Isis») тяготеет к буддизму. Первое же правило, которого всегда держалась сестра моя, полное безразличие в отношении вероисповеданий, самая широкая терпимость в личных верованиях, что явствует из самого девиза, данного ею Т[еософическому] об[щест]ву: *«Нет религии превыше истины».*

Во время пребывания нашего в Париже разыгралась смешная история, возбужденная против Е.П.Блаватской соотечественницей фрейлиной С[мирновой][311], кажется, там постоянно проживающей. В пылу негодования против «буддистской пропаганды» (к несчастию,[312] теософизм многие и поныне смешивают с буддизмом) эта престарелая девица увлеклась до обвинения Блаватской во множестве преступлений, не исключая воровства: она утверждала, что Е.П.Б[лаватскую] выслали из Тифлиса *за воровство*… Я с У.Н.Глинкой ездила к этой особе за объяснениями, чтоб узнать, откуда она почерпнула такие удивительные сведения?.. Она, желая оправдаться *без последствий*, сбросила ответственность за свою клевету на двоих умерших: бывшего франц[узского] консула в Тифлисе, милого и добрейшего человека, к тому же хорошего моего знакомого, барона Фино, совершенно на это не способного, и на княгиню Варвару Ильиничну О[рбелиани]. В этом случае она еще неудачнее попала, так как княгиню я знала близко, была даже в переписке с ней до самой ее кончины и достоверно знала, что эта женщина не только не была способна лгать или злословить, но скорее погрешила бы желанием оправдать и скрыть все дурное в каждом человеке, не только в *моей* сестре…

Разумеется, я тут же изобличила ее неправду. Но дело тем не кончилось. Сестра моя вновь прибегла к содействию князя А.М.Дондукова-Корсакова, бывшего тогда главноначальствующим на Кавказе, и он тотчас ей прислал полицейское свидетельство, гласившее, что никогда она не состояла ни «под судом», как утверждала С[мирно]ва, ни даже «в подозрении воровства»…

Мы много смеялись этой глупой истории, но на здоровье Е[лены] П[етровны] все подобные, даже не стоящие внимания передряги действовали разрушительно, повергая ее в отчаяние и тревогу несказанные.

Отъезд наш из Парижа последовал в один и тот же день и ознаменовался замечательным происшествием.[313] Сестра выезжала двумя часами раньше нас, и мы с многочисленным обществом отправились провожать ее на Gare du Nord[314]. Она была совсем больна, еле передвигала опухшие, страшно болевшие ноги. Вероятно, не мне одной приходили в голову сердитые мысли о том, что могли бы ее всемогущие Махатмы (если бы действительно были так добры и могущественны, как расписывают их приверженцы!) помочь ей, хоть сколько-нибудь облегчив ее болезнь ради переезда, ей предстоявшего, и горя разлуки с нами. Она как всегда заступалась, утверждая, что, несмотря на то, что они считают невозможным облегчать людские страдания, ибо в них законная *карма* (воздаяние) каждого, но что все же ее «Хозяин» не раз помогал ей и даже спасал ее от смертельных недугов.

Я шла, поддерживая ее под руку, к платформе, как вдруг она выпрямилась, оглянулась на свое плечо и, остановившись, вскричала:

– Что это?.. Кто меня тронул за плечо?.. Ты видала руку?

---

* Ни одно из сочинений Е.П.Блаватской («Isis Unveiled»; «Secret Doctrine», 3 тома; «Key to Theosophy»; «Gems from the East»; «Voice of the Silence»; «Glossary»[309] и множество статей в ее месячном журн[але] «Lucifer» и др. журнал[ах]) вполне не переведено на другие языки. Из повременных же изданий девять десятых теософической литературы выходят на английском языке.

** Из этого факта вполне понятны ошибки и неверные сведения в статье г[осподина] Соловьева в «Русск[ом] вестнике»; он только и знал Т[еософическое] об[щест]во по его парижскому расколу, а английского языка совсем не знает, по его собственному заявлению.

Никто никакой руки не видал, и все мы переглянулись в удивлении, но до чего возросло удивление наше, когда Елена Петровна вдруг улыбнулась, устранила мою руку и бодро, твердо пошла вперед, так как я никогда теперь не видывала, чтоб она ходила.

– Вот! – сказала она. – Это тебе ответ, Вера! Ты обвиняешь *их*, что они не хотят мне помочь!.. А я сейчас видала руку «Хозяина», и вот теперь смотрите, как я хожу!

И в самом деле, она быстро и легко ходила все время; хотя ей пришлось менять вагоны два раза, она сама без труда влезала по неудобным ступеням и уверяла, что боль совершенно прошла и что физически она давно так хорошо себя не чувствовала.

Что мы, расставаясь с Еленой, такой больной и огорченной, думая, что, быть может, прощаемся с ней навек, плакали – это не диво! Но чего рыдали все эти дамы-теософистки, целуя ей руки и толкаясь в вагоне, когда ей хотелось последние минуты провести с нами? Я не понимала! Не понимаю и теперь, как можно доходить до такой нервной распущенности, но в последовавших свиданиях своих с сестрой я имела случаи убедиться, что не одни француженки, и даже не женщины одни, расточали ей слезы, вздохи и поцелуи… до первой клеветы, заставлявшей многих из них делать volte-face и обращаться из друзей в непримиримых противников – как-то сделали г[оспо]жа де Морсье и г[осподин] Вс. Соловьев, не поехавший провожать сестры моей, «чтоб не разреветься, как бабе».

Такова была странная судьба Е.П.Блаватской! Ее большинство или ненавидело, или обожало. Оттого-то и видела она так мало справедливой оценки себе при жизни, да и по смерти мало видит справедливости.

XII

Через несколько дней, водворившись на время в Лондоне у друзей своих миссис и мисс Арёндель, Е[лена] П[етровна] писала тетке своей:

«Милая ты моя, дорогая Надежда Андреевна, много лет не плакала я так, как выплакалась за все теперь, потеряв вас двух из вида. Думала, сердце лопнет у меня, так мне стало дурно… Спасибо, французы со мной добрые сидели: на станции воды мне принесли и ухаживали, как могли. В Булони меня встретил Олькот и тоже чуть в слезы не ударился, увидав, какая я больная, и страшно огорчившись, что вы с Верой сочтете его бессердечным за то, что он в Париж за мной не приехал. А он, бедный, и не знал, что мне плохо… Я ведь всегда кряхчу… Переночевала я в Булони, и на другой день за мной еще пятеро наших теософов из Англии приехали. Между ними двое хороших приятелей: капитан Бэннон и сестра его леди Тэмпль. На пароход и с него меня чуть не на руках перенесли, и с торжеством привезли в Лондон… Я еле дышу, а у нас вечером прием, человек пятьдесят старых знакомых явятся. Англичане ведь в массе не переменчивы: много в них постоянства и преданности.

На станции Charing Crass[315] Могини и Китли[*] распугали всех англичан, распластавшись предо мной при всем честном народе, как пред идолом. Я рассердилась даже, просто соблазн!..

Милая ты моя, горька мне эта новая разлука с вами, а все же утешение, что виделись и узнали друг друга ближе. Ведь друг ты мой! Нет в жизни большего утешения и счастия сильнее чувства привязанности к своему, родному, с детства любимому. И не умереть этому никогда! Будет оно жить вечно и в вечности!..

Долго после отъезда я все видела вас троих – тебя, Веру и Mme de Morsier. Она пишет, что действительно была с вами до минуты вашего отъезда… Она женщина с хорошим сердцем и за него надо простить ей ее беспокойный характер…»

Странно, что, говоря это, Елена Петровна будто предвидела, сколько горя и оскорблений перенесет вследствие переменчивости и легковерия этой особы.

Несмотря на общие надежды, что перемена климата поправит здоровье Блаватской, последние шесть-семь лет ее жизни представляют ряд непрерывных и самых разнообразных страданий. Бывали временные облегчения, за которыми следовали рецидивы, повергавшие ее ежегодно на край могилы; улучшения сколько-нибудь продолжительного ни разу не было. Разумеется, при полном расстройстве организма большую роль играли нервы, вконец расстроенные вечными беспокойствами, огорчениями и волнениями вследствие дружеских измен и вражеских нападков.

В Лондоне лечение ее в начале предприняла сомнамбула, очень красноречиво и верно составившая диагноз ее болезни, но, разумеется, ничем не помогла.

Очень интересны первые письма ее из Лондона, где она пробыла до половины августа. Я приведу из них отрывки.

«…Никогда мне здесь не выздороветь. Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, званые обеды, вечера и митинги ежедневно. Наша Ольга Алексеевна Новикова уверяет, что восчувствовала ко мне обожание, и каждый день ко мне привозит кого-нибудь из своих друзей. Перевозила уж весь сановный Лондон, кроме министра Гладстона, который, по словам “St. James Gazette”, “боится меня столько же, как и восторгается мной (“is afraid of as much as he admires her”)!”. Это уж просто наваждение какое-то!..

21го июля было собрание (“conversazione”[316] – как здесь называют) в честь “Mme Blavatsky и Colonel Olcott”[317] в зале ратуши Princes Hall. Первоначально было напечатано 500 пригласительных билетов; потом произошла такая из-за них давка, что пришлось прибавить еще столько же. Новикова написала, прося от имени нашего посланника, Ста[а]ля, два билета; сама привезла послов Франции, Германии, Голландии, Турции, румынского князя Гику и весь штат своего преданного друга Гладстона и, наконец, Хитрово, нашего генерального консула в Египте,

[*] Брамин и юноша-англичанин, прекрасной семьи, впоследствии состоявший личным секретарем Е.П.Б[лаватской]. Он и его двоюр[одный] брат, той же фамилии, всю жизнь и состояние свое посвятили делу теософии. Этот Китли был с нами в Париже.

приехавшего сюда по делам… Вот картина, которую предоставляю вам вообразить. Зала громадная, дамы в бальных туалетах, парадные костюмы всех наций. Я сижу – заседаю на почетном кресле – нечто вроде царского трона в балетах – в своем черном бархатном платье с ненавистным хвостом в три аршина[318], а Синнет, лорд Босуик (Bo[r]thwick)[319] и Финч, президент London Lodge T[heosophical] S[ociety][320], подводят ко мне и представляют одну за другой и одного за другим всех желающих со мной лично познакомиться. А таких нашлось, – ей Богу не преувеличивая, – человек 300!.. Вообразите себе, в продолжение двух часов пожимать руки и улыбаться трем сотням леди и джентльменов!.. Уф!!! Лорд и леди Hayter просили на другой день обедать… После такого вечера, а?! Crosse – государственный секретарь по делам Индии – уселся возле меня и комплименты такие откалывал насчет любви ко мне индусов, что я было перепугалась, чтоб не приплели и тут политического колорита… Лорд Рёссель и молодой лорд Портман объявили, что поступают в наше об[щест]во… Кроме всяких европейских notabilities[321], местных членов палат и министров, напредставляли мне кучу черных и желтых принцев: маорских, явайских, малайских, – почем я знаю!.. А профессор Крукс с женой поместились за моим креслом, словно адъютанты, и он то и дело называет мне своих коллег из Королевского общества – знаменитых ученых – физиков, астрономов и всяческих *“мракологов”*…

Ну, родной человек, видишь ли ты, чувствуешь ли *карму*?..

С[мирно]ва, русская, соотечественница, желала выдать меня за воровку, за уголовную преступницу, – здорово живешь! Английские же наука, интеллигенция, высшая аристократия воздают неподобающие мне почести… Так мне “Хозяин” и объявил, что будет. Теперь мне отбою нет от визитов, от приглашений, несчастной!.. Особенно после спича Синнета в тот вечер в Princes Hall. Стал в позу и заораторствовал: “Леди и джентльмены! Вы видите перед собой женщину, которая свершила мировое дело: она одна задумала и привела в исполнение колоссальный план создания целой армии из культурных людей, долг коих бороться против материализма и атеизма, столько же как и против суеверия и невежественного перетолкования христианского учения (т.е. против 137 сект сканунов, прыгунов, ревунов и пр[очих] мракобесцев), которые посрамляют христианский мир… Взгляните, леди и джентльмены культурной Англии, на женщину, доказавшую миру, что̀ может сделать сила воли, неуклонное стремление к заданной цели и твердо понятому идеалу. Одна, больная, без средств и без покровителей, без всякой помощи, кроме одного полковника Олькота, своего первообращенного апостола, Mme Blavatsky задумала соединить в одно интеллектуальное целое, всемирное братство, добровольцев всех наций, всех рас – она исполнила эту задачу! Она осилила вражду, клевету, сопротивление фанатиков, равнодушие невежд… Даже наше англо-индийское либеральное правительство ошибочно восстало было против ее гуманной миссии, но, к счастию, заметило свою ошибку и вовремя остановилось” и пр. и пр.,[322] все в таком же духе… Аплодисменты были оглушительные… Я старалась покраснеть из скромности, но вместо того должно быть побледнела от духоты: чуть мне дурно не сделалось… Уж очень я слаба. Хотя ноги с *той* минуты на Gare du Nord болеть перестали…»

Одолевали Е.П.Блаватскую и перепиской. Кроме деловой, нельзя же ей было не отвечать[323] хоть на некоторые дружеские излияния, осаждавшие ее сотнями писем…

«Что мне делать с этими *жалкими письмами* влюбленных в меня поклонников[324]? – писала она мне. – На половину приходится отвечать лишь мысленно: “Пущай страдают!” Но ведь множество таких, которых я и сама люблю и жалею, как бедный наш Вс. С.Соловьев. Давно ли я в Лондоне, а уж два жалких письма получила: просит *только* любить и не забывать… Дескать *никого из чужих так не любил, как меня, старуху*… А милая наша У.Н.Глинка тоже! Знаешь, что она сделала? Напечатала 500 экземпляров того документа и письма князя Дондукова, которым он сымает с меня клеветы С[мирно]вой и разослала к *неуверенным*!.. Ну, Бог с ними, с врагами, а вот я расскажу вам курьезную историю.

Приехал ко мне Мих[аил] Александр[ович] Хитрово, наш консул в Египте, и спрашивает между разговором: “А что, получили ли вы нашу телеграмму, подписанную коллективно служащими на фрегате “Стрелок”. Мы послали из Суэза в Порт-Саид по телеграфу выражение нашей общей благодарности *Радде-Бай* за добрую память и любовь к соотечественникам…”

Я слушаю, молчу и ничего не понимаю…

“Ну как же, говорит, ведь я как консул должен был провожать посла в Китай на фрегате, который вам повстречался в Суэзском канале…”

Тут я вспомнила! Помнишь, я тебе в Париже рассказывала, какую я штуку учинила в Суэзе 3го, кажется, марта?

Наш пароход “Messageries”[325] посторонился и стал на якорь, чтоб дать пройти большому русском фрегату, шедшему в Китай. Я возьми свою карточку, да и напиши:

“Русская, не видавшая русского родного лица в продолжение многих лет, шлет сердечный привет, глубокий поклон и пожелания счастливого пути всем русским – от командира и офицеров до наших солдатиков-матросов включительно… Да хранит Бог Россию и ее царя!” (Подписано) *“Радда-Бай”,* а с другой стороны мое настоящее имя с адиарским адресом.

Эту карточку мы вложили в жестянку, сплюснули ее и, когда фрегат поравнялся с нашим пароходом, Олькот ловко перебросил жестянку в группу офицеров и солдат, а я им закричала: “Письмо командиру”. Ему тотчас же отдали, и он на наших глазах стал читать громко, все офицеры сняли фуражки и начали мне ими махать, а команда громко прокричала: “Ура!..” Мне это было ужасно приятно!

“Мы все очень смеялись вашей оригинальной выдумке, говорил мне Хитрово, и очень были тронуты вашей запиской. Посол и все офицеры согласились тотчас же вам послать благодарственную телеграмму в Порт-Саид на пароход”…

И, вообрази, такая досада: мне ее не доставили!.. Я сказала Хитрово, что буду ее требовать на память…»

В начале августа Е.П.Блаватской делали обед профессора в Кембридже. На пригласительных карточках так и было сказано: «В честь Mme H.P.Blavatsky». Съезд был огромный, прием торжественный, но после этого утомительного дня она слегла окончательно. Тут очень кстати за ней приехал большой друг ее, некто Herr Gustave Gebhard[326], очень богатый собственник нескольких фабрик шелковых материй в Эльберфельде и преданный, как и вся его семья, теософист. Он, возвращаясь из Америки, нарочно заехал в Лондон для свидания с Блаватской и, увидав, в каком она состоянии, ужаснулся! Тотчас он собрал консилиум лучших докторов, определивших диагноз, вполне сходный с тем, который дала ясновидящая, а именно, что *кроме мозга* во всем организме нет здорового члена, и приказавших: спокойствие, полный отдых, приятные развлечения и пр[очие] немыслимые вещи, которые доктора очень щедро прописывают… Затем два возможных средства: массаж и железные воды. Их Гебгард взялся доставлять ежедневно из Швальбаха; массажистку тоже брался доставить вместе со всевозможным уходом, если только Е[лена] П[етровна] согласится переехать к нему в Эльберфельд.

Понятно, что она должна была согласиться, тем более что этот добрый и щедрый друг требовал, чтоб она ехала к нему гостить со всем штатом своих секретарей, друзей, у которых она жила, и индусов, остававшихся при ней за разъездами полковника, постоянно путешествовавшего ради образования новых ветвей.

Если Е.П.Б[лаватская] прожила еще несколько лет, она, без сомнения, более всего обязана продлением жизни своей двум продолжительным пребываниям своим (в [18]84 и в [18]86^{м} год[ах]) в доме этих милых, добрых, искренно любивших ее людей.

Разумеется, она и в тихом, живописном Эльберфельде не могла найти полного спокойствия вследствие тревог по делам общества и вечного наплыва посетителей[327], но все, что могли доставить приязнь, и роскошь, и общее желание услужить, Елена Петровна все это имела!.. Письма ее были переполнены благодарностью самой искренней и довольством полным, насколько то было возможно в ее обстоятельствах.

«Я ехала по-царски, – пишет она. – У меня всюду были отдельные каюты и отдельные вагоны, и ни за что ни разу Гебгард, приехавший за мной Лондон, не допустил, чтоб я хоть копеечку сама заплатила. Нас ехало человек пятнадцать теософистов, да здесь я нашла огромную компанию, ожидавших меня немецких теософов. Президент новой германской ветви, Dr Hubbe-Schleiden, барон фон Гофман с женой, граф Дю-Прель, известный астроном, и величественная графиня Спритти с мужем и адъютантом (ибо он генерал), капитаном Урбан[ом]. Вот уж могу сказать с Mme de Kourdukoff, что нашла я здесь компанию:

“Лордов, графов и князей – препорядочных людей!”[328]

И все *наши* – теософы! Затем знаменитый живописец Мах – Габриель Макс, – знаешь? С женой и свояченицей, и Mme Hammerle из Одессы, и Соловьев пишет, что непременно приедет… Что бы и тебе приехать?..»

Без этого припева редко обходились письма к нам Елены. Она прожила почти два месяца в Германии, и уж думала было совсем остаться в Европе, что ей усиленно советовали доктора, но тут разыгралась трагикомедия, давно подготовлявшаяся врагами их[329]. Я, сказать по истине, никогда не могла разобрать всей путаницы этого дела. Мадрасский журнал, орган местных миссионеров, «The Christian College Magazine», напечатал серию писем, якобы писанных ею некоей француженке Mme Coulomb, проживавшей у нее в Индии. Эти Кулон[ы] когда-то содержали отель в Каире, где жила Елена Петровна во время ее неудавшегося спиритического там общества[*]. К ее несчастию, она много лет спустя встретила их обоих, мужа и жену, в Индии в полной нищете и добродушно дала им содержание и приютила у себя в доме. Но в ее отсутствие Кулон перессорилась со всеми жившими в доме и пошла искать себе места, уверенная, что не удержится в Адиаре. В такой крайности ей предложили выгодную сделку… Некто, подосланный кальвинистом-миссионером Пат[т]ерсоном, объяснил им, что, погубив еретическое общество, они поступят как добрые христиане и, кроме того, заработают хорошие деньги. Обсудив «выгодное дело», муж и жена принялись действовать, пользуясь тем, что ключи от комнат и от многих сундуков и шкафов были оставлены ей, а ему, кроме того, так как он был столяром, когда-то было поручено Блаватской сделать в ее комнате стенной шкаф – полки и двери в нише. Вместо этой простой работы Coulomb устроил шкаф с двойным дном и дверь на шалнерах[330], которых ему никогда никто не заказывал. Ими он рассчитывал[331] окончательно установить то, что позволяли предполагать письма, проданные женой его миссионеру Пат[т]ерсону[332], а именно, что Блаватская морочила своих последователей фокусами и *«подставными куклами»*, наряженными для изобретения Махатм (?!)[333]. Нечего и говорить, что такие детские обвинения не выдерживают критики хотя бы потому, что самая большая часть своих прозелитов – «l’élite des Theosophes»[334], как она их определяла, – приобретена Блаватской в последние пять лет ее пребывания в Англии, когда она совершенно оставила всякие активные демонстрации. Такие последователи, как умнейшая женщина, писательница и оратор Анни Безант, работой и влиянием которой ныне в Англии держится все дело; такие поборники теософизма, как д[окто]р Гартман, как профессор Бёк, как Александр Фуллертон и множество других, *никогда не видывали ни единого феномена*. Совершенно справедливо сказал о ней публицист Стед в посмертной биографии Е.П.Блаватской: «Не говорите мне о ее феноменах! На что они?.. Какое их значение, когда эта великая женщина в наш век безверия свершила феномен духовный, феномен небывалый, заставив многих самых образованных людей нашего поколения уверовать, что невидимый нам мир населен мыслящими существами, несравненно превосходящими нас разумом и познаниями истины. Она свершила это чудо – она создала новую церковь на вере этой… Населив вновь мир духа, обобранный современной наукой до бессмысленной пустоты, Mme Blavatsky – “русская шпионка”, по мнению англо-индийского правительства, – обратила в страстных поборников своей теософической миссии образованнейших лидеров англо-индийской журналистики, а в преклонных летах, удрученная страданиями, сумела обращать в прозелитов выдающихся личностей, подобных Анни Безант, годами ратовавшей за атеизм»[335]. Ныне прославляющей власть Махатм, «покровителей теософического движения», добавлю я. Предо мной именно лежит только что полученное свидетельство Mrs Annie Besant о письмах Махатм, полученных в Лондоне *после кончины их первой провозвестницы в Европе*.

Но возвратимся к последовательности.

В конце октября[336] сестра возвратилась в Лондон только затем, чтоб проститься с ближайшими людьми, сделать последние распоряжения и тотчас ехать в Индию для исследования поднятой против нее и об[щест]ва интриги, и для того, чтоб доказать лживое показание «Журнала Христианской (?!) коллегии», который утверждал, что «Блаватская более не посмеет вернуться в

[*] Это было когда еще Е[лена] П[етровна] не имела никаких положительных убеждений насчет спиритизма. Coulomb пользовалась ее полным доверием, из-за нее всегда бывали ссоры и сплетни.

Индию, потому что кроме лжей и обманов, которые все клонились к вымогательству денег, она *сверх того* обокрала и кассу самого Т[еософического] об[щест]ва»[337]… Каково было ей – нищей вследствие лишь того, что она, зарабатывая десятки тысяч, всю жизнь свою *все* отдавала на Теос[офическое] об[щест]во, – прочесть этот венец клеветы на нее?.. Разумеется, она предпочла новую болезнь и возможность самой смерти лишь бы опровергнуть такой бессовестный навет.[338]

Справедливость требует сказать, что в индийской и лондонской прессе появилось множество статей, опровергавших злостные показания миссионерского журнала. Они доказывали, что Блаватская все, что имела, отдавала об[щест]ву, а у него ничего не брала; доказывали также, что письма с такими вопиющими нелепостями об Индии (с ошибками в именах и званиях) не могла писать женщина, так глубоко изучившая эту страну, а тем более не могла бы, не сойдя с ума, заказывать в своих комнатах «ловушки для будущих обманов *в свое отсутствие*»… Эти заключения, понятно, были ясны и убедительны для каждого непредубежденного человека, но г[осподин] Майерс, президент Об[щест]ва для психических разысканий, очевидно, был не из числа таковых. Он и прежде, как только в Англии стали обращать внимание на Блаватскую, усердно под нее подкапывался, стараясь подорвать к ней доверие. Это я знаю достоверно, ибо Майерс мне лично писал, расспрашивая о прошлой жизни сестры моей, напирая на то, известны ли нам, ее близким, психические силы ее и *найдем ли мы возможным их подтвердить*… Такие письма[339] мне явно доказывали, что ей он не верит и старается найти что-либо «изобличительное». Успехи ее Т[еософического] об[щест]ва ему, очевидно, стали поперек горла, потому он так радостно и ухватился за возможность ее унизить. Разумеется, «Отчет Психического об[щест]ва» об адиарском скандале, отчет, начинавшийся напыщенной фразой: *«Мы* (вопрос: *кто* именно?.. Один единый следователь Психич[еского] об[щест]ва, юный м[исте]р Ходсон?) *объявляем Блаватскую величайшей обманщицей нашего времени»*[340], произвел сенсацию великую. Враги, которых у нее всеконечно гораздо более, чем друзей, схватились за весть о ее «бесчестных обманах» радостно, раздули искру в пламя. И до сих пор этот *«отчет»,* – основанный на свидетельстве двух негодяев[341], фабрикованные письма которых купившие их[342] *ни за что не согласились показать* никому из сторонников Е.П.Б[лаватской] *для сличения ее почерка* с настоящими письмами ее, – составляет главное орудие, излюбленное ее хулителями…

Эти господа забывают одни факт: пусть лгунья, пусть обманщица, пусть шарлатанка! Но имя *шарлатанки*, возбудившей такое мировое умственное движение и давшей миру такие книги, как «Secret Doctrine» и пр[очие] философские творения Блаватской, не сотрется с скрижалей истории даже чрез многие годы, когда имена ее хулителей давно будут забыты всеми.

XIII

Возвратимся к письмам Елены Петровны.

«…Все изменилось. Подул ветер враждебный: какое лечение? какое здоровье?.. Скорей назад в убийственный для меня климат, – все равно! Хотя бы ценою смерти я должна изобличить козни и клеветы, потому что они *не мне одной вредны*, а подрывают доверие к делу, к об[щест]ву, *в которое я вложила свою душу,* – чего ж мне заботиться *о жизни*?.. Нам пишут, что не осталось в Мадрасе, Бомбее и Калькутте свободного угла на стенах улиц, где не были бы вывешены тысячи афиш: “Падение Mme Blavatsky! Ее интриги и обманы открыты!” и пр. и пр. Зато не одна тысяча людей восстала в мою защиту. Не только письма – телеграммы в несколько тысяч рупий – присланы в лондонский “Times”.

Там же в Индии война идет не только газетная. Более двухсот студентов-туземцев вычеркнули свои имена из этой “Христианской коллегии”, журнал которой напечатал эти удивительные *мои* письма. Впрочем, кроме двух-трех индийских правительственных газет, там все за меня вступились… Даже и здесь нашлись добрые друзья: О.А.Новикова сейчас привезла ко мне Макензи Уолласа, что в России жил, написал такое прекрасное сочинение о России и хорошо говорит по-русски. Этот Wallace назначен старшим секретарем к вице-королю лорду Дёфферину. Он дал мне рекомендательное письмо к Нубар-Паше в Каире, прося его помочь мне навести справки о Coulombs. Необходимо вывести на чистую воду этих негодяев…»

Предположено было пробыть недели две в Египте и плыть «домой», как писала Е[лена] П[етровна], в Индию. Туда, бросив все свои дела ради того, чтоб себя посвятить служению Т[еософическому] об[щест]ву, поехали с ней трое англичан: миссис Купер-Оклей с мужем и «достопочтенный» (reverend) мистер Ледбитер, священник англиканской церкви, племянник епископа Манчестерского[343].* Cooper-Oakley – тоже люди с большими связями – везли множество рекомендательных писем в Египет и в Индию и служили Е[лене] П[етровне] в пути, а потом в тяжкой болезни, сразившей ее вскоре по прибытии в Мадрас. Но больше всего в Египте помогли Елене письма О.А.Новиковой к Нубар-Паше и содействие возвратившегося туда Хитрово. Последний ее сейчас познакомил с французск[им] консулом Баррером и привез некоего адвоката Розе, бывшего синдиком[345] в деле Coulombs, которые оказались ворами и злостными банкротами…

Розе воскликнул, узнав, наконец, о месте нахождения этих достойных супругов:

– Comment, madame? C’est done vous qui pendant cing ans avez dérobé à la justice ces coquins là[346]?.. Вы получили должное за укрывательство таких негодяев!

И все смеялись над Еленой Петровной, которая оказалась без вины виноватой в укрывательстве злостных мошенников, которых шесть лет разыскивала полиция… И на основании показания такой достойной пары, отплатившей ей предательством за спасение от голодной смерти и ссылки, построено было обвинение, до того измучившее своими последствиями сестру мою, что достоверно отняло у нее несколько лет жизни.

Приведу выдержки из ее интересного письма от 30 ноября из Суэза.

«Сижу в отеле у моря и жду погоды: т.е. жду нашего парохода, который теперь ползет по каналу. Мы приехали сюда прямо железной дорогой из Каира, где провели десять дней. Знаменательные дни!.. Что они знаменательны, сами увидите из[347] длиннейших телеграмм в лондонских газетах, которые прилагаю. Начинаю убеждаться, что я и впрямь знаменитость, когда на телеграммы обо мне тратятся такие деньги!.. Корреспондент “Daily Telegraph” сам приезжал меня *“интервьюировать”* и просил позволения передать своим патронам мои открытия насчет милых antécédent[348] господ Coulombs и моих “движений”. В телеграмме, как видите, их назвали “шантажистами и злостными банкротами в бегах” от нескольких ordres d’arrêts[349]. Увидите также, что я в Александрии и Каире была “*горячо* принята вице-королем и высшей аристократией”… Оно так и было. Ты и представить не можешь, как со мною носились!.. Хитрово, как узнал, что я

---

* Все трое остались верными друзьями Е.П.Б[лаватской] и преданными служителями теософ[ического] дела. М[исте]р Оклей умер, но жена его, дочь известного в Индии генерала Купера, вместе с сестрой своей, Лорой Купер, жили в лондонских Headquarters[344] вместе с Блаватской и на их руках она умерла.

приехала, сейчас нас к себе пригласил, и пошли обеды, завтраки, пикники загородные – дым коромыслом! Наши русские, Хитрово, Абаза, Щеглов, камер-юнкер, и бывшая Бекетова, рожденная княжна Вера Гагарина, а теперь графиня Della Salla, такие милейшие все, сердечные люди, что я не знаю, как их и благодарить за услуги их и доброту. Да и все иностранцы удивили меня не любезностью – к любезностям я привыкла, – а сердечностью и простотой отношения. Поехала я на другой день с Mrs Cooper-Oakley к Нубарам с письмом Mackenzie Wallace; послала свою карточку, и вдруг Нубар-Паша сам к нам навстречу чуть не на улицу выходит. Повел к себе во дворец, привел жену и дочь – Mme Тигран-Паша и все они нас обласкали, словно старых друзей. Разумеется, все это письма милой моей Ольги Алексеевны наделали!.. Mme Нубар-Паша армянка. Очень образованная и начитанная женщина, говорит по-французски как парижанка, настоящая grande dame[350]. Мы у них завтракали и два раза обедали. У них я познакомилась с родной русской душой, графиней Делла-Саль. Ее муж, адъютант хедива[351], больше похож на русского славного парня, чем на итальянца. Она знала меня по слухам и как “Радду-Бай”, а когда узнала, что я племянница генерала Ростислава Фадеева, то бросилась мне на шею и расцеловала. Дядя здесь у них бывал как свой[352], и она так его любила, что даже плакала, расспрашивая о смерти его. Она меня подхватила и ну возить по аристократии, всем объявляя, что я “знаменитость” – “удивительная женщина”, писательница, ученая и Бог весть что̀! Повезла меня к Vice-Reine[353], как здесь зовут жену хедива, уверяя, что это необходимо. Там, в хедивском гареме, я нашла кучу гостей, почти все англичанок, жен des notabilités[354], ныне царствующих в Египте. Моя старая (но не добрая) знакомая по Индии, леди Берринг, всегда враждовавшая с Т[еософическим] об[ществ]ом, вытаращила на меня глаза, найдя меня на диване рядом с их вице-королевой, а графиня сейчас же осведомилась, теософка ли она? И объявила, что сама поступила в об[щест]во и “ужасно гордится своим дипломом”!.. Un coup de théatre[355].

Потом она повезла меня к племяннице Измаил-Паши, бывшего хедива, жене его сына, принцессе Хуссейн. Обе они, принцесса и хедивша, образованы по-европейски, по говору парижанки et des émancipées[356]. Вице-рэна[357] красавица! Прелестнейшее лицо, только жаль, что очень толста…

Делла-Саль устроила для меня обед с полсотней аристократии местной, французской, английской и нашим дипломатическим корпусом. Наши русские в особенном восторге от того, что я обратила в такого ярого теософа английского священника – reverend Leadbeater[358]. Будто он один?.. У нас членами и архиепископы состоят!.. Ну-с еду теперь в Мадрас воевать с миссионерами лже-христианами. Что Бог даст? Но надеюсь, что Он не выдаст – свинья не съест!..

Прощайте родные мои, любимые. Может и навсегда – да и то не беда! Счастия на земле не сыщешь. Здесь одна только темная прихожая. Лишь отворив дверь *в настоящее жилье* – в гостиную жизни, – узрим мы свет. В раю ли, в нирване ли, в сварге[359] – все равно! Дело не в названии. А принцип божественный один и один свет, как бы его разные мраки земные не понимали… Будем ждать терпеливо день нашего настоящего, лучшего рождения… Твоя *до него*, до нирваны и вечно».

Путешествие Е.П.Б[лаватской] обратно в Бомбей было весьма неприятно и тяжело благодаря тому, что она попала на пароходе в крайне враждебное общество клерикалов, возбужденное еще более брошюрами, щедро розданными иезуитами на все пароходы, брошюрами, повторявшими наветы «Журнала Christian College», которые служили неистощимой темой разговоров между пассажирами. Спутники Блаватской не раз заявляли печатно, что они никогда так не стыдились за своих соотечественников, как во время этого плавания.

Зато едва завиднелся берег Индии, начались неожиданные торжества. В Коломбо на набережной цейлонцы устроили Блаватской торжественную встречу с первосвященником Сумангалой во главе и множеством членов Т[еософического] о[бщества], вышедших с цветами и местной музыкой приветствовать возвращение основательницы его. Тут же ее встретили и многие теософисты, нарочно приехавшие из Адиара, вместе с полковником Олькотом, гораздо ранее оставившим Европу. Но цейлонская встреча побледнела пред небывалыми почестями, которые готовились в Мадрасе. Там прибытие парохода, на котором находилась Е.П.Б[лаватская], сделало такую сенсацию, которую не скоро забыли друзья ее и враги, потому что о ней прогремели все газеты.

На большом расстоянии от порта их встретили несколько лодок, переполненных цветами и музыкантами, игравшими национальные гимны и песни. На пристани же они нашли такую толпу туземцев всех классов в сопровождении слонов, паланкинов, цветочных гирлянд и баядерок, что, несмотря на всю привычку Е[лены] П[етровны] к местным церемониалам и шумным восточным демонстрациям, она совсем растерялась. Многочисленная делегация студентов встретила ее еще на пароходе и сопровождала в общественное здание, где им был приготовлен завтрак. Там ей прочли адрес, подписанный несколькими сотнями подписей, гласивший следующее.

«*Госпоже Е.П.Блаватской,*
основательнице Теософического общества.

Дорогая и высокоуважаемая Елена Петровна!

Принося Вам наш сердечный привет по возвращении вашем с Запада, где Вы столь успешно поддерживали наше общее дело, ратуя за великие идеи восточных философий, мы сознаем, что слабо выражаем чувства бесконечной признательности, которую вся Индия должна к Вам питать.

Вы посвятили драгоценную жизнь вашу вполне бескорыстному распространению истин ее оккультических учений. Вы своими сочинениями бросили яркий свет на сокровенные доныне мистерии наших древних религий и философий. Вашим наущением обожаемый нами сотрудник ваш, президент об[щест]ва, был подвигнут предпринять великое дело любви: обновления на алтарях Ариаварты[360] вымиравшее в нас пламя духовных верований и чувств. Ваши громадные труды по изысканиям сравнительной филологии споспешествовали усилиям вашим установить единство человечества на общих нравственных верованиях.

Самое животворное дыхание жизни, оживляющей это колоссальное учреждение, вместилище несчетных благ – теософическое братство, вдохнули в него Вы, высокочтимая Елена Петровна!

Ныне же стараниями вашими доказав Европе, что древо истинных познаний цветет на Востоке, Вы еще в тысячу раз более увеличили значение ваших благодеяний. Вы доставили восточной метафизике почтительных слушателей и добрый прием в Германии – рассаднике философий. Вы внесли светильник восточной мудрости в высшие слои культурной Англии и доказали цвету гордого лондонского общества, что существуют в другой гемисфере знания и философия, пред которыми западная наука может преклониться. Даже легкомысленная Франция в лице нескольких выдающихся ученых своих не отказалась принять из рук ваших чашу премудрости Древнего Востока.

И вот пока Вы в одной стороне земного шара всей душой были преданы великому делу распространения вечных истин, ваши враги на другом конце его изощрялись в постыдных стараниях сокрыть и задушить их, очернив Вас. Мы говорим о недавних скандальных делах в Мадрасе, в которых изгнанные Вами слуги послужили орудиями бесстыдной клеветы. Глубоко презирая такие недостойные посягательства, мы умоляем Вас верить, что наши непоколебимые любовь, преданность и полное доверие к Вам неизменны.[361] Заслуженные благородством вашей души, возвышенностью ваших стремлений, великими трудами вашими на пользу человечества вообще и Индии в особенности, они слишком глубоко внедрены в сердцах наших, чтоб их могли поколебать злобные наветы врагов теософического движения.

Мы, почтительные и преданные ваши слуги, молим высокочтимых нами Учителей, сердца коих переполнены любовью к человечеству: да продолжат они помогать Вам открывать и сеять истинную мудрость и благоволение братское между всеми людьми.

Студенты мадрасских училищ[362]».

Следовали бесконечные столбцы подписей. Адрес этот хранится в адиарской библиотеке*, а копии разосланы всюду.

---

* Библиотека эта составляет сама по себе диво, ибо безо всяких средств к приобретению книг она имеет более 2000 том[ов] на европ[ейских] языках и более 3000 туземных сочинений. Между ними чрезвычайно богатые и редкие сочинения и рукописи на пальмовых листах, признаваемые за бесценные памятники индийской древности. Все или большая часть это[й] библиотеки составлена из добровольных приношений членов Т[еософического] Об[щест]ва.

После этого осыпанные и опутанные цветами основатели Т[еософического] об[щест]ва были отпущены в Адиар, где их ожидали новые сюрпризы и множество новых испытаний.

Прежде всего, едва Блаватская отворила двери своих комнат, там оказались неоконченные «изобличительные» столярные сооружения Coulombs, которые ее вывели из себя своей дерзостью и пошлостью. Эти двери на шалнерах и шкафы с потайными днами били на то, чтоб их сочли вспомогательными средствами к обморочению легковерных зрителей появлением *кукол* вместо Махатм… Радж-йоги-де и всесильные Махатмы – измышление досужей фантазии Блаватской: их нет и не бывало!.. Она вместо них показывает марионеток… Что же [видели] в таком случае Олькот, Джёдж, Синнет и множество индусов, утверждавших свое многолетнее личное общение с этими таинственными личностями?.. Об этом Е[лена] П[етровна] не рассуждала, но чуть с ума не сошла от обиды и злобы.

Потом полились со всех сторон новые оскорбления, клеветы и всяческие тревоги. Начались пререкания, ябеды, каверзы, измены ближайших ей сотрудников: свои оказывались не лучше врагов! Те, которые должны были бы сплотиться вокруг нее в минуту опасности и поддержать в ней силы и защитить ее, малодушно или коварно переходили в ряды врагов. Олькот упрекал ее в неосторожности, в слабости: зачем она доверяла таким негодяям, как Куломбы? Лучшие ее друзья из туземцев, разные ученые брамины, челы и пандиты, ополчились на нее: зачем она легкомысленно предала их священные эзотерические тайны толпе? Зачем открыла во всеобщее сведение существование их Великих Учителей? Назвала их имена безверным, все подымающим на смех западникам? Те, которые сами настаивали на *необходимости* «демонстраций» – *ощутительных доказательств знаний* и могущества оккультических сил, теперь упрекали ее – зачем было злоупотреблять феноменами, вводить в соблазн ими вместе и скептиков, и легкомысленных. Находились даже такие противники, которые упрекали ее *русофильством* – неуместным выказыванием патриотизма к покинутому отечеству, потому что подозрения в шпионстве, в подстрекательстве туземцев в пользу русского правительства всплыли и загорелись с новой силой.

Брожение и недовольство в среде самих теософистов дошли до того, что в Адиаре стали рассуждать о том, что теперь, когда Т[еософическое] о[бщество] укрепилось до самостоятельности, «оно-де может обойтись и без помочей»… «Н.Р.В[lavatsky]» устарела! «Н.Р.В[lavatsky]» состарилась!.. Она может еще быть полезной своими писаниями об[щест]ву, но об[щест]во может выбрать себе другую представительницу… Так было порешил «Совет» (the Board of the Executive Council[363]) в Адиаре. Повторилась, одним словом, вечная мировая комедия – засаживание Хр[истофора] Колумба в кутузку на материке им открытой Америки… Позволю себе определить положение словами прекрасно оценившей его в прекраснейшей статье своей «The Theosophical Society and H.P.B[lavatsky]» миссис Безант:

«Тут, я должна заметить,[364] была сделана ошибка. Ошибка в тактике и еще бо̀льшая в недостатке верности и преданности. Когда произошли горькие и беззастенчивые нападки миссионеров, основанные на предательских подделках Coulomb, подделках, из которых большая часть прозрачна до смешного! До того, что ими невозможно обмануть и дитя, а другие подтасованы и сотканы из *полуистин*, которые, как известно, *“чернейшие из лжей”*[365]; следствие, произведенное на месте быстро*, доказало подтасовку и лживость обвинений. Прекрасно!.. Но тут вместо того, чтоб сплотиться вокруг оскорбляемого учителя и защищать до конца ее честь и положение, было принято роковое решение *умалить* ее положение в Об[щест]ве, рассуждая о том, что учение остается неприкосновенным, *хотя бы учащий был недостоин доверия*.

Это был образ действий *недостойный*! Политика уступок, а не твердых правил… Страждущая жестокими недугами, всегда легко смущаемая и не доверявшая себе в вопросах внешней распорядительности, “Н.Р.В[lavatsky]” позволила устранить себя, допустила возвеличить интересы об[щест]ва в ущерб[366] себе самой, его сотворительнице и силе, и удалилась… Не безумие ли было отделять Т[еософическое] об[щест]во от “Н.Р.В[lavatsky]”?! Без “Н.Р.В[lavatsky]” не было бы и не могло быть об[щест]ва. Кто из нас, западников, знал бы что-нибудь о теософии, если б не она?..

* По требованию самой Е.П.Блаватской. К несчастию ее, юный следователь был недостаточно добросовестен, чтоб противиться мнению *«сильных»*.

Сам президент его, полк[овник] Олькот, признает себя ей всем обязанным. Без нее он был бы спиритуалистом не без известности у себя, в Америке, и больше ничего! Также и Mr Sinnett, также и Judge и все и каждый из нас. Для всех она служила руководителем в храме оккультизма… Как об[щест]во обязано ей своим созданием, так и дальнейшей жизнью. Где *она* находилась, там очевидно был и главный центр деятельности»[367]…

Это без малейшего сомнения! В Индии все замерло, когда Блаватская переселилась в Европу, и сам президент почувствовал необходимость обновлять свои силы ежегодно у главного источника энергии сведений и деятельности, беспрестанно являясь в Лондон, где *без него* дело шло прекрасно… Полковник Олькот был преданным другом, он не был предателем преднамеренно, но он стал им по слабости, струсив пред общественным мнением и пред правительством… Он настоял на том, чтоб *не* возбуждать судебного дела[368], как того требовала Е[лена] П[етровна], а когда она, измученная, обессиленная, заболела, он ее оставил в Адиаре, уехав в Бурму[369] где «сформирование ветвей» могло бы подождать…

Без него Блаватская *едва* не умерла. По мнению мадрасских докторов, она *должна* была умереть: никаких шансов к выздоровлению, никаких сил для продолжения жизни не было… Началась уже агония. Вопрос был в двух-трех часах…

Но перед тем упадком всех жизненных отправлений, который доктора европейские и туземные единогласно сочли агонией, она сказала миссис Купер-Оклей уверенно:

– Я *должна жить*! Я еще не кончила… И не умру, пока не кончу дела!

Что было в эту ночь *особенного*, дама эта не рассказывает; она довольствуется уверением, что никогда в жизни не забудет этой страшной ночи, хотя и она была «уверена», что больная не умрет…

Доктор из Мадраса, видно, не был в том уверен: он отступил и верить ушам своим не хотел, когда ему утром сказали, что Е.П.Б[лаватская] *сидит и завтракает* благополучно. Она его встретила словами:

– Вы, доктор, ведь не верите в наших Учителей?..

И расплатилась за визиты более не нужные.

Острая, немедленная опасность еще раз была удалена, но тем не менее, когда Олькот вернулся в конце марта, Е.П.Б[лаватская] не держалась на ногах от слабости, и общее состояние ее внушало по-прежнему опасения. Несмотря на то, слабохарактерные ее защитники нашли необходимым *«от греха»* выслать ее в Европу[370]…

Мы, близкие ее, получив письмо полковника, диву дались! Мы бы вполне поняли отъезд ее по гигиеническим причинам: во избежание наступавшей жары или ради удаления ее с места действия возмутительных интриг. Но получив от Олькота совсем полоумное письмо, где говорилось, что ей «необходимо оставить Индию ради безопасности от суда, тюрьмы», едва ли не казни, мы пришли в ужас и недоумение полное. Впоследствии из писем сестры оказалось, что *«у страха глаза велики!»*. Правда, противники Е[лены] П[етровны] ее всячески старались запутать и с новой силой подняли старую, пошлую ложь о ее шпионстве, но, собственно, опасности, кроме болезни ее и вечного раздражения, убийственно действовавшего на ее организм, никакой не было!.. Тем не менее, ее в начале апреля почти без чувств подняли на пароход и в сопровождении ветреной девчонки Мэри Флин[н], ни то горничной, ни то компаньонки, и еще менее достойного[371] доверия какого-то бестолкового, раздражительного маленького черномазого уродца-индуса[372] сплавили в Европу. Горько сказать: хваленые друзья, за которых она всегда стояла горой, до такой степени мало позаботились о ней, что не только не снабдили ее достаточными деньгами, но даже не дали самых необходимых вещей. Забыли даже ее белье с нею отправить! Так что она первое время, поселившись в Неаполе, до такой степени нуждалась, что холодала бы и голодала, если б не выручили ее *свои*: Н.А.Фадеева поспешила помочь ей, да потом «Русский вестник» выслал следуемый ей гонорар.

XIV

Пребывание Е.П.Б[лаватской] в Италии, неподалеку от Неаполя, в Torre del Greco[373], где она оставалась почти четыре месяца, было одним из печальнейших эпизодов ее жизни. Уезжая из Адиара, она дала слово Олькоту не подавать и признака жизни кому бы то ни было, чтоб и не знали, где она находится… Президент об[щест]ва думал, что так скорее утихнут злобствования шотландских индо-иезуитов и забудется поднятая ими кутерьма. Она держала слово, и кроме самых близких ей людей никому не писала. Она жила первые месяца два в совершенном одиночестве и в отвратительной, грязной, тесной обстановке итальянской траттории[374] третьего разряда с невозбранно дувшими сквозняками, пропитанными зловонными испарениями, с одной стороны, всевозможных отбросков нечистоплотной итальянской жизни, с другой, удушливыми газами и дымом особенно беспокойного в тот год Везувия. На беду лето выдалось необычайно серое и холодное, а у нее, как уже сказано, необходимейшие вещи были забыты в Адиаре, а купить другие первое время не на что было. Знай многочисленные друзья ее в каком она положении, нет сомнения, что ее ни дня не оставили бы одну и в такой нужде, но никто ничего не знал, ни в Индии, – где не причастные к ее оправке (весьма похожей на изгнание) члены ее об[щест]ва немедленно подняли из-за нее бунт против Олькота, требуя ее возвращения, *ее* главенства в Т[еософическом] о[бществе], – ни в Европе, с которой она временно прекратила сношения. Кроме лишения во всем необходимом, – и это при безнадежном состоянии ее разбитого в конец здоровья: при острых ревматизмах, перемежающейся лихорадке, хронических болях в желудке, печени и почках! – она не имела ни секунды покоя, потому что не было при ней даже горничной! Мисс Флин[н] делала, что могла и умела, и бестолковый индус (впоследствии тоже оказавшийся предателем и негодяем) вначале снисходил до подметания комнат и ходьбы за кушанием, но оба не знали ни слова ни на каком языке, кроме английского, и за всякой мелочью, за всякой дрязгой жизни приходилось обращаться к[375] Е[лене] П[етровне], ее отрывать от дела по двадцати раз на дню.

И при такой обстановке и таких обстоятельствах Е[лена] П[етровна] начала приводить в порядок материалы и принялась писать свою «Тайную Доктрину», давшую ей окончательно всемирную известность[376].

Но, разумеется, долго так продолжаться не могло. Усердно разыскивавшие ее местопребывания друзья, искренние или прикидывавшиеся таковыми, наконец, узнали ее адрес, и со всех сторон полетели письма с выражениями симпатии, полного доверия, неизменной преданности[377], с призывами и горячими просьбами осчастливить своим приездом. Из Англии, Франции, Германии – отовсюду – отозвались дружескими приветами и завалили маленькую, невзрачную комнатку в Торре-дель-Греко письмами.

Кто не мог звать к себе, тот выражал непременное желание сам побывать… Из числа прежде всех отозвавшихся был Вс. С.Соловьев. Он писал из Парижа от 18 мая 1885 г.:

«…Во всяком случае, дорогая Елена Петровна, сомневаться в моем к вам искреннем расположении вы не имеете никакого права. *Я не меняюсь – это не в моем нраве.* Я тоже был очень болен…» и пр. И далее: «Все пустяки, все здешнее – un mauvais quart d'heure à passer, rien que ça[378]. Может быть пустяком и проделка ваших врагов относительно исследования феноменов… Но силе надо противопоставлять силу. Я должен[379] видеться с вами!..»[380]

За сим следовали предположения, как и где встретиться. Еще ранее она поручала г[осподину] Соловьеву разные дела в Париже, в особенности относительно переводившейся в то время «Разоблаченной Изиды» – первого ее научного сочинения, о котором он всегда отзывался с величайшим восторгом, читая его по мере того, как он выходил в рукописи переводчика*. Еще в июле 1884 года он мне писал в Одессу то же, что когда-то говорил об этой книге архиепископ Айвазовский[381]:

«Читаю вторую часть "Изиды" и *совершенно убеждаюсь, что это* **феномен**!..»[382]

---

* Е[лена] П[етровна] позволила перевести «Isis Unveiled» безвозмездно в пользу парижского Т[еософического] о[бщества]. Но переводчик ее умер, не окончив перевода, и до сих пор книга не напечатана.

А позже, в октябре, перед отъездом сестры в Индию, г[осподин] Соловьев просил ее (письмом от 22 окт[ября] [18]84 г.), чтоб она прислала рукопись первой переведенной уже части, так как это сочинение «*необходимо издать* для парижского Т[еософического] об[щест]ва, крайне в нем нуждающегося». Он рассчитывал, что герцогиня де Помар как женщина очень богатая издаст[383] книгу за свой счет, что находил ее «прямой обязанностью»[384]… Вообще сношения между Еленой Петровной и Всеволодом Серг[еевичем] Соловьевым не прерывались так или иначе, [были] самые дружеские, самые деятельные. Говорю *так или иначе* потому, что ни один из сторонников сестры моей в Европе, а тем менее из русских людей, не верил[385] так ее психическим силам и не прославлял так усердно ее феноменов, как г[осподин] Соловьев. У меня, никогда не останавливавшейся в заявлениях своего положительного неверия в появление Махатм в их астральных телах, в сотворение *из ничего* материальных предметов и т.п. вещи, были с ним частые споры.[386] Как бы то ни было, считая г[осподина] Соловьева человеком вполне правдивым, мне оставалось лишь дивиться изумительным чудесам, которые с ним творились… Он не только воочию видел Махатму Морию, не только чуть не из рук в руки получал записки Махатмы Кут Хуми[*], он даже удосужился увидеть саму *Елену Петровну в ее астральном теле* и слышать голос ее в то время, как сама она лично была в Индии… Для доказательства, что я не клепаю на его ясновидение, привожу выписку из собственноручного письма Вс. С.Соловьева от 22 декабря 1884 г., которым он свидетельствует этот замечательный факт:

«…Недели три тому назад мы обедали в знакомой вам зеленой столовой с [Вишневской]. Ел я с аппетитом, пил, как и всегда, очень немного, – одним словом, был в своем виде. Окончив обед, пошел я наверх в свою комнату за сигарой. Отворил дверь, зажег спичку, засветил свечу – *а передо мной стоит Елена Петровна* в своем черном балахоне... *Поклонилась, улыбнулась – "вот и я!" – и исчезла.* Что же это, наконец, такое??!!»[389]

Что̀ такое – в самом деле? Вероятно, особенно сильное желание его ее видеть привлекло ее perésprit из Адиара во Францию, или она в *астральном* своем теле пожелала, быть может, отдать ему раз навсегда визит за его неоднократные посещения en chair et en os[390] ее различных местожительств – в Париже, Эльберфельде, в Вюрцбурге. Как бы то ни было, но таков факт, что в то время, по-видимому, не было у Е.П.Б[лаватской] друга преданнее этого «дорогого соотечественника», как она его называла, «кандидата в челы индийских Махатм», могуществу которых он верил так же безусловно, как самые завзятые индусы-брамины. Как те семьдесят ученых, которые тогда же написали следующее (приводимое вкратце) показание из *Негапатама*, страны *пандитов* по преимуществу:

«Мы, нижеподписавшиеся, несказанно удивлены, прочитав *"Отчет Психического лондонского об[щест]ва о теософии"*. Смеем заявить, что существование *Махатм* или иначе *Садху* никоим образом никем *не измышлено* – ни г[оспо]жой Блаватской и ни кем другим. Наши прапрадеды, жившие и умершие задолго до рождения Mme Blavatsky, имели полную веру в их существование и психические силы, знали их и видели. И в настоящее время есть много лиц в

---

[*] Получив от Вс. С.Соловьева подробный рассказ о том, как именно явился ему призрак Махатмы Мории (в начале сент[ября] [18]84 г. в Эльберфельде) с описанием предшествовавших и последовавших за этим магическим визитом событий (в той самой редакции, в которой он отослал отчет об этом происшествии в журнал Лонд[онского] психического об[щест]ва)[387], я задала ему несколько частных вопросов. Отвечая на них, он предположил, что в видении этом *могла* сказаться сила гипнотического внушения, но прибавил следующее показание: *«…Но вот – факт. Там же я получил, к великой зависти теософов, собственноручную записку Кут Хуми, и даже на русском языке. Что она очутилась в тетради, которую я держал в руке, – меня нисколько не удивило, – я это заранее предчувствовал и почти знал. Но поразило меня то̀, что в этой записочке говорилось* **ясно** *и* **определенно** *именно* **о том, о чем мы говорили за минуту**. *В ней был ответ на* **мои** *слова, а в течение этой минуты я стоял один, никто не подходил ко мне, и если предположить, что кто-нибудь заранее положил в тетрадь записочку, то этот кто-нибудь, значит, овладел моей мыслью и заставил меня сказать те слова, прямой ответ на которые находился в записочке. Этот изумительный феномен я отчетливо наблюдал несколько раз над собой* **и над другими** *(?!). Какова сила?! А рядом с этой силой, какое иногда бессилие!»*

Сила была велика – в чем нет сомнения. Хотя никто, кажется, никогда не заподозривал в Е[лене] П[етровне] сил гипнотических. В том же письме из Парижа от 21 ноября [18]84 г. г[осподин] Соловьев заявляет такое решение: «Когда окончится ее (Е.П.Б[лаватской]) существование, которое (я должен так думать) поддерживается теперь только искусственно *магическою силой* (так твердо он тогда верил силе Махатм, явствует из всех его писем!), – **я буду вечно оплакивать** эту несчастнейшую и замечательнейшую женщину!»[388]

Индии, не имеющих ничего общего с Теос[офическим] об[щест]вом, но имеющих постоянные сношения с эти[ми] высшими существами (Superior Beings). Мы владеем многими средствами для доказательства этих достоверных фактов, но нет у нас ни времени, ни охоты входить в подробности. Пусть м[исте]р Ходсон и его "комитет", если они смотрят на дело серьезно, поищут правды поглубже, и тогда может найдут, что поторопились и составили весьма ошибочное заключение... Наших верований г[осподин] Ходсон не поколеблет нимало, но он со своим "комитетом" выказали великое невежество и незнание истории Индии и индусов… Сдается нам, что пресловутое Об[щест]во для психических изысканий не удовлетворило ни единой надежды мистиков, возложивших упование на его открытия, но более грубой ошибки, как его *"Отчет о теософии"* никогда еще оно не совершало»*.

Дело в том, что не на одних индусов, а на тысячи и тысячи европейцев недобросовестно веденное юным, самолюбивым и предубежденным м[исте]р[ом] Ходсоном следствие в Адиаре, его неосновательные заключения и злорадная поспешность Психического об[щест]ва, устремившегося *«убивать Блаватскую»*, по свидетельству *одного* человека, произвели невыгодное впечатление. Прибывание членов в Т[еософическое] об[щест]во не только не убавилось, но напротив усилилось. Многие, равнодушно относившиеся к пропаганде, вдались в нее серьезней и взяли дипломы на членство. Сотни свидетельств лиц всех наций лежат предо мною; я возьму на выдержку из той кипы статей, которая мне еще не служила для биографий Е.П.Блаватской.

Вот что пишет доктор медицины Арчибальд Китли.

«Я присутствовал не раз на митингах, где читались отчеты Психическ[ого] об[щест]ва; они не произвели на меня ни малейшего впечатления. Я много читал юридических розысков и следствий, а потому это дело поразило меня своей несостоятельностью… Что касается других обвинений на г[оспо]жу Блаватскую, то ведь ее учение, знания, ум нам известны… К тому же *я вполне и непоколебимо верю в существование Учителей*, потому что в моем убеждении они составляют *необходимое звено в эволюции бытия человеческого*…» («Lucifer», July, 1891)[391].

Другой известный писатель и ученый Franz Hartmann, д[окто]р богословия (в том же № «Люсифера»), так определяет свое верование в этих высших адептов: «Не каждый ли человек располагает земной и небесной жизнью?.. Большинству, опутанному петлями этого мира иллюзий, иллюзии эти кажутся действительностью, а жизнь небесная – мечтою! Но бывают избранные, внутренняя жизнь коих полнее пробуждает к сознанию, что будущая духовная жизнь есть *истинное* существование, а здешняя – лишь кратковременный сон, тяжкий кошмар. Факт двойственного существования был признан всеми святыми и мудрецами и ведом всем, способным углубляться в самосознание присущего нам божественного духа. О нем Библия, и Новый Завет, и Багавад-Гита говорят много раз. Апостол прямо указывает на такую двойственность жизни *посвященного* во плоти и вместе в духе, говоря: "Мы живем на земле, но сознание наше на небеси…"[392] Почему не допустить, что могут быть и такие (люди духа), в коих свет окончательно поглотил тьму? Такие, в которых не существует более *"греховного тела"*. Они-то и суть вполне развитые адепты истины, каковым представлял себя Св. Павел[393] в Послании к Римлянам (гл. VII, 5–6), говоря: "Когда мы жили по плоти, то греховные страсти, обнаружившиеся чрез закон, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти. Но ныне, умерши для закона, который нас связывал, мы освободились, дабы нам служить в новом духе, а не по ветхой букве"… То обстоятельство, что современный свет не знает о существовании людей святой жизни, – продолжает д[окто]р Гартман, – что современная наука отрицает святых, нимало не разрушает теории, что *бывают* люди, в которых божественные начала, заключающиеся в каждом из нас, достигают такого развития, что высшие области духовных знаний, недостижимые прилепившимся исключительно к земному, им открываются. Души таковых, приобрев самосознание в свете духовном, понятно, приобретают необычайные способности, силы и власть, ибо они, по слову Св. Иоанна, "от Бога рождены"[394]»[395]…

Подобные толкования и многие другие впоследствии нам уяснили несколько суть того, что понимают теософы под личностями своих Махатм, Архатов или Гуру, Радж-йогов, Братии Учителей, Садху – имен у них столько же, сколько и свойств!

---

* «Boston Courier», July 18, 1886.

Полковник Олькот, Джёдж, Синнет и многие другие из числа убежденных теософов, утверждающих свое личное общение с ними, много раз объясняли мне, что, раз убедившись в готовности Махатм споспешествовать во[396] имя науки и гуманности инициаторам теософического движения, они нимало не смущаются неверием света в существование этих «Великих Учителей, победивших плоть и познавших скрытые законы природы до полного подчинения некоторых из них своей воле»…

Когда нам случалось в беседах с Е[леной] П[етровной] возмущаться, что за монополия знаний и духовной власти приписывается ими «тибетских магам», она всегда возражала, что они говорят именно о тибетских потому, что *их* знают, а не других, но что это вовсе не значит, что в других странах[397] нет подобных им…

«Везде и во все века бывали и будут чистые сердцем люди, которые, побеждая[398] земные помыслы и плотские страсти, так возвышают свои духовные способности, что им открываются тайны бытия и сокрытые от непосвященных законы, движущие природой, – много раз принималась она нам толковать. – Как их ни преследуют слепые люди, как ни называют: магами, волхвами, Радж-йогами или святыми, они жили и живут всюду, познанные или не познанные… Для таких, просветившихся при жизни, нет ни препон, ни плотских уз: они не знают ни пространства, ни времени, а *живы и деятельны в теле и вне тела*. Они там, куда переносятся мыслью и волей, ничем не прикованные, ни к месту, ни к своей временной, смертной, телесной оболочке».

Мы спрашивали: почему же они не всегда и не всем, хотя бы в них верующих, помогают? Е[лена] П[етровна] резонно отвечала, что они не могут отвращать неизбежного, становиться между человеком и выполнением *«кармы»*, которую тот сам для себя выработал.

Она всегда с нами соглашалась, что у нас в России, где, благодарение Богу, в православии живы заветы учения Христа, а материализм не въелся в плоть и кровь народа, как на Западе, теософия может иметь лишь отвлеченный научный интерес. Зато не могли мы и с нею не согласиться, что в Западной Европе всякое учение, пробуждающее веру в духовную сторону бытия, благодетельно!

XV

Едва кончился оплаченный срок за квартиру в Неаполе, Е[лена] П[етровна] тотчас решилась переехать куда-либо в Германию, «где зимой хоть холодно, писала она, да есть печки, камины, двойные окна» и пр[очие] приспособления, которых даже в палаццо в Италии не имеется. Все время не переставая призывать к себе Н.А.Фадееву, она ей предоставляла выбор места в Южной Германии, куда бы ей было возможней приехать, говоря, что ей решительно все равно, лишь бы немножко комфорта, тепла, тишины и спокойствия, чтоб могла она серьезно приняться за свою «Тайную Доктрину». Во всех письмах ее к нам она старалась поправить невыгодное для ее адиарских теософов мнение, составившееся нами поневоле из бестолкового с нею обращения. Первые жалобы, вырвавшиеся у нее, она теперь относила к своему болезненному состоянию; горячо оправдывая Олькота и других, уверяя, что они сделали «все, что могли», она в доказательство верности и преданности об[щест]ва приводила нам сотни писем от представителей различных ветвей в Индии, Англии и особенно в Америке, бурно восставших против ее *«отставки»*, которую, едва приехав в Европу, она поспешила, по совету Олькота, чрез него подать[399]. Большинство, надо сказать правду, *громадное большинство*, возмутилось даже возможностью такой сумасбродной мысли и разразилось гневными протестами против президента и всех адиарских заправил и самыми убедительными мольбами к ней, чтоб она их не оставляла, что они не признают другого главенства, кроме нее одной. Она присылала нам десятки таких воззваний.

В то же время все ее письма дышали успокоением, даже радостью, вызванной множеством доказательств дружбы *«таких преданных друзей, как Вс. С.Соловьев»*, писала она в августе: «Мы с ним вместе путешествовали по Швейцарии. Даже не знаю, за что он так привязался ко мне? Ведь, в сущности, я не могу помочь ему ничем; почти ничего не могу исполнить из того, на что он надеялся… Бедный он человек! Мне так жаль его и их всех!..» Она восхищалась климатом и картинами Швейцарии. Она всю жизнь обожала природу.

«Никогда мне так легко не дышалось! – радовалась она. – Я даже могу ходить, как десять лет не ходила!»

В это время даже вся горестная передряга ее жизни представлялась Елене не в черном, а в юмористическом свете, и она так мне писала в сентябре 1885 года:

«Не хотят мои преданные теософы оставить меня в покое! Зовут в Лондон… Хотят, чтобы я встала во главе европейского Т[еософического] об[щества], издавала бы здесь свой “Theosophist”, а индусы тоже одолевают письмами! Зовут назад в Индию, грозят бедному Олькоту бунтом без меня… В их глазах он только исполнитель моих вдохновений, а я – главная жрица и пифия. А читала ты, как в Лондоне на митинге Психического общества психисты меня обвиняли публично, что я и теософию создала, и Махатм выдумала, и фокусничала все с одной единственной целью *“политической интриги за Россию”*, которая мне за это *платила*!!??! Даже такие бешеные консерваторы и русофобы, как Синнет и лорд Bo[r]thwick, возмутились такой бессмысленной глупостью[400]!.. Обвинение их основано единственно на том, что со времени моего приезда в Индию некоторые англо-индийские журналы перестали так ругать Россию, как прежде. В этом есть доля правды. Почти все редакторы лучших газет, как “Indian Mirror”, “Amrita Bazar Patrika”, “The Hindu” и пр., – теософы и мои личные друзьям, знали прекрасно, что каждое сказанное ими против России слово режет меня по сердцу! Особенно, если оно *по-английски* несправедливо. Ну и воздерживались… А меня за это произвели в *оплачиваемую* официальную шпионку. Господи! Узнаю̀ свою вечную долю: d’avoir la réputation sans en avoir eu le plaisir[401]!.. Уж хотя бы этим какую-нибудь пользу родной России принесла, а то и того нет! Так себе, отрицательные, мелочные результаты»…

«…Я понимаю, – пишет Е[лена] П[етровна][402] в другом письме, – что Психическому обществу, в начале отогревшемуся в гнездах Теософического об[щест]ва, как воровская кукушка отогревает свои выводки в чужих гнездах (когда – помнишь? – Майерс еще все тебе письма писал и меня просил, чтоб я тебя упросила ему из России корреспондировать?), невозможно было не отделиться от нас. Опасно было бы Майерсу, который бьет на то, чтоб не расходится с европейской наукой, честно и бесстрашно заявить, что все наши феномены *не* фокусы и *не* ложь, а

результаты сил, не известных европейским ученым. Против них восстали бы главные общественные силы в Англии: духовенство и корпорация представителей науки. Мы же, теософы, их не боимся: идем вразрез. Наше об[щест]во у всех ханжей-иезуитов и псевдоученых – как бельмо на глазу, а уж я-то как русская являюсь именно козлом отпущения. Надо же было объяснить мое влияние, вот и написали обвинительный акт, целую книгу – измышление прежнего друга и приятеля Майерса, – начинающуюся словами: “We proclaim Mme Blavatsy the grandest, the cleverest, the most consummate impostor of the age!..”[403] И впрямь! Только подумай: я одна приезжаю в Америку, выбираю Олькота, спиритуалиста, и начинаю работу – *пролог* над ним – и немедленно свожу его с ума. Из ярого поклонника спиритизма он делается теософом. Тогда я, не умея в то время и трех английских слов правильно написать, сажусь и пишу “Изиду”; ее появление производит, с одной стороны, фурор, с другой – скрежет зубовный. Тут я *выдумываю* Махатм и тотчас десятки людей в них уверывают! Многие *их видят*. Начинается ряд феноменов на глазах сотен людей… Через год об[щест]во считается тысячами членов. “Хозяин” является Олькоту, приказывает ему переселиться в Индию. Мы едем и по дороге печем новые ветви, как горячие булки: в Лондоне, в Египте, в Корфу, наконец, у нас, в Индии;[404] общество разрастается в десятки тысяч, – заметь: *это все мои фокусы*!.. Письма Махатм так и валятся во всех концах света на всех языках, на санскритском, индостанских наречиях, на древнем *телугу* (малоизвестном даже в Индии), – *это все я фабрикую*, – пока *одна*. Но вскоре я ловко из обманутых и водимых мною за нос делаю себе des compères[405]: я учу их писать мной измышленными почерками подложные письма и производить *фокусы*… Когда я в Мадрасе, феномены, происходящие в Бомбее или Аллахабаде, производят мои confédérés[406]. Кто они, эти сообщники? *Не выяснено.* Заметь эту фальшь: перед Олькотом, Hübbe Schleiden’ом, Гордонами, Синнетами и прочими *своими* людьми Майерс учтиво извиняется, признавая их лишь *слишком легковерными* моими бедными dupes[407]. Так кто ж обманщики-то *вместе* со мною?? Вот в чем задача, которую мне мои судьи и обвинители никак не могут объяснить, как я им не доказываю, что они должны же существовать, а иначе им грозит неминучая необходимость признать меня окончательно *волшебницей*. Еще бы! В пять лет я сотворяю громадное об[щест]во из христиан, индусов, буддистов; негде не бывая, болея, сидя сиднем за работой, результаты которой очевидны, я, престарелая русская баба, накидываю сети на тысячи людей, без признаков помешательства верующих в мои феномены, на сотни передовых мыслителей и ученых, которые из материалистов обращаются в духовидцев, – как же не быть мне “величайшей обманщицей и фокусницей”?.. В отчете о моих злодеяниях прямо говорится:

“Не думайте, наивные англо-саксонцы-теософы, что влияние Mme Blavatsky распространяется в Индии только на вас: *it goes far beyond*[408]! Когда она вернулась в Мадрас, около 800 человек, студентов-*не*теософов, подали ей сочувственный адрес. Ее влияние громадно! *Нечего не может быть для нее легче, как развивать ненависть к Англии в сердцах индусов* и медленно, но верно *подготовлять почву к русскому нашествию!*”[409] Вот чего перепугались! Вот тебе и russian spy[410]!.. Какой там шпион? Целый завоеватель!.. Можешь гордиться такой сестрой… Ну, теперь не мое дело, а всех теософов. Пусть они дерутся за меня, а я сижу себе в Вюрцбурге, жду обещанного приезда Нади (Н.А.Фадеевой) и ни с места отсюда. Пишу новую книгу, которая заткнет за пояс двух “Изид”!»

В то же время она писала и Синнетам:

«Ну что ж, друзья мои, я очень рада! Mme Blavatsky охотно согласна, чтоб все поверили, что она в продолжение двадцати лет сумела одурачить (she has bamboozled) умнейших людей своего времени во всем мире, в особенности в Англии!.. К чему настоящие, *натуральные* феномены, когда сама проявительница тысячи фокусов такой воплощенный феномен, что творит все это и более того? Мне не на что жаловаться!»[411]

«Когда я с женой посетили ее в Вюрцбурге осенью[412], – пишет Синнет, – мы еще нашли ее в кипучем негодовании, но несколько утешенную приездом друзей, тетки ее, г[оспо]жи Фадеевой, которую она горячо любит… Ей вообще было лучше, и *по некоторым признакам* мы стали надеяться, что вскоре она серьезно примется за свое новое сочинение…»[413]

В самом деле, в начале октября он получил от Е.П.Б[лаватской] письмо, где высказывалось следующее:

«Я очень занята “Тайной Доктриной”. *Тò, что было в Нью-Йорке* (она разумела картины ясновидения, при которых писалась “Изида”), повторяется еще несравненно яснее и лучше! Я начинаю надеяться, что эта книга отмстит за нас. Такие картины, панорамы, сцены, допотопные драмы, вместе взятые!.. *Еще никогда я лучше [не слыхала] и не [видала]*»[414].

XVI

Поселившись в живописном Вюрцбурге, Е.П.Блаватская нахвалиться не могла, в особенности в начале, своей обстановкой и «друзьями» (к несчастию, она очень была щедра на это наименование!), не оставлявшими ее одной. Дождалась она и радостного для нее приезда Н.А.Фадеевой и, разумеется, В.С.Соловьева, прогостившего[415] несколько недель. Это – увы! – было его последнее дружеское посещение… В течение его разыгрались сами по себе ничего не стоившие обстоятельства касательно индуса Могини и преследовавших его своим *вниманием* альбионских дам. Е[лена] П[етровна] просила г[осподина] Соловьева умолчать о том, что он слышал в ее доме по поводу этого «скандального для целомудренного *челы* происшествия», – он же поспешил по возвращении в Париж об этом рассказать*. С этого начались бесконечные объяснения и препирательства, закончившиеся окончательным обозлением его, раздраженного уже и без того тем, что [он] не мог получить при содействии Е[лены] П[етровны] всех благ, каких ожидал от ее «всесильных» покровителей, Махатм.

Были и кроме *«инцидента Могини»* другие, так сказать, *домашние* недоразумения[417] между г[осподином] Соловьевым, сестрой моей и близкими ей людьми, возникшие из-за несдержанности речей еще третьего, постороннего семье нашей, лица. Не буду входить в подробности этих печальных дрязг. Скажу только, что вероятно г[осподин] Соловьев все еще надеялся на что-нибудь, ожидал, что выйдет хоть что-нибудь для него практично-полезное из его столь продолжительной и старательной игры с Блаватской в дружбу и преданность[418]. Вот, к примеру, отрывки из одного его письма (8 окт[ября] [18]85 г.) из Парижа по возвращении из Вюрцбурга, которое позволяет это предполагать.

«Дорогая Елена Петровна, что лучше: писать зря или молчать и действовать на пользу своего корреспондента? Я подружился с Mme Adam, много говорил ей о вас, очень заинтересовал ее, и она объявила мне, что ее “Revue” открыта не только для теософии, но и для защиты *лично вас*, если понадобится. Я расхвалил ей Mme де Morsier, одновременно нашелся еще один человек, говоривший в том же тоне… Во всяком случае – это очень хорошо. Сегодня провел утро у Рише и опять-таки много говорил о вас по случаю Майерса и Псих[ического] об[щест]ва. Я положительно могу сказать, что убедил Рише в действительности вашей *личной* силы и феноменов, исходящих *от вас*. Он поставил мне категорически *три* вопроса; на первые два я ответил утвердительно; относительно третьего сказал, что буду в состоянии ответить утвердительно, без всяких смущений, через два или три месяца. Но я не сомневаюсь, что отвечу утвердительно, и тогда, увидите, будет такой *триумф*, от которого похерятся все психисты. Да, так оно и будет, ибо ведь не играли же вы мной, как “пешкой”! – “Изида” отправлена и вы ее, конечно, уж получили… Я выезжаю послезавтра в Петербург…[419]

Вам сердечно преданный Вс. Соловьев»[420].**

По всей вероятности, того, чего ожидал г[осподин] Соловьев от всемогущих Махатм через «два или три месяца», ему тоже дано не было, ибо по возвращении из Петербурга в Париж он круто и уж бесповоротно меняет свои мнения о Т[еософическом] об[щест]ве и Е.П.Блаватской, к которой чувства его радикально изменяются, несмотря на столь частые уверения его в том, что *«меняться не в его нравах»*[421] …

Вот уж какие[422] – совсем иного рода, чем все прежние, – признания срываются с его пера:

«Елена Петровна! Вы слишком умная женщина, чтоб долго предаваться ярому безумию, в котором вы написали ваше вчерашнее письмо... Если б я был действительно *ваш личный* враг, то теперь с торжеством ожидал бы Вашего явления в Париж и Лондон и хладнокровно присутствовал бы при вашей погибели, которая мне-то уж повредить не может никоим образом, *ибо во все время*

---

* В письме, которым он предупреждает сестру, что ее «предостережение пришло слишком поздно», что он уж рассказал, что «оная теософка желала соблазнить челу», он успокаивает ее тем, что заявил также, что этот «чела» *остался на высоте своего призвания*… «Так что, видите, репутация Могини не страдает нисколько и никаких вам неприятностей быть не может»[416]… Тем не менее, неприятности были и весьма крупные, благодаря этой болтливости.

** Курсивы в словах этих двух писем г[осподина] Соловьева его собственные.

моего знакомства с вами я поступал[*] **сознательно**. Каждый мой шаг относительно вас, каждое мое слово, *сказанное* вам мною или *написанное*, прямо указывает на мою *цель*, в которой для меня – как для русского человека и христианина – нет бесчестия (!?!). Цели этой, как вам известно, я достиг (недаром сидел в вонючем (?) Вюрцбурге 6 недель!). Неужели вы думаете, что меня можно застращать нахальной клеветой и ложью (?) и что у меня не подготовлено для Вас на всякий случай, – ибо я всегда всего ждал от вас (?.. в то время как клялся вам в сыновней преданности, любви и уважении – следовало бы прибавить г[осподину] Соловьеву!), – изрядное количество *сюрпризов*?[423] Это вот вы только сами себе злейший враг и не знаете, что делаете и к чему стремитесь, – я же отлично знаю, что̀ будет и что я делаю, хоть меня и не наущают Ваши Махатмы. Ведь у меня голова холодная, как вы сами сказали; ну а у вас она горяча до непостижимости и, когда горит, Вы ровно ничего не видите»…

Это во многих отношениях замечательное письмо увенчано в конце одной фразой, составляющей заключение, достойное его смысла вообще:

«Если вы уподобляете себя кабану и желаете кусаться – пожалуйте! – *капканы* (?!) *готовы*»[424]…[**]

Браво! – таково было мое восклицание, когда я прочла это удивительное послание. Я сочла его образцом… гражданского мужества. В самом деле, много надо иметь человеку твердости духа, чтоб искренно сознаться в двухлетней постоянной лицемерной комедии, разыгрываемой с тем, чтоб *изловить в капкан* и достигнуть какой-то цели, губительной для избранной им жертвы[425]…[***] И в таком образе действий, по мнению г[осподина] Соловьева, *«нет бесчестия для христианина и русского человека»*?! Бедные русские люди!

Но какое бы фиаско не потерпел г[осподин] Соловьев в своем желании *«погубить»* Блаватскую, все же он достоверно может похвалиться тем, что ему этой новой глубокой царапиной по больному сердцу ее удалось на значительный срок сократить ее жизнь, вновь доведя ее до крайне болезненных припадков. Она, к несчастию, не умела ни любить, ни страдать вполовину. Легковерная, несмотря на свои дары ясновидения, она легко привязывалась, а обманываясь в людях, которым верила, страдала глубоко, гораздо более, чем большинство их того заслуживало… Огорчения эти постоянно действовали разрушительно на ее организм.

Новое расстройство ее здоровья ознаменовалось сильным и продолжительным обмороком. Это было уж после отъезда Н.А.Фадеевой, но, к счастию, она все же была окружена преданными ей людьми[427]…

«Перепугала я их, бедных, – пишет Е[лена] П[етровна], – говорят, с полчаса была как мертвая. Отпоили они меня digitalis'ом[428]. Я упала в гостиной, а очнулась уж раздетой в постели с доктором в ногах кровати и заливавшейся возле меня слезами Mlle Hoffmann. Добродетельный Гюббе-Шлейден, президент об[щест]ва в Германии, сам бегал в город за доктором, а мои милые дамы – жены живописцев Тедеско и Шмихена и старая Mlle Гофман – всю ночь возле меня просидели…»

Одной ее не оставляли более, как только местопребывание ее стало ведомо. Она часто очень тяготилась постоянными посетителями, мешавшими ей писать. В это время очень кстати приехала к ней графиня Вахтмейстер[****],[429] преданная теософии и действительный *«друг»*, каким осталась она навсегда и поныне. Под ее преданной охраной, избавлявшей Блаватскую от всех забот

---

[*] Одна лишь эта знаменательная фраза до слова «сознательно» мною подчеркнута.

[**] По какой причине г[осподин] Соловьев предрекал *гибель* сестре моей, если она приедет в Париж или Лондон? Не известно… Когда она после того приехала в Париж – ее там встречали с торжеством и радостью; в Лондоне же она жила последние годы жизни и всегда пользовалась почетом и уважением. Вероятно, это была одна из многих его богатых фантазий.

[***] Цель эта была, конечно, изобличение Е[лены] П[етровны] в том, что она делала фокусы, а не чудеса. Но для этого не стоило трудиться с таким ущербом своей искренности: Е[лена] П[етровна] сама называла[426] *не ею* прославлявшиеся феномены «psychological tricks» – т.е. *психологические фокусы*. Она печатно много раз это высказывала и всеконечно ни она и ни один серьезный теософ никакой важности и никакого «теософического значения» им не придавали. Смешно думать, чтоб феноменами, в Индии проделываемыми на всех перекрестках, возможно было возбудить такое умственное движение, какое Е.П.Б[лаватская] произвела своим учением и сочинениями.

[****] Вдова министра иностранных дел в Стокгольме.

житейских, не допускавших до нее утомлявших ее вечных посетителей и любопытных, она поправилась и в продолжение нескольких месяцев вела жизнь спокойную и вместе *в меру* занятую, сразу подвинувшую «Тайную Доктрину», столь нетерпеливо ожидаемую ее прозелитами, почти до половины.

Но в книге судеб определено было Е.П.Б[лаватской] никогда не знать душевного покоя. За несколько месяцев до того (в июне 1885 г.[430] ее сильно огорчила смерть двоюродного брата Александра Юльевича Витте*; в октябре же [18]86 [г.][431] еще сильнее поразила скоротечная кончина родного брата нашего Леонида Петр[овича] Гана, человека тоже еще молодого и к тому же оставившего вдову и дочь без всяких средств к жизни. Она горько соболезновала о них и горевала, что не может их обеспечить. Всегда готовая делиться последним, она, в данную минуту не имея свободных денег, тотчас послала продать несколько золотых вещей, чтобы немедленно им помочь. Тут вскоре подоспело и еще одно удовольствие: вышел из печати пресловутый «отчет» Психического об[щест]ва, вновь подливший масла в остывавший было огонь ее негодования и обиды. Предоставляю желающим подробно познакомиться с его нелепостями и клеветами читать о них в подлиннике или в показаниях недоброжелателей сестры моей; без сомнения, найдутся люди,[432] которые не остановятся ни перед чем в желании бросить лишним комом грязи в память умершей: те широко воспользуются, конечно, богатым материалом, заключающемся в «отчете», невзирая на[433] множество протестов и *изобличений в неправде*, которыми люди, причастные и *не* причастные к Теософ[ическому] об[щест]ву, печатно разбивали его доводы. По-моему, беспристрастному человеку, чтоб убедиться в недобросовестности господ психистов, совершенно достаточно познакомиться с тремя следующими обвинениями их: 1) Махатм никогда не бывало – Блаватская *сочинила* их, 2) *письма* их, Махатм (заметьте: на всевозможных европейских языках, а также на древних и новых различных индостанских и сингалезских наречиях), писал *Бабула* – мальчишка-индус, слуга Е.П.Б[лаватской], почти безграмотный, или же сама она, 3) все это она делала лишь в видах русской пропаганды в Индии, что свидетельствует отрывок из ее «*воззвания* (?!) к русской армии», найденный в бумагах ее, доставленных госпожой Coulomb…

Отрывок этот, без конца и начала, оказался действительно *отрывком* из перевода статьи Гродекова в «Новом времени» о путешествии его по Афганистану[434]… Она ее переводила для газеты «The Pioneer». Это было доказано печатно без апелляций, но, разумеется, ни к чему не послужит тем, кто, не зная всего дела, прочтут указания на «Отчет» без указаний на оправдательные протесты**. Ведь уж сколько раз печатались Т[еософическим] об[щест]вом показания экспертов-каллиграфов (германских и английских судебных инстанций) в том, что между почерком Е.П.Блаватской и письмами Махатм *нет ничего общего*, ни одной линии, которая могла бы возбудить подозрения[435], но, тем не менее, многие, желающие обвинить в этих «подлогах» Блаватскую, обвиняют ее! И будут обвинять quand même[436] – так водилось всегда и будет водиться до скончания века.

---

* Того самого Александра Витте, которого она, будучи в Америке, во время нашей последней войны с турками видала в видении с окровавленной головой, перед тем как он действительно чуть не погиб, контуженный в голову.

** В случае если бы нашлись желающие (прочитавшие обвинение Психич[еского] об[щест]ва на Блаватскую) прочесть и оправдание ее людьми, близко знающими дело, указываю адрес, откуда они могут их иметь: *London, 7 Duke Street, Adelphi*, или же: *Avenue Road 19.*

XVII

С начала января месяца графиня Вахтмейстер, которой необходимо было ехать в Швецию к сыну и в имение свое, начала усердно призывать нас к[437] Елене Петровне, считая невозможным оставить ее, больную и встревоженную, на попечение одной прислуги и знакомых в Вюрцбурге. Любопытно описывает графиня в одном из первых писем ко мне, как она узнала Е.П.Блаватскую.

Оставшись очень рано вдовой, графиня Констанция Вахтмейстер обратилась, как и многие, ища утешения, к спиритизму, но вскоре, открыв на собственном здоровье, как опасны последствия медиумизма, поборола в себе это состояние силой воли и обратилась к теософическим теориям, в которых нашла объяснение многому, что ее смущало прежде.

«Я убедилась, – пишет она мне, – что человек имеет двойственную силу и что для некоторых избранных, умеющих развить свои духовные свойства до возможного смертному совершенства, время и расстояние не существуют, что они могут переносить свое духовное тело, о котором так красноречиво повествует нам Св. Павел, на какие угодно расстояния в одно и тоже время. Разумеется, не одаренному свыше до таких свойств и возможностей дойти весьма трудно, но бывают счастливцы с рождения самой природой снабженные дарами, облегчающими им достижение этих свойств: такова сестра ваша, я в том совершенно убедилась…»

Прерываю письмо, чтоб заметить, что мы получили десятки такого рода заявлений и знаем сотни людей, убежденных, также как и графиня, в высоких оккультических дарах Е.П.Б[лаватской]. Из этого не следует, чтоб мы, ее близкие, разделяли вполне их мнения, но я считаю себя обязанной, если раз пишу о жизни ее, указывать на мнения о ней других, не руководствуясь одними собственными взглядами. По-моему, это необходимо, чтоб дать более всестороннее понятие о личности ее и впечатлении, которое она производила.

«Я стала ревностно читать все, что касалось до нее и ее учения, – продолжает Mme Wachtmeister, – и не могла не преклониться пред великой и благородной решимостью ее делиться с миром своими глубокими знаниями и истинами, добытыми ею ценой бесчисленных усилий и жертв…»

Затем следуют описания «изумительных способов» писания книги – «Тайной Доктрины», которой занята была Елена, ее ясновидений и проникновения мыслей, составлявших, по свидетельству графини, «обыденные явления их жизни в Вюрцбурге», и горячие призывы нас, ее кровных, горячо ею любимых, способных лучше всех других друзей утешить ее в печалях и поддержать.

Но, к несчастию, в то время, зимой, нам невозможно было ехать. Необходимо было дождаться весны, а тут и еще одно, совсем уж неожиданное удовольствие обрушилось на голову Е[лены] П[етровны]: в Париже стали ходить во многих экземплярах копии с ее письма к г[осподину] Соловьеву[438], в котором *она сама заявляла, что нет никаких Махатм*, руководителей их учения, что они точно *ее собственное измышление, порождение ее фантазии*… Такое *«наглое сознание виновной»* взбудоражило всех ее парижских друзей и последователей, ее же поразило еще несказанно больше, чем их и чем нас, ставших в тупик перед таким необъяснимым сумасшествием.

Зная, как тяготилась сестра моя просьбами г[осподина] Соловьева касательно помощи Махатм, просьбами, которых она никак не могла исполнить, я, услышав это необычайное заявление, подумала, что, верно, она прибегла к такому оригинально-неожиданному пассажу, чтоб только он ее оставил в покое… Мое подозрение разделяли многие, знавшие близко обстоятельства их знакомства и надежд, которые он вначале возлагал на ее дружеское расположение. Я спросила об этом сестру, дивясь, как же она, рискуя такими «откровенностями»[*], не связала его обещанием тайны?.. Сестра отвечала мне отчаянным письмом, которым высказывала полное недоумение[439]… Зная ее горячность – *ее «полоумие»*, как мы часто называли между собой ее несдержанность, – я легко могла предположить, что в припадке вспыльчивости она могла на себя наклепать, сочинить,

[*] Я в то время еще очень мало читала об Индии и сама, как уже мною неоднократно было заявлено в печати, смотрела несколько подозрительно на этих полусказочных созданий. Разумеется, я не могла думать, что они *выдуманы*, но склонна была верить, что их могущество сильно преувеличено прозелитами и что не все проявления их сил, прославляемых теософистами, несомненны.

как бывало не раз, особенно смолоду в ее жизни, но чего я никак не могла представить себе и объяснить, это было: как мог Вс. С.Соловьев так неосмотрительно предать ее частные письма гласности?.. Сестра умоляла меня у него побывать и прочесть *русское* письмо ее[440]. Г[осподин] Соловьев тогда только что возвратился из Парижа в Петербург, и я легко могла исполнить ее желание. Прочтя это громадное, сгоряча, как видно, написанное письмо, я удивилась и прямо высказала г[осподину] Соловьеву свое недоумение[441]: никакого «признания» в выдумках и обманах насчет существования Махатм в письме положительно не было. Е[лена] П[етровна] лишь высказывала в нем сожаление, что она говорила в Европе о них, заявляя, что если бы знала она, как имена их будут вмешивать в дрязги и «валять в грязи» (кажется, там была именно такого рода фраза, но за давностью времени за подлинность *слов* не ручаюсь), *она готова была бы лучше сказать, что их совсем на свете нет, что она «их сочинила»* (как ее обвиняли иезуиты[442] и психисты). На мое замечание, что я не понимаю, из-за чего сыр-бор загорелся, как могли французы вывести из этого *частного* письма, – высказывающего лишь сожаление о том, что она, Е.П.Б[лаватская], *не скрыла существование и имен Махатм*, – заключение, что она их *выдумала* и в том сознается, г[осподин] Соловьев отвечал, что сам он не понимает, с чего они взбаламутились против нее?..

В это время Е.П.Б[лаватская] при переезде из Вюрцбурга в Эльберфельд, куда ее и меня призывали гостить друзья ее, Гебгарды, вывихнула себе ногу, поскользнувшись, и вместо двух-трех недель пришлось ей остаться у них неопределенное время. Страстными письмами призывала она нас к себе, и я со старшей дочерью решилась ехать в конце мая[443] [444].

Перед отъездом я очень просила г[осподина] Соловьева, чтобы он доверил мне письмо Е[лены] П[етровны], обещая возвратить его в целости. Но он ни за что не согласился… Это странное обстоятельство поставило меня в тупик и в большое затруднение, так как мне очень хотелось засвидетельствовать заинтересованным в этом деле теософам, что в ее подлинном письме к г[осподину] Соловьеву никаких признаний не имеется.

Едва я приехала в Эльберфельд, я поняла, в чем дело… Фразы, писанные в русском письме в *условном* времени, *conditionnel*, были во французском переведены в *affirmatif*, что делало смысл их утвердительным. Как известно, *так* изменить смысл фраз на французском языке особенно легко: стоит только в глаголах опустить *s* на конце вместо «je dirais que je les ai inventés»[445] написать: «je dirai que» и пр., и вместо: *«я сказала бы»* выходит: *«я скажу, что их выдумала»* и т.д.[446] Я, разумеется, теперь не помню оборота точных фраз, но верно знаю, что смысл письма выходил таков, будто она признавала себя виновной в *измышлении* личностей Махатм… Я тотчас написала г[осподину] Соловьеву, какая *неточность вкралась в перевод*, прося его прислать самое русское письмо или хотя бы засвидетельствованную с него копию, но он ни слова не ответил. И сколько я и старшая дочь моя не писали ему об этом, прося дать нам возможность удостоверить всех, что он не причастен [к] этой *ошибке переводчика* и вместе с тем оправдать сестру в глазах парижских теософов посредством сличения ее письма *с неверным* переводом, добиться от него ничего не могли… Увы! – повторилась в России история мадрасских иезуитов: как они отказались показать письма Е.П.Б[лаватской], на которых построили ее обвинение, так и тут мы не могли убедить г[осподина] Соловьева позволить *сравнить* копию подлинного письма с неверным переводом…[447] Конечно, убедившись в его положительном нежелании оправдать Блаватскую (да и себя вместе с ней!), я прекратила с ним переписку, но написала в Париж г[оспо]же де Морсье, главной обвинительнице моей сестры, верившей г[осподину] Соловьеву так же безусловно, как я когда-то ему верила, а также дала, по совести, показания комиссии, требовавшей моего свидетельства.

Все это дело было в свое время напечатано в теософических журналах, но, разумеется, небольшое сравнительно количество лиц, прочитавших о нем отчеты, бороться с большинством, которое относится к вопросу легко, не вникая в подробности, никак не может, и тень, наброшенная на память Е.П.Блаватской, затемнится еще одним лишним пятном… À bon entendeur – salut[448]!

Как бы то ни было, но я очень рада, что утешила сестру своими вполне правдивыми показаниями и что с нею свиделась. Мы провели с нею шесть недель в Эльберфельде, а потом переехали в Ostende[449], где ей были предписаны теплые морские ванны. Сюда приезжали к ней многие из Лондона и из Германии, между прочим, Mr Sinnett, усердно писавший ее биографию

(«Incidents in the Life of Mme Blavatsky»), которой думал защитить ее от наветов противников, противопоставив ее басням, ходившим о ее происхождении и преступных действиях.

Первое время кроме слабости и боли в ногах, не позволявших ей ходить, Блаватская хорошо чувствовала себя в Остенде и писала о себе так:

«Засяду я теперь одна; из странствующего, не знающего покоя Вечного Жида превращусь в “краба-отшельника”, в окаменелую чучелу морскую, застрявшую на берегу. Буду писать и писать – одно утешение!.. Эх! Счастливы люди, могущие ходить!.. Что за жизнь вечно болеть, да еще и без ног!..»

Я очень боялась, уезжая, оставлять ее одну, но, к счастию, к ней скоро приехал индус Могини Чат[т]ерджи, потом профессор Берген с женой из Стокгольма, молодой Гебгард, возвращавшийся из Америки; обещала вскоре приехать и мать его погостить из Эльберфельда, а осенью должна была с ней снова поселиться, к величайшему нашему успокоению, графиня Вахтмейстер.

XVIII

До марта сравнительно все было благополучно. Весной Е[лена] П[етровна] собиралась переплыть канал, склонившись, наконец, на мольбы лондонских теософов, не перестававших звать ее. Теперь к ним присоединилась и граф[иня] Вахтмейстер, решившая с двумя братьями Keightley и несколькими другими образовать общежитие, нанять дом где-нибудь в тихой части города возле парков, где бы графиня хозяйничала, Китли секретарствовали бы, во всем помогая Блаватской, сняв с нее всю обузу мелочных подробностей жизни и даже работы, так, чтоб могла она всецело предаться своим теософическим трудам.

Но прежде чем этот план привели в исполнение, Е[лена] П[етровна] чуть не умерла. Расскажу об этой новой болезни ее в Остенде ее же словами*.

«Воскресенье. Католическая Пасха[451].

Я писала тебе, друг и старый товарищ, о своей болезни дней десять тому назад, еще лежа в постели. Как же ты пишешь, что я опять молчок?.. Я, правда, чуть было совсем не сыграла в *молчка* вечного, опять висела на волоске и опять воскресла из мертвых! И где, и как я простудилась, не выходя из комнаты? – не понимаю! Началось с бронхита, а кончилось зловредным осложнением болезни почек. Остендские доктора без толку меня мучили, грабили и чуть не убили, а спас меня наш теософ, доктор Аштон Эллис, который за то, что отлучился, не спросясь начальства, из свой Вестминстерской больницы и девять дней пропадал возле меня (массируя мне спину), лишился места с большим содержанием… Когда все доктора здешние отказались от меня, графиня вспомнила об Аштоне, которого знала по репутации только, прося дать совет или прислать какого доктора, а он ответил, что сам будет ночью. Бросил все и явился. И ведь никогда меня не видывал, а знал только по делу и статьям. Меня просто совесть мучит, что из-за меня потерял он столько! Еще хорошо, что холостой… Спас меня массажами, дни и ночи меня растирал без отдыха просто. Теперь съездил в Лондон и опять вернулся вчера, и объявил, что не оставит меня до полного выздоровления, и сам повезет меня в Лондон при первом теплом дне. Со мною осталась Mme Гебгард, – вместо того чтоб Пасху провести в семье, – нянчится со мной, лекарство мне дает, пока графиня уехала по необходимости в Швецию, продавать имение. Хочет потом неотлучно жить со мною, “смотреть да беречь” меня. А такая преданность, как этот Аштон Эллис мне выказал! Ну, где тот человек, который пожертвовал бы доходным местом, службой своей, всем, чтоб ехать спасать от смерти постороннюю ему, незнакомую старую бабу?.. И все на свой счет, копейки взять с меня не хочет! Еще меня же угощает, выкопал откуда-то старое-престарое бордо[452]. Вот тебе и чужие, да еще англичанин!.. Говорят: “Холодные англичане, бездушные!..” Видно не все…

Ты спрашиваешь: не прислать ли чего? Не нужно ли что?.. Ничего мне не нужно, родной человек, кроме тебя самой. Пришли мне себя саму. Вот полтора года не видались и когда свидимся?.. Может уж никогда. Я уезжаю в Лондон, а осенью, вероятно, коль не умру, в Адиар поеду. Меня туда усердно призывают... Получила ли ты новый парижский журнал наш “Le Lotus”? Издается, как на заглавии увидишь, *“sous l’inspiration de H.P.Blavatsky”* (!?)[453]. А какое там inspiration, когда некогда мне туда и слова написать.

Я три подписки взяла: одну тебе, одну Вере, а третью Каткову. *Я Каткова просто обожаю* за его патриотизм. Ничего, что опять денег не шлет, – Бог с ним. Я его глубоко уважаю за то, что патриот и молодец – режет правду!.. Такие статьи, как его, делают честь России. Я уверена, что если бы родной дядя** был жив, он нашел бы в них отголосок собственных мыслей… О! Когда бы только регентов в Болгарии[454] повесили да Германию бы поколотили, – умерла бы я спокойно!»

В конце апреля 1887 года друзья перевезли Е.П.Б[лаватскую] в Англию, окружив ее переезд всевозможными предосторожностями и заботами, перенося ее в креслах на пароход и в вагоны; и основалась она сначала в небольшой вилле в цветущих окрестностях Лондона, в Норвуде, где с

---

* В «Русск[ом] обозрении» приведено письмо сестры ко мне[450]; это же писано к Н.А.Фадеевой.

** Рост[ислав] Андр[еевич] Фадеев.

нею поселились двое-трое преданных ей людей. Там было ими задумано[455] новое издание собственного журнала ее «Lucifer» и открылась масса новой работы. Вскоре после того она стала писать нам вместо писем по нескольку спешных слов, извиняясь множеством неотложного дела.

«Ведь ты подумай, – писала она, – издавать “Люсифер”, писать для “Lotus”, для мадрасского “Теософист”-а (который без моих статей потерял слишком много подписчиков, вообразивших, что я разошлась с Олькотом, а он по этому поводу мне отчаянные письма пишет), писать для нью-йоркского “Path”, продолжать второй том “Secret Doctrine”, да поправлять по пяти раз корректуры первого тома, да принимать по двадцати и тридцати человек, являющихся за делом и без дела, – ведь 124[x] часов в сутки не хватит!.. Не бойся, когда долго нет писем, значит здорова (сравнительно!), а то – сейчас напишут!..»

Она тогда лечилась электрическими ваннами, и ей они первое время очень помогали. Помню я, что у нас были большие препирательства из-за имени, данного ей своему журналу.[456] Несмотря на все ее доказательства, что «Люсифер» прекрасное название, означающее *«носитель света»* («lux, lucis» – *свет* и «ferre» – *носить*), – и только лишь благодаря мильтоновскому «Потерянному раю», сделавшееся синонимом падшего духа, которого ему вздумалось так назвать, я все же находила, что незачем им, теософистам, которых и без того многие принимают и за язычников, и за чернокнижников, так бравировать общественным мнением. Она же возражала горячо[*], что это самый подходящий титул для журнала, задача которого «освещать светом зари утренней все, скрывавшееся доныне во мраке многовековой ночи... Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с “Люсифера” – бледной, чистой звезды утра, провозвестницы яркого света полуденного солнца – с *“Эосфороса”*,[458] греков, именем которого древние часто называли и Богородицу, и Сына Ее. Сам Христос говорит о Себе: “Я, Иисус,[459] звезда утренняя” (Откров[ение], XXII, ст[олбец] 16)»[**].

В ту же осень затеяли и еще еженедельные брошюры «T.P.S.» (Theosophical Published Siftings)[461], открыли типографию и контору отдельно в Сити, и вообще организовалось такое большое дело, которое обратило внимание даже лондонской публики, привычной ко всяким проявлениям общественной жизни. Пресса заговорила громко; Е[лена] П[етровна] то и дело присылала мне статьи и отзывы посторонних журналов и газет о деле их. Обратило внимание и духовенство на успехи и быстрый рост Т[еософического] об[щест]ва в Лондоне. Было несколько многолюдных и бурных митингов, организованных представителями епископальной церкви, но они только обратили еще большее внимание на теософическое братство и дали ему много новых членов. Впоследствии прекрасное письмо, написанное Е.П.Б[лаватской] к главе англиканской церкви (под заглавием «*Lucifer* to the Archbishop of Canterbury»[462]), перепечатанное многими газетами, выяснило многие недоразумения и заставило клерикалов умолкнуть.

В июне я была удивлена одним из ее *вещих* писем, как год тому назад, по возвращении моем из Остенде в Россию, я получила от Елены просьбу сообщить ей подробности смерти А.М.Бутлерова, – просьбу, писанную ею в Остенде *в самый день его смерти*, а мною полученную в Петергофе ранее, чем я узнала[463] об этой кончине[***] из газет, в которых объявления появились лишь в третий или четвертый день[464], – так и теперь она мне писала:

«Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, я открываю и вижу только одну строчку: *“Теперь Катков действительно умер”...* Уж не болен ли он?.. Узнай, пожалуйста, и напиши. Не дай Бог!.. Не потому, что он должен мне около 2000 р[ублей], – не думай! Их бы мне отдали и после смерти его – не он ведь должен, а редакция, но дело в том, что я охотно согласилась бы их потерять и больше, лишь бы *такой* русский человек был жив!»

Я навела справки. В то время Михаил Никифорович был здесь, в Петербурге, но о болезни его еще не говорили… Я так и написала сестре, что «кажется здоров»… Но не прошло и двух-трех недель, как мы услышали, что точно болен он и серьезно. Я известила сестру, а вскоре и все газеты наполнились этой вестью, и все шло хуже и хуже, пока не наступила развязка: *Катков*

---

[*] Смысл и цель этого заглавия прекрасно объяснена Е.П.Б[лаватской] в передовой статье 1 № ее журнала: «What’s in a name?»[457].

[**] Подробно об этом первом времени пребывания Е.П.Б[лаватской] в Лондоне я рассказывала в ж[урнале] «Русское обозрение»[460].

[***] Объявление о смерти А.М.Бутлерова появилось довольно поздно, а сестра видела его в тот же день.

действительно умер, как было заранее возвещено Блаватской… Письмо ее, по получении этой вести, стоит быть приведено в биографии ее целиком. Вот оно:

«Maycot, Crownhill. Upper-Norwood[465].
Августа 5. 1887.

В большом я, милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну "что мне Гекуба и что я Гекубе"[466]?.. И не видала его никогда и совсем мне чужой… Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию... Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мной матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот, только проявится из ряду вон русский человек – Скобелев ли, Аксаков, кто другой – так смерть и прихлопывает в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или хоть Солсбьюри и tutti quanti[467] – нет, а все наши!

Чем был для России Катков, теперь только можно видеть и сообразить: вой радости раздается из всех журнальных редакций. Одни только "Pall-Mall" да еще "St. James Gazette" благородно отозвались: какое бы-де бремя с нас не сымала эта смерть, но "желательно было бы, чтоб в Англии нашлись *такие* же два-три патриота, каким был Катков... Давайте и нам побольше Катковых, тогда Англия и наполовину не станет так дурить, как теперь!..". А берлинские-то "рептилии" заплясали от радости! "Вот вам! кричат, нашему императору девяносто лет, а все его враги молодыми умирают: Гамбетта, Скобелев, Катков. Звезда-де Германии всплывает очевидно!.." Врали[468], хвастуны[469], они рады! Им с руки, еще бы, они б его сами охотно отравили, иезуиты бисмарковские!

Писала сейчас письмо в редакцию его[470], – надо было! Семь лет ведь работала для "М[осковских] в[едомостей]" и "Р[усского] в[естника]"... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моих сожалений, а я писала, что чувствую. Сказала, впрочем, что пишу не для того, чтобы выветривать свои никого не интересующие чувства по случаю смерти того, от кого никогда не видала ничего, кроме доброты и снисхождения к моим безграмотным письмам из Индии, да и что̀ могут значить мои чувства в сравнении с чувствами всей России о потере, нанесенной ей этой смертью. Тот не патриот и не русский человек, кто не сознает в эти тяжелые для России дни, что эта утрата для отечества незаменимая! Много у России "правителей" да кандидатов в управление, но другого такого верного стража ее национальных интересов нет и долго еще, может быть, не будет!..

Господи! Что это за несчастие преследует Россию?.. Словно темные силы опутали ее невидимою сетью. И некому более теперь разрушать этих петлей могучим правдивым словом прозорливого патриота... Для меня, потерявшей всякую надежду увидать родную Русь, вся моя любовь к ней, все горячее желание видеть ее торжествующей над врагами сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков – все, все *ушли*, – кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как он рассказывал и указывал России на козни против нее?.. Пропала Россия! Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, "закрылось навеки бдительное око патриота", как дракон оберегавшего интересы нации, и теперь лишь поймут, чем Катков был для царя и отечества. Стало, был опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и прессы дрожали при его имени, как теперь дрожат от радости, что избавились: лафа-де нам теперь будет дурачить[471] Россию. Счастливы христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: "Царствие тебе небесное, великий патриот!" Я же могу только из глубины души пожелать ему *"вечную память"* в сердцах всех любящих родину, бедную нашу матушку-Россию.

Да! Ставит эта родина статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам... Поставит ли Москва первопрестольная памятник тому, кто, думаю, сделал для России *словом* не менее, чем Минин и Пожарский *мечами*. Лучше б вместо театральных эффектов погребения с венками от республиканской Франции да Национальной лиги доказала она, что *"не зарастет"* сорной травой "*тропа* к его могиле"[472] в сердцах верных сынов ее: пусть запомнят наши дипломаты его учения

да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы – свинопасам-регентам да Миланам, австрийским холопам. А зарастет *“тропа”* в их памяти, то *да будет им стыдно*!

Вот так я им и написала в “Моск[овские] ведомости”, разумеется, в менее сильных иногда выражениях... Может дурой назовут?.. Ну, пущай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась.

Пока жива – всегда ваша. Е[лена] Б[лаватская]».

Таким горячим посланием и панегириком М.Н.Каткову разразилась Е.П.Б[лаватская], узнав о кончине его.

XIX

Вскоре приехала в Лондон графиня Вахтмейстер, и все они перебрались ближе к центру города, в Lansdowne Road, 17, Holland Park, возле Кенсингтонских садов, «и началась, по словам ее, новая, трудная и подчас тревожная жизнь. Частые печали и заботы нам почти не давали ни отдыху, ни сроку; однако прямым следствием всех испытаний наших был рост и преуспеяние нашего об[шест]ва и распространение теософических истин»…

«Mme Blavatsky бывала дома (т.е. принимала) каждую субботу по вечерам, и посетители являлись толпами*. Иные из любопытства, другие движимые действительным желанием учиться, некоторые же просто привлеченные ее личностью… Наблюдать за различными приемами ее разнохарактерных посетителей своих было само по себе назидательно. С иными она давала волю своим громадным знаниям, и тогда она словно бы выростала и поражала[474] слушателей силой и властью своих речей, с другими она, как бы нарочно умаляясь, беседовала о таких пустяках, что они уходили от нее вполне довольные чувством своего умственного превосходства».

Зимой 1887 года появилась в «Новом времени» заметка, возвещавшая любознательной русской читающей публике новость: в Лондон-де переселилась из Индии соотечественница наша, Елена Петровна Блаватская, с целью уничтожать христианство, проповедуя буддизм, и уже построила капища и посадила в нем идола Будды[475]… Что-то в этом игривом духе. На это Елена Петровна отвечала добродушно-юмористическим письмом в редакцию, которое, впрочем, в газете не появилось, а нам тогда же писала:

«Ну что это “Новое время” врет! Откуда оно взяло, что я собираюсь проповедовать буддизм?.. И не думаем. Если б читали в России наш главный орган теперь в Европе, моего “Lucifer”-а, так и знали бы, что проповедуем мы чистейшую *теософию* без толстовских крайностей, чисто христоподобную теософию и мораль жизненную. В третьем №, ноябрьском, будет моя статья (“The Esoteric Character of the Gospels”[476]), в которой я заступаюсь за проповедь Христа, и как всегда возвеличиваю Его истинное учение, *не искаженное папством* и протестантством. Я, т.е. мы, теософы, изобличаем всякое фарисейство, всякое суеверие, – да! Достается от меня и католичеству, разукрасившему чистое учение Христово ненужными побрякушками и пустозвонной обрядностью, достается и протестантству, в жару негодования на самоволие папское и тщеславие католического духовенства обобравшее здоровый цвет и плоды с древа истины вместе с пустоцветом, привитым ему ксендзами. Достается, правда, всякому ханжеству и фарисейству, как и лютому материализму, а они – “буддизм”! Вот поди ж ты!.. Называют меня – да, положим, я и сама себя называю – язычницей. Слышать я не могу о совращении индусов бедных или буддистов в это фарисейское англиканское или папское христианство: просто передергивают меня! А когда читаю про успехи православия в Японии – то сердце радуется!.. Вот и разбери меня. Когда встречаюсь с патером или пастором – претят они мне. А свой русский поп – ничего!.. К своим православным церквам, к богослужению так и тянет. Я вот тогда в Париже соврала тебе, что не хочу идти в нашу церковь, а того не сказала – стыдно было! – что до тебя еще, до вашего приезда, ездила туда и стояла с разинутым ртом, словно перед давно не виданной, не узнавшей меня матерью родною… Ведь не верю в догматы, не люблю обрядности, а к своей родной службе совсем другие чувства. Не достает у меня седьмой клёпки в мозгах[477], – так я решила!.. Вот и о Смирнове радуюсь, что познакомилась со своим русским священником, и ужасно он мне мил и хочется, чтоб не считал меня, как другие, антихристом в юбке. Должно быть это в крови. В жизнь свою не шла и не пойду против православия; заступаюсь за него всегда и везде. А они[478] – “буддизм проповедует”!.. Конечно, всегда скажу: тысячу раз лучше буддизм, чистое, нравственное учение, во всем сходное с учением Христа, чем современные католичество или протестантство. А с русским православием я и буддизм не сравню! Что будешь делать? Такая уж глупая натура, надо полагать, непоследовательная».

Весной 1888 года великое горе разразилось над семьей моей[479]. Сестра перемучилась за нас в своем одиночестве, не имея даже утешения общения с близкими: я с дочерьми была не в состоянии извещать ее, бросила даже совсем писать… Она же не переставала умолять нас, как

* «Lucifer», «At Wurzburg and Ostende», June 1891[473].

только все кончилось, приехать к ней: «В незнакомой вам стране хоть немного, может быть, развлечетесь, – писала она. – Приезжай, родная! Все приезжайте, милые мои, я уплачу все путевые расходы, только доставьте мне эту величайшую радость… У меня для вас комнаты отдельные и сад у меня славный такой, тенистый, тихий, точно в деревне птицы заливаются. Тебе хорошо будет, а бедным девочкам все же развлечение… Вот и Смирнов тебе пишет, тоже зовет, советует приехать. Он так всех вас любит! Такой добрый, каждый день, говорит, молится за вас… И ко мне сейчас приехал… С ним одним могла я, как со своим родным человеком, разговаривать… Бога ради, решайтесь: приезжайте!»

Всем ехать было невозможно, но я со старшей дочерью летом поехала в Лондон и оставалась до осени. При нас был там съезд теософистов из Индии и Америки для решения некоторых вопросов, возникших из-за окончательного переселения Е.П.Б[лаватской] в Англию. Тамошние и вообще европейские теософы требовали, чтоб она приняла на себя главенство и представительство об[щест]ва в Европе, но она не могла согласиться: это отняло бы у нее окончательно все время, лишило бы ее возможности *писать*, да, кроме того, ей ни за что не хотелось обижать своих сподвижников по делу: Синнета, президента Лондонского Т[еософического] об[щест]ва, а тем более полковника Олькота, отымая у него европейское представительство. Все это требовало улажения и соглашения, ради которого президент сам явился в августе из Индии. Е[лена] П[етровна] встретила «старого друга и товарища» так радостно, искренно, забыв все пени и недоразумения, словно и не пробегали между ними злые кошки… Она и меня, менее снисходительную к его провинностям против сестры, умоляла не поминать их, оправдывая и защищая его горячо.

Деятельность в Лэнсдаун-Род еще усилилась. Ежедневно бывали посетители, но два раза в неделю, положительно, в большой ее приемной бывало, как в церкви во время служения.

Очень много интересных, замечательных личностей узнали мы в пестром многолюдстве, окружавшем Е.П.Б[лаватскую]. Были там знаменитости, давно известные нам по газетам, администраторы, члены парламента, представители науки и художеств. Было множество заезжих индусов, магометан и буддистов, являвшихся к ней на поклон, всегда с приветствиями от далеких друзей ее, с мольбами возвратиться к ним, «преданным ей по смерть *детям ее*»… Были один доктор и один инженер, только что возвратившиеся из Филадельфии с удивительных опытов чудодея-изыскателя и изобретателя Килэ[480], рассказывавшие о виденных ими чудесах. Много было также свидетелей чудес другого рода: духовидцев, беседовавших о различных более или менее зловредных или безвредных *элементариях*[481] как о явлениях самых обыкновенных. Бывали двое-трое предсказателей, составителей гороскопов, магнетизеров, в числе завсегдатаев; случайно появлялись и медиумы – преимущественно заезжие американки, но они были в большом презрении… Были двое замечательных докторов, аллопат и гомеопат, оба неверующие в медицину, но имеющие репутацию чудотворцев и великих медицинских авторитетов. Но больше всего по четвергам бывало серьезных посетителей, являвшихся с целями поучаться и развиваться умственно и духовно, а по субботам сторонних посетителей – больше любопытных или просто приятелей. Между ними замечательные художники и музыканты, чтецы, актеры и декламаторы, часто в конце вечера занимавшие Блаватскую и гостей ее превосходными образчиками своих разнообразных талантов. Е[лена] П[етровна] сама в молодости была прекрасной пианисткой, имела несколько дипломов филармонических обществ и до конца [жизни] обожала музыку и пение; русских песен она не могла слушать без сердечного, глубокого волнения.

Однако большинство артистов, группировавшихся в конце восьмидесятых годов вокруг представительницы Т[еософического] о[бщества] в Лондоне, почти все были тоже людьми исключительных убеждений, совсем особенных взглядов на искусство вообще, а [на] свои задачи в особенности. Например, музыканты-теософы совершенно отвергают заслуги современного музыкального направления. В особенности без апелляции осуждают легкую опереточную музыку, называя ее *«оффенбаховской проказой»*. Все они считают исключительно свои вкусы здравыми и верными, направленными «к истиной гармонии – к *мировой* величественной музыке будущего», провозвестником которой почитают Вагнера. Они его называют «музыкантом-оккультистом», а его методу и произведения – *гармонией веков*, которую поймут и оценят грядущие поколения людей более развитых духовно, чем нынешнее «больное, дурно направленное в мыслях и чувствах, несостоятельное нравственно человечество, заеденное материализмом и мелочными,

эгоистическими интересами»… Много раз приходилось слышать такие мнения в гостиной на Лэнсдаун-Род[482].

Несколько художников-живописцев, которых я часто видела в лондонском теософическом кружке, также носят особую печать классицизма, научного серьезного образования и несколько мистического направления своих картин. Один из них, итальянец Тедеско, известен своими историческими картинами, на которых мы часто узнавали лиц, близких Т[еософическому] об[щест]ву; другой – славянин, Александр Свобода, великий путешественник по Индии, Африке и Малой Азии, написавший классическое сочинение о христианских развалинах последней*; наконец, третий – баварец, еще совсем молодой человек, некто Шмихен. Этот присяжный живописец об[щест]ва теософов из всех самый замечательный, потому что пишет par intuition – *наитием* – заглазно портреты лиц, им никогда не виданных. Для этого ему, говорили мне многие, близко его знающие, необходимо только проникнуться сильным желанием увидеть свой сюжет духовным оком, сосредоточиться мыслью и волей на нем и тотчас пред ним ясно возникает образ желанного лица… Таким способом он нарисовал портреты «Учителей», двоих Радж-йогов, Мории и Кут Хуми, с таким поразительным сходством, что все, их знающие, не могут надивиться; индусы же при виде их падают ниц в экстазе. Судить о сходстве Махатм могут немногие, но множество людей, и я в том числе, были изумлены сходством портрета Е.П.Блаватской, который он сделал для книги Синнета о ее жизни по его просьбе, прежде чем она приехала[484].

Я, кажется, говорила уже, что, следуя английскому странному обычаю, многие близкие Елены Петровны называли ее ее тремя инициалами – H.P.B., что в произношении английской азбуки выходит: *Эч-Пи-Би*. Раз зашла речь о том, как неудобно такое обыкновение и какие из-за него могут выходить qui pro quo[485]. Зовут, например, ваших двоих знакомых Jonathan Thompson Smith и James Thornton Stuart[486], а в просторечии оба J.T.S., т.е. Джи-Ти-Эс. Вот и разбирайте о котором речь!

«Это правда! – серьезно согласился Рёссель. – Да вот, например, я, когда еще в Америке бывало все слышал “H.P.B.”, а не знал, что Mme Blavatsky зовут Helena Petrovna, я воображал… совсем другое!»

«А как же понимали вы мое имя?» – спросила она.

Mr Russell сделал самое серьезно-сосредоточенное лицо и благоговейно объяснил.

«Зная ваши заслуги и духовные совершенства, я был убежден, что почитатели ваши под инициалами “H.P.B.” желают вас назвать *High Para-Brahm* (Высокий Пара-Брам – высшее божество)[487]!»

Крепко досталось бедному артисту за его острословие[488].

Работа над «Secret Doctrine» шла в это лето неустанно. Длинные печатные корректурные листы чередовались на письменном столе Е[лены] П[етровны] с рукописями второго тома. Многие профессора (Крукс, Ал. Эйтон, д[окто]р Бёк) читали выдержки из первого тома по корректурам (как в Америке читали когда-то также «Изиду»), и отзывы их в письмах к сестре моей, которые она давала мне читать, положительно были так лестны, до того превозносили глубину учености, новость взглядов, оригинальность теорий, силу и убедительность ее слова, что, признаюсь, я гордилась и радовалась за сестру. И вместе с тем я за нее боялась: она очевидно убивала себя работой, разрываясь между этим капитальным трудом своим – «Тайной Доктриной», своим журналом, в котором сама писала и передовые, и оригинальные (за подписью) статьи и сама же в нем держала корректуру, и массой статей, которые называла «хлебными», то есть хорошо оплачиваемыми, потому что она их отдавала в сторонние журналы. Особенно щедро платили американцы. Только – увы! – свои русские газеты пренебрегали ее сотрудничеством! После смерти Каткова ей не удалось пристроиться ни к одной русской редакции, как она о том ни хлопотала через меня. Раза два *отрывки* ее корреспонденций появились в «Новом времени»[489], но они были так сокращены и изувечены, что она предпочла прекратить свои письма – непривычная к такой нецеремонной процедуре.

* «The Seven Churches» («Семь церквей»)[483].

Г.Шмихен. Е.П.Блаватская
(из книги *Sinnett A.P.* Incidents in the Life of Madame Blavatsky,
Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends. London, 1886)

XX

В начале сентября я простилась с сестрой в самом разгаре их теософического съезда. Шли переговоры об открытии особого Эзотерического (тайного*) отдела для желающих специально посвятить себя изучению не только теософического учения вообще, но и наук сокровенных, оккультических. Таких сразу оказалось более трехсот человек, которые присягнули в безусловном повиновении Е.П.Б[лаватской] с тем, чтоб она их учила таинствам «Каббалы и белой магии», как я ее поддразнивала, относясь довольно скептически к возможностям *научно* передать такого рода знания и силы. Что бы то ни было, но с открытием «Esoteric Section of the Blavatsky Lodge»[490] – полный титул отдела – у Е[лены] П[етровны] и еще оказались два раза в неделю занятия: устные уроки с наличными *«эзотеристами»* и наблюдение за правильной передачей этих уроков письменно в чертежах и литографиях для рассылки иногородним.

Вскоре по возвращении моем, я, не получая долго ответов на свои письма Елене Петровне, упрекнула ее сердито: «Что не пишешь ни слова, скажи на милость? Чем уж так ужасно занята, что минутки не имеешь?!» Вот что она мне юмористически отвечала:

«Друг и сестра! Твой неосмотрительный вопрос: *"Чем уж так занята?"* – поразил нас, как бомба, начиненная наивным незнанием активной жизни теософа. Я как прочла, так и перевела твое кузьма-прутковское[491] изречение на язык Шекспира, а как перевела, так Барт, Арч**, Райт, Мид и весь мой домашний штат – все попадали в обморок от твоего диффамационного вопроса… *Чем* занята? Это я-то?! Да если есть на свете перезанятая жертва – это горемычная сестра твоя. Вот пересчитай, зоил[492] бессердечный, мои занятия: каждый месяц пишу от 40 до 50 страниц "Esoteric Instruction"[493] – наставления в тайных науках, которые *не могут печататься*, а несчастные пять-шесть добровольцев, мучеников-эзотеристов, должны по ночам рисовать, писать и на машине литографировать в числе *только* 320 экземпляров, которые я же должна гидировать, ректифировать, компарировать и корижировать[494], чтоб не ошиблись и не осрамили моих оккультических знаний. Что ты думаешь? У меня седые ученые, каббалисты и фран[к]масоны присяжные поучаются… Потом: издание "Lucifer"-а все на мне лежит, от передовика редакционного да статьи для каждого №, более или менее забирательной, до корректуры. "Revue Theosophique" тоже моя графинюшка, Адемар, присылает, и ей тоже помочь надо, да и самой кушать, значит, еще и "хлебную" статейку припасти необходимо. Да приемы, митинги каждую неделю с учеными расспросами, со стенографом за спиной да двумя-тремя репортерами по углам тоже ведь время берут? К каждому четвергу должна готовиться, потому не с улицы неучи приходят: такие люди, как электрик Кингсланд, как Dr William Ben[n]et[t][495], как натуралист Картер Блэк. Я должна быть готова защищать учения оккультизма против прикладных наук так, чтоб по отчету стенографа прямо можно было печатать в новом ежемесячном журнале под заглавием "Transactions of the Blavatsky Lodge"[496]. Это одно – стенограф и издание – *моим* теософам почти 40 ф[унтов] ст[ерлингов] в месяц стоит… С твоего отъезда здесь все с ума сошли: в такие расходы пустились, что волосы дыбом становятся…

Написали, видишь ли, циркуляр всем теософам по всему белу свету: ""Н.Р.В[lavatsky]"-де стара и больна. "Н.Р.В[lavatsky]" не долго еще оставаться с нами… Помрет "Н.Р.В[lavatsky]", тогда свищи! Некому будет нас уму разуму и тайной премудрости учить. Давайте-ка складчину сделаем на расходы и т.д.". И вот – сделали и тратят. А "Н.Р.В[lavatsky]" сиди с продранными локтями и без гроша в кармане и отдувайся за всех, учи их. Уж, конечно, я сама ни гроша не приму за такое учение… "Сребро твое да будет тебе на погибель, ибо ты помыслил дар Божий приобрести за деньги!"[497] – говорю я тем, кто воображает купить божественную мудрость веков за фунты и шиллинги»…

Очень часто «забирательные» статьи Е.П.Б[лаватской] в журнале ее касались России и русских, и очень жаль, что для таковых не находилось переводчика: вернее понятие имели бы тогда о ней ее соотечественники. Я говорю о таких статьях, какою разразилась она, например, по

---

* Эзотерическое (esoteric) – лишь для немногих избранных; экзотерическое же (exoteric) – внешнее, для всех, для толпы.

** Бертрам и Арчибальд Китли.

поводу «митингов негодования» (?!) англичан касательно наших «жестокостей в Сибири» или «притеснения евреев» («The Moat and the Beat», «Lucifer», June 1890[498]); или та, что написала она по поводу катастрофы 17 окт[ября][499], когда писала и мне «о силе магнетизма молитв русского народа за царя, окружающих его охранительной атмосферой, предотвращающей несчастия»[*]… Первая же статья Блаватской в защиту своих соотечественников от клеветы британской прессы, где она доказывает фактами все безобразные жестокости англичан в их колониях, упрекая, что они «указывают на спицы в глазах братьев своих, а в своих глазах не замечают бревен», обратила своей силой и справедливостью внимание многих публицистов, и выписки из нее были сделаны в нескольких газетах – увы! – кроме русских!.. Даже последнее печатное слово Е.П.Блаватской, *появившееся уж после смерти ее* в майской книге «Люсифера» за [18]91 год, касалось нашей русской царской семьи. Там на странице 186й она делает следующую заметку под заглавием «True Nobility» («Истинное величие»):

«Погребение мрс Стрётчер[501], англичанки, бывшей няни детей покойного императора Александр II, произвело два-три дня тому назад впечатление на жителей Петербурга. Государь Александр III, герцогиня Эдинбургская и все остальные братья, великие князья российского дома, следовали за гробом этой простой женщины пешком, а государыня императрица ехала в траурной карете.

Это прекрасный урок и пример сердечного внимания, который двор королевы Виктории – бездушный раб формализма и этикета – должен бы принять во внимание и призадуматься над ним глубоко».

Замечательно, что рядом с этими последними словами, вышедшими из-под пера ее, вклеено первое поспешное заявление о кончине самой H.P.Blavatsky, заявление поразительное своей неожиданностью, тем более что кроме заметки этой на той же странице кончается статья («Цивилизация как смерть искусства и красоты» – по поводу безобразия Эйфелевой башни), подписанная ее инициалами: «Н.Р.В.». В той же майской книге «Люсифера» и еще одна замечательная статья ее: «Мои книги». Она высказывает в ней такую строгость к себе и такую скромную непритязательность, что критики ее – *русские* ее критики, по большей части не читавшие даже ее английских писаний, в особенности, – хорошо бы сделали, если б на нее обратили внимание… Этой статьей о своих сочинениях и другой (в нью-йоркском журнале «North American Revue») под заглавием «Recent Progress of Theosophy» («Последние успехи теософии»)[502] Е.П.Блаватская, будто бы предчувствуя смерть, отдала свои последние отчеты миру.

Но возвратимся к хронологическому порядку.

Летом 1889 года Е.П.Б[лаватская] ездила на парижскую выставку[503], где, впрочем, побывала не более двух-трех дней, живя собственно не в Париже, а в Фонтенбло[504]. Одна очень богатая американка, мрс Ида Гаррисон Кэндлер[**], приехала за ней из Бостона и повезла ее сначала во Францию, а потом на остров Джерсей[505], где прожила с нею до самой осени. Это, конечно, чрезвычайно поправило ее здоровье, тем более что миссис Кэндлер окружала ее не только самыми любящими заботами, но и царским великолепием; она всюду имела trains réservés, особые вагоны, а в отеле в Fontainebleau нашла готовым к своим услугам целое роскошное appartement[506] в нижнем этаже, окнами в сад и в нескольких саженях[507] от парка, куда ее каждый день возили и в кресле, и в коляске. Она писала оттуда письма, по которым видно было, что ей не только лучше физически, но что она и духом бодра и весела, как давно не бывала.

«Чудный воздух, пропитанный смолой соснового леса, разогретый на солнце, на котором меня целыми днями пригревают, катая по чудному парку, оживили меня, возвратили силы, каких давно я не чувствовала, – писала она из Фонтенбло. – Представь себе, вчера приехали ко мне несколько человек теософов из Лондона, и мы отправились осмотреть замок. Я собственными *своими неподставными ногами* исходила 45 комнат из 58 парадных покоев дворца!! Более пяти лет столько не ходила!.. Взошла на крыльцо, с которого Наполеон I прощался со своей гвардией; и апартаменты бедной Марии-Антуанетты осмотрела, спальню и подушки, на которых покоилась ее обреченная голова; и всю бальную залу – galerie de François I[508] – и покои «барышень» Gabrielle

---

[*] Об этом подробно рассказано мной в «Русском обозрении», декабрь 1891 г., стр. 604[500].

[**] Эта мрс Ида Кэндлер – молодая красивая женщина, полная жизни.

d'Estrées и Diane de Poitiers и самой Ментенонши видала; и колыбель атласную, молью поеденную petit roi de Pome[509], и чего, чего только не видела. Гобелены, севр[510] и некоторые картины чудо! Из последних-то, впрочем, президент Карно лучшие повыбирал и к себе в Париж увез. Пощупала и стол, на котором великий Наполеон подписал отречение… Что хорошо, так это картины, вышитые шелками для Ментенонши par les demoiselles de St. Cyr[511]… Я ужасно горжусь, что сама исходила весь дворец! Подумай, ведь я после нашего свидания с тобою в Вюрцбурге совсем почти ноги потеряла. А теперь – вот – хожу!.. Но какие деревья в этом doyen des forêt[512]! Я всегда буду помнить этот чудный лес. Гиганты дубы и сосны и все с историческими именами. Тут есть дубы Moliére, Richelieu, Montesquieu, Mazarin, Béranger. Дуб – Henry III, de deux frères Faramonds[513] – громадные семисотлетние два дерева. В лесу я просто жила целые дни: возили меня в колясочке, когда не катали в ландо. И на выставку ехать не хотелось – так здесь хорошо!..»

Через месяц она снова болела и снова занятая по горло писала из Джерсея.

«Jersey – сиречь[514] остров Джерсей. Belgrave Villa[515]. Ну, старый товарищ, уловив минуточку между делом, завалившим меня после застоя моего безделья в Fontainebleau, пишу лежа в постели, хотя, в сущности, здорова: *из предосторожности* доктор уложил, колени опять что-то побаливают!.. Привезла меня сюда моя Mrs Ida Candler[*], американский друг, для морского воздуха. Дача на самом берегу – из-под крыльца желтый песок начинается… С трех сторон весь дом в зелени и цветах потонул. Камелии и розы – что твоя Италия!.. Чудный остров и прекурьезный! Ведь тут у них свое правительство, Англия номинально признается, больше *для куража*. Тут они и свои деньги куют, и свои древние норманнские законы соблюдают. Например, если кто пожелает у себя в саду вора поймать или просто кому затрещину преподнести, то сперва обязан закричать: "Haro! Oh, Rollo mon prince et mon seigneur!"[516], а потом уже волен ловить или бить. А не то, сам попадешь!.. А "Ролло" – первый нормандский принц, отец "Роберта-диавола"[517], великан и герой, который отнял их остров у друидов. Говорят здесь жители старинным французским языком, но очень обижаются, если их назвать французами или англичанами… "Я-де – джерсеец – никто другой!.." Jerseymen'ами – так себя и зовут»…

Здесь кстати привести отрывок из статьи о Е[лене] П[етровне] ее последнего личного секретаря, G.R.S.Mead'а, в июньском «Люсифере» прошлого года под заглавием: «Последние два года».

Вскоре после своего переезда на Лэнсдаун-Род в Лондоне Блаватской пришлось расстаться с своими двумя личными помощниками, Бертрамом Китли и др[м] Арчибальдом Китли: один был ею командирован по делам об[шест]ва в Новую Зеландию и Калифорнию, другой – в Северную Америку читать лекции о теософии. Тогда вся работа пала на третьего помощника их, Mr Mead'а, бывшего учителя в одной из лондонских народных школ, оставившего службу ради служения теософическому делу.

Приехав в Джерсей, она приказала тотчас Миду привезти ей нужные бумаги, корректуры и все, что было необходимо для продолжения занятий. В особенности была она тогда занята переводом, вернее, переложением книги со старого санскритского языка под заглавием: «The Voice of the Silence», «Глас Молчания»[518], собрание изречений, никогда еще не переведенных на европейские языки.

«Каким приветом был я встречен в этом гостеприимном домике, покрытом зеленью, и сколько забот было о моем спокойствии и удобствах! – рассказывает G.R.S.Mead. – Как могли люди обвинять "H.P.B[lavatsky]" в скрытности, в обманах – не постигаю! По-моему, она была слишком доверчива и щедра на полную откровенность. Едва я приехал, она тотчас передала в мое распоряжение все бумаги свои, всю корреспонденцию, и скоро я был завален делом – всеми *мистериями*[519] по изданию "Люсифера", в котором в то время вся работа до мелочей лежала на ней одной, и ответами на десятки писем – дело, которое сама она не терпела… Раз, вскоре после моего приезда, "H.P.B[lavatsky]" неожиданно вошла ко мне с рукописью в руках и, подавая мне ее, сказала: "Ну-ка, прочтите, голубчик, да скажите мне свое мнение!" Это была рукопись третьей

[*] Mrs Ida Garrison Candler умерла в полном цвете красоты и молодости за 3 недели до смерти Е.П.Б[лаватской]. Объявление о кончине ее в Бостоне опять-таки в том же № «Люсифера» за май, где и первое извещение о смерти Е.П.Блаватской.

части ее “Voice of the Silence”; пока я читал, она сидела, покуривая свои сигаретки и выбивая ногою такт по всегдашней привычке. Я читал, забывая ее присутствие, увлеченный высокой красотою темы… Она, наконец, прервала мое увлечение вопросом: “Ну что же?..” Я отвечал ей, что это будет великолепнейшая вещь во всей нашей теософической литературе, и против своего обыкновения постарался, насколько мог, выразить свой искренний восторг… Но она как всегда и тут относилась к своему труду недоверчиво, уверяя, что ей не удается передать всей возвышенной красоты оригинала»[520]…

По возвращении в Лондон началась снова безустанная работа, увеличенная отсутствием двоих опытных помощников ее и недоверием к умению нового секретаря. Несмотря на все его усердие, она входила во все мелочи типографского дела, отымая у себя много драгоценного времени и спокойствия. Свои передовые статьи она обыкновенно писала «последним делом», впопыхах, чтоб не запоздать печатанием.

Утро у них начиналось обыкновенно с чтения писем, которых были массы всех сортов и калибра на всех языках и на все темы. «На многие приходилось совсем не отвечать, на другие отвечать лаконически, на третьи эпиграмматически»[521]; на все это инструкции были решительные, но до того неопределенные и спешные, что секретарю приходилось брать на себя большую ответственность, но она предпочитала рисковать, сама почти никогда не отвечая на сторонние письма… Русские письма от незнакомых личностей часто бросались без ответа столько же по недостатку времени, как и по боязни попасть впросак – вступить в сношения с каким-нибудь «нигилистом»…

«Терпеть не могу эту мразь! Лишаи земли русской!» – писала она мне, бывало, рассказывая, как она настойчиво отделывалась от навязчивости разных гг. Кропоткиных, Степняков и им подобных отверженцев России, являвшихся к ней знакомиться. Как она ни стремилась к русским людям всей душою, но «сомнительных», не говоря уж о заведомых врагах отечества, никогда не принимала.

«Чем она тяготилась особенно – это подписями дипломов и тому подобной механической работой, – рассказывает м[исте]р Мид. – Как тревожны часто были наши утренние занятия! Тревожны и вместе поучительны, потому что в нашем громадном об[щест]ве постоянно разражались кризисы более или менее важные. Сколько приходилось ей разбирать и примирять несогласий! Сколько терпеть и устранять нападений!.. Тут-то узнал я многие характеры и нравы и многие скрытные волнения нашего об[щест]ва и до какой степени все его жизненные силы шли от нее и от нее одной зависели. Много имел я доказательств ее щедрости, ее великодушной доброты! Сколько раз приходилось мне тратить ее кровные деньги на нужды об[щест]ва или в помощь бедному теософисту под обещанием ей глубочайшей тайны, часто зная, что я отдавал последние ее сбережения…

Одно из достовернейших доказательств необычайных психических даров “H.P.B[lavatsky]” был способ и манера, которыми писались ее сочинения, – продолжает Мид. – Ведь я знал все до единой книги в ее небольшой библиотеке, а она изо дня в день передавала мне для литографирования свои рукописи, *переполненные ссылками*, которые очень редко требовали поправки впоследствии по источникам, которых у нее под рукой не было»[522].

XXI

К этому времени принадлежит приобретение очень важное для Т[еософического] об[щест]ва, а именно, переход в их лагерь той преданной и талантливой защитницы теософии и ее многострадальной провозвестницы, которая теперь стала главной проповедницей идей Е.П.Блаватской и так сказать самым деятельным двигателем дела в Англии. Я говорю об мрс Анни Безант. Е[лена] П[етровна] хорошо поняла ее, когда писала мне осенью 1889 года, возвратившись домой в сентябре.

«Война у меня с материалистами и атеистами хуже, чем когда-нибудь! Восстали на меня все либеральные безбожники, все атеисты – друзья Брадлоу – за то, что я будто бы “совратила с пути истинного” их возлюбленную Анни Безант. Правда, что я из этой правой руки Bradlaugh, материалистки ярой, сделала наиярейшую теософку. Она меня называет своей спасительницей… Прочти ее profession foi[523]: брошюру[524], где она объясняет, *почему* сделалась теософисткой убежденной. Эта брошюра – просто повторение одной из ее последних лекций в огромной зале, *Hall of Science*[525], где собралось тысячи две народа, все больше члены об[щест]ва Freethinker’ов[526], между которыми она занимала, после Брадлоу, самое видное место. Ее обращение как громом поразило всю Англию!.. Церковники так обрадовались ее отречению от безверия, что даже позабыли свою ненависть ко мне – не ругают меня и *хвалят* теософию!!! Вот так происшествие!.. Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит!.. Слушаешь и не наслушаешься!.. Демосфен в юбке. Это такое приобретение для нашего об[щест]ва, что я не нарадуюсь. У нас именно не доставало красноречивого оратора. Ты знаешь, я говорить совсем не умею, да и другие знать знают, а рассказать не умеют. А эта – соловей какой-то. И как глубоко умна, как всесторонне развита эта женщина… Она пренесчастная была. Ее жизнь – целый роман… Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне?!»

Едва эта популярная в Лондоне женщина-оратор и писательница, обожаемая всеми бедняками, в особенности рабочим классом женщин и детей пролетариев, которым была исключительно до этого времени посвящена ее жизнь, открыто перешла в Т[еософическое] об[щест]во, гул удивления и недовольства прошел по всей прессе, по всему обществу деятелей и работников мысли в Англии. Она сама, а тем более ее деятельность всем хорошо была известна. Несчастный Ист-Энд[527], особенно рабочий класс женщин, возопил, думая, что она его покидает. Но эта энергическая[528] женщина успокоила их, объяснив, что, напротив, обратившись в члена об[щест]ва, одна из главных целей которого *практическая* филантропия, она сделается им еще лучшей помощницей и слугой. Она мужественно снесла все насмешки и нарекания и сразу стала в ряды самых горячих и ревностных проповедников теософии.

Деятельность ее изумительна. С такой помощницей Е.П.Б[лаватская] могла бы отдохнуть, если б уж дни ее не были сочтены до близкого вечного отдохновения.

В феврале 1890 года она писала из Брайтона[529]:

«Как видите, я в Brighton’е на берегу моря, куда послали меня доктора дышать океанскими испарениями Голфштрема[530], поправляться от полной *prostration nerveuse*[531]. Болей никаких, только сердцебиение, звон в ушах – почти совсем оглохла! И слабость. Слабость такая, что руки не могу поднять… Не приказано ни писать, ни читать, ни даже думать, а целые дни быть на воздухе – сидеть у моря и ждать погоды. Меннель (доктор ее) перепугался и перепугал весь мой штат! Здесь дороговизна, а денег-то у меня – увы! Ну, мои эзотеристы сложились тотчас и умолили меня ехать, а теперь со всех сторон света летят субсидии на мое лечение и даже без подписей, прямо на мое имя; особенно из Америки присылают так щедро, что мне даже, ей Богу, совестно! Положим, я им “нужна”, как они по двадцати раз в день мне повторяют, но зачем же так много тратить? Содержат меня, как идола какого, в роскоши и протестовать не позволяют! По двое-трое теософов чередуются возле меня, из Лондона приезжают и как Церберы движения стерегут… Вот уж который заглядывает со слезной просьбой бросить писать… А надо же вас известить, что жива.

Ты ведь была в Брайтоне? Здесь чудная весенняя погода. Солнце просто итальянское. Воздух богатый, море – как зеркало, а меня целые дни катают по набережной в кресле – *invalid bath chair*[532]… Хорошо! Я, пожалуй, уж и окрепла: мозги меньше *шевелятся*, а то просто за голову

страшно было. Меннель говорит: истощение мозга и нервная прострация: “Заработались, говорит, необходимо отдохнуть!” Вот те на! А работы-то сколько!.. “Вы и то, говорит, хорошо *дописались*. Теперь покатайтесь!” Хорошо ему говорить, а мне еще необходимо третий том “Доктрины” в порядок привести, а четвертый еще почти и не начат. Оно, положим, что я точно от слабости носом клюкаю – все дремлется. Ты, впрочем, не бойся: опасности теперь нет… А зато утешайся прилагаемыми газетными вырезками. Видишь, как народы твою единородную сестру прославляют?.. Мой “Ключ к теософии” (“Key to Theosophy”) много новых прозелитов ей даст, а “Voice of the Silence”, “Глас тишины” или “молчания”, даром, что маленькая книжечка, но положительно делается Библией теософов. Это чудные изречения, в самом деле! Я говорю так потому, что ведь не сочинила же *я* их, а только перевела с телугу – самого древнего индостанского наречия. Это ведь три трактата о морали, о нравственных принципах монгольских и дравидских философов-мистиков. Чудо, какие глубокие и прекрасные есть изречения!.. Здесь они фурор производят, да я думаю и в России обратили бы внимание. Вот переведи, хорошо сделаешь!»

Морской воздух хоть оживил Е[лену] П[етровну] на время, но не на долго восстановил ее силы. С апреля она опять[533] слегла. Желудок ее почти не варил, слабость страшная была, одышка и временами глухота то в одном, то в другом ухе мучили ее медленной пыткой. Она страдала тем сильнее, что мозговая деятельность изощрялась все более по мере истощения физических сил; ей хотелось работать, писать; она сознавала, что надо спешить, что время дорого, а приходилось лежать или сидеть в бездействии: запрещено было даже читать. Всякое движение мысли было вредно, требовалось полное спокойствие.

«Одно утешение, – писала она мне, – что теософы мои ничего – ни трудов, ни времени, ни денег – на меня не жалеют. Прежде я думала, что нужна я им: вообразили, вишь, что я кладезь премудрости и берегут как драгоценность заморскую; а теперь вижу, что нет, что многие меня просто как мать родную любят. Вон Mrs Candler, не особенно глубокая теософистка, а все прошлое лето возилась и теперь уж заранее пишет, спрашивает: куда я хочу ехать на сезон? Опять меня в вате упакованную развозить собирается. Но я никуда не поеду: вас хочу, Вера, тебя и детей твоих. Вот и Чарли с Верой из Индии, кажется, приедут. В Россию им надолго нельзя, а вы люди свободные, вот вместо дачи и приезжайте ко мне все!..»

Письма сестры вновь начали переполняться призывами. И мне, и дочерям моим очень хотелось ехать, тем более что туда действительно возвращалась старшая дочь моя с мужем, которых мы не видали около двух лет. Они ехали тоже больные; будучи не в состоянии перенести тяжелого климата Бенгалии, зять мой бросил индийскую, хоть выгодную, но чаще убийственную службу и думал устроиться в Лондоне. Это заставляло нас еще сильнее туда стремиться.

«Не хотите ли вместо Англии поселиться на лето возле Стокгольма на берегу моря? – спрашивала меня сестра. – Право! Мои шведские теософы усердно меня приглашают приехать; целую виллу в двенадцать комнат один в мое распоряжение отдает с парком и яхтой для катания по заливу… Только мы и в Лондоне теперь отлично проживем. Новая наша квартира, Theosophical Head Quarters[534], в самом Риджентс-Парке[535], возле зоологического сада. Хоть заниматься мне теперь запрещено, но я очень занята перевозкой с одного конца города на другой. Мы на несколько лет наняли три дома отдельных, соединенных садом, на Avenue Road, 19, с правом пристроек. И вот я и строю залу для лекций на 300 человек, в восточном вкусе залу из полированного дерева в кирпичном футляре для тепла и внутри без потолка, а крыша на балках такая же полированная. А наш один теософ-живописец ее всю разрисовывает аллегорическими знаками и картинами. Хорошо будет!..»

В следующем письме своем от 4 июля она уж описывала торжественное открытие их новой «главной квартиры».

«Поставили мне огромное кресло в глубине залы, и я сидела, как на троне; сидела через силу, едва держась, так больна, и Меннель возле меня на случай обморока. Зала прелестная, но набралось 500 человек, чуть не вдвое больше, чем можно… И представь мое торжество: в первом ряду Mrs Benson – жена Archbishop’a Кантербюрийского[536], того самого примаса Англии, которому мой “Lucifer” написал свое “братское послание”, – помнишь?.. Вот до чего дожили!.. Спичи говорили Синнет и другие, но, разумеется, никто не говорил так, как Анни Безант. Господи! Как эта женщина говорит! Вот услышишь, даст Бог… Она теперь моя соиздательница

“Люсифера” и президент моей «Blavatsky Lodge». А Синнет остался президентом собственно лондонской ветви. Я же теперь, что твой теософический папа: единодушно выбрана президентом всех европейских теософических обществ. А на что мне это?.. Если б здоровья немножко – тогда бы дело, а почести да звания мне не с руки!»

XXII

В конце июля 1890 года я с двумя меньшими дочерьми приехала в Лондон и прожила шесть недель. Это было последнее наше свидание: когда я в начале мая следующего года опять приехала – я уж ее в живых не застала.

Мы нашли ее в новом, действительно прекрасном помещении, какого у нее прежде никогда не бывало, но, к несчастию, во всем доме еще шли последние работы, обивки, наклейки, проведение электрических звонков, а потому сквозняки так и ходили по всем коридорам и лестницам, что, без сомнения, действовало на здоровье всех живших в нем. Надо сказать, что англичане так привычны к своим сквозным коридорам, окнам на шалнерах с щелями в полвершка[537] и прямым трубам в каминах без вьюшек, что для них сквозняки, гуляющие по домам, вздымающие занавески парусом и задувающие огонь, вещь нормальная и даже весьма желанная: они уверяют, что благодетельные *drafts* (тяги) очищают воздух. У них многие даже зимой спят с открытыми окнами и благо им! Но не благо тем, которые привыкли к благоустроенным печам, двойным окнам и вентиляторам под потолками для очистки воздуха вместо разверстых со всех сторон окошек: мы с маху все перепростудились. Конечно, комнаты Елены Петровны были ограждены от завываний сквозняков насколько было возможно, но, тем не менее, она беспрестанно на них жаловалась, особенно когда выходила в гостиную или в коридор – что было неизбежно, а тем более в пристроенную залу, Lecture Hall[538], где кроме дверей из гостиной еще были два хода прямо в сад, один против другого…

Она мне показалась очень оригинальной и эффектной эта длинная зала с потолком конусом, разрисованная и украшенная в индийском вкусе, освещаемая матовыми окнами с зеркалом во всю стену в глубине ее, где на возвышении стояли кресла для Е[лены] П[етровны] и ее ближайшей помощницы мрс Безант, председательницы того отдела Лондонского Теос[офического] об[щест[ва], которое называется[539] «Blavatsky Lodge». Но потом я положительно боялась ее. Боялась ее жара, когда она по вечерам митингов переполнялась до духоты, и боялась сырости и ветра, заносимых из сада во время трапез теософической братии, первое время, пока еще не было готово помещение в третьем здании ее общины, где они обедают теперь. Как же было возможно такой больной женщине, как Е[лена] П[етровна], не простужаться беспрестанно при таких условиях?

Собственно помещение моей сестры состояло из очень большой комнаты в два света, разделенной на спальню и кабинет, где она, окруженная книгами, портретами и всякими существенными воспоминаниями, вывезенными из разных частей света, целыми днями писала, сидя в большом, высоком кресле у стола, заваленного рукописями. Из кабинета ее две двери выходили в коридор к гостиной и – напротив – в рабочую комнату ее секретарей. Обе двери, обитые плюшем, были увешаны портретами, как и все стены, до потолка, уставленные кроме того этажерками, бронзовой индийской посудой, статуэтками и всевозможными диковинками. Наши портреты, всех родных ее, окружали альков в ее спальне…

– Люблю засыпать, глядя на ваши лица! Вы все меня окружаете, чтоб, засыпая и просыпаясь, я вас имела перед глазами, – много раз говаривала она мне.

Из соседней рабочей комнаты ее ближайших помощников открывалась маленькая дверь в «тайную комнату» (the Occult Chamber), действительно таинственное, с виду по крайней мере, убежище. Круглая комната, верней, павильон, герметически закрытый, [со] стенами без окон и стеклянной светло-голубой крышей, прозрачным куполом, который проливает небесный свет на стены и большие зеркала, расположение которых как-то особенно каббалистически комбинировано. Здесь, кажется, должны были поставить большой портрет Махатмы Мории, «Учителя» Е[лены] П[етровны][*], перед изображением которого в ее собственном кабинете никогда не переводятся чудные цветы, доставляемые ежедневно его многочисленными почитателями. Я, собственно, в «оккультическую комнату», предназначавшуюся для «медитаций и психических опытов эзотеристов», как говорила мне сестра, не входила, «она доступна лишь

[*] Чудеснейшие портреты в натуральную величину обоих покровителей Т[еософического] об[щест]ва, Радж-йогов, величественных красавцев Мории и Кут Хуми (корреспондента и наставника Синнета), находятся в Эльберфельде у Гебгардов в их «оккультической комнате».

посвященным»… Она мне показывала ее с порога. Да, впрочем, тогда она еще (как и многое в доме 19 [на] Эвенью-Род[540]) не была совсем готова.

Мы с сестрой редко присутствовали за общим вегетарианским столом; у нее была своя маленькая столовая, через коридор, рядом с гостиной, и там мы обедали, завтракали и пили чай с нею, когда она могла урваться от занятий, а не то и одни – я и мои дочери, если не уходили к своей сестре. Замужняя дочь моя жила вблизи и тоже приходила каждый день. Вечера, когда не бывало митингов, мы почти всегда проводили с сестрой в ее комнате, если она себя чувствовала нехорошо, а не то в гостиной, куда являлся и весь штат живших в «главной квартире» теософов, и посетители, никогда не оставлявшие Е[лену] П[етровну] в покое, несмотря на то, что она теперь еще более ими тяготилась, особенно новыми знакомствами, людьми не причастными к делу, а являвшимися *«поглазеть, чтобы потом наврать, да пожалуй и обругать»*, как определяла их цели Е[лена] П[етровна]. Она обыкновенно, никем и ничем не стесняясь, машинально раскладывала свои бесконечно разнообразные «пасьянсы» – единственное развлечение ее от умственных занятий. Раскладывая карты и часто прерывая себя на всех языках сердитыми возгласами по поводу их несвоевременного выхода, сестра моя невозбранно разговаривала с окружавшими ее лицами, но больше всего любила со мной поминать старину или расспрашивать дочерей моих о подробностях их жизни, а не то заставлять их петь простые русские песни, давно неслыханные и дорогие по воспоминаниям. Это было ее лучшим, величайшим удовольствием в последнее мое пребывание у нее. Несмотря на частые, очень болезненные припадки многих ее недугов и на постоянное теперь нездоровье, она бывала и весела, и остроумна по-прежнему.

В это последнее наше посещение я сама увидала, до чего разрастается об[щест]во и каких требует оно неустанных трудов. Одни занятия Е[лены] П[етровны] с членами ее Эзотерической секции сколько отымали времени. С присутствующими она занималась, положим, раз в неделю, но ведь потом для отсутствующих ее лекции должны были быть стенографированы, потом скопированы на ремингтоновской машине[541] в числе 400 экземпляров для рассылки иногородним, потому что печатать то̀, что она сообщала этому избранному меньшинству, она не могла позволить. Эти копии она сама должна была просматривать и поправлять, а секретари ее вновь литографировать.

Это была значительная прибавка к повседневной общей, всегда кипучей работе. Если уменьшилось собственным желанием ее число любопытствующих, сторонних посетителей, зато число преданных делу лиц, серьезных последователей учения и неофитов, желавших изучать его, прибавилось раз в десять более прежнего. Залы для лекций, выстроенной на 300 слушателей, по четвергам положительно не хватало. Многие говорили прекрасно, но лучше всех, действительно, оратор прирожденный – Анни Безант. А ведь с виду смиренная, неказистая маленькая женщина; от прежней миловидности остались одни красивые глаза, но когда заговорит – в непринужденных речах такая сила убеждения, такая энергия, ясность и красота слога, что за душу хватает. Послушав ее речи и читая ее статьи, я вполне согласилась с сестрой, что такая прозелитка – приобретение капитальное.

Я должна сознаться, что в первое время знакомства невзлюбила ее и прямо выражала сестре свои опасения. Отчасти меня ввели в заблуждение мягкость ее обращения, вкрадчивость вечно приветливой улыбки, но более всего пугало ее вечное общение с либералами и социалистами, с «народными лидерами», друзьями ее многолетнего сотоварища по общественной деятельности Брадлоу. Но потом я поняла, что последнее неизбежно и – в Англии – понятно, а первое – следствие воспитания – черта общая очень многим англичанкам. Когда я ближе узнала мрс Безант по ее сочинениям и действиям, то убедилась, что она не только умная, но и высоко честная женщина. В ней и в благородной, честной труженице графине Вахтмейстер, по-моему, ныне оплот всего дела в Англии.

В начале августа произошло торжественное открытие клуба (собственно, приюта) для несчастных фабричных работниц Ист-Энда. Какой-то богатый теософ вручил Е.П.Б[лаватской] 1000 ф[унтов] ст[ерлингов] (около 10000 р[ублей]) на какое угодно благотворительное дело. Она поручила своим помощникам нанять на долгий срок дом в беднейшей части Лондона и устроить «клуб для работниц». Я поехала с сестрой охотно на его открытие[542], тем более что никогда еще не бывала в East End'е – этом притоне нищеты и преступлений.

«Наш клуб основан на одном человеколюбии, без всяких тенденций, – говорила она мне по дороге туда, – мы не спрашиваем этих бедных женщин, кто они и во что верят, а только будем требовать добропорядочного поведения – не в прошлом! Какое нам дело до их совести в прошлом? Пусть только ведут себя честно и смирно, вступив сюда, и найдут здесь участие и помощь. Все наши дамы согласились здесь по очереди бывать каждый день… Здесь будут у них и швейные машины, и книги, и письменные принадлежности, и даже фортепиано пожертвовала одна из наших членов. Здесь будут жить сорок беднейших девушек, а 300 могут всегда иметь здоровую пищу за такую цену, на которую им и сухой корки хлеба не дадут в другом месте… Кроме того это будет им верное пристанище по праздникам от грязных развлечений улицы, известно куда ведущих»…

Дом оказался просторный, светлый, чистый и такой благоустроенный, что, наверное, ни одной из бедных работниц, изможденных трудом и нуждой, и не снилось такого приюта. На другой день многие газеты прославили благотворительность Е.П.Блаватской; в приложении к «Pall-Mall» и в двух других журналах появились рисунки, изображавшие общую залу в вечер открытия и внешний вид клуба с вывеской «Theosophical Working Women's Club»[543].

Но сама Е[лена] П[етровна] осталась не совсем довольна этим вечером. Она строго изгоняла из своего об[щест]ва всякие проявления политических, социалистических, а тем более *красных* оттенков, а тут вдруг один из сподвижников прежней деятельности мрс Безант, тоже принявший членство Т[еософического] об[щест]ва, но не оставивший своего лидерства в уличных демонстрациях, вздумал вывесить в окнах и на дверях открываемого клуба прокламационные афиши с указанием времени, места сборищ и торжественного шествия в Гайд-Парке ближайшей народной сходки.

Блаватская тотчас приказала сорвать эти афиши и ужасно взволновалась этой выходкой, за которую крепко досталось всем ее помощникам, в особенности виновнику ее, который едва не поплатился исключением из об[щест]ва.

XXIII

Неоспоримо Е.П.Б[лаватская] была больней и слабей, чем когда-либо прежде; она теперь никогда[544] не выходила в гостиную, даже в свои приемные дни: к ней в кабинет по очереди впускали тех, кого она изъявляла желание видеть. Только я и дочери мои имели право невозбранного входа к ней, но, разумеется, мы сами им не всегда пользовались, так как часы ее распорядительных бесед с ее прямыми помощниками, равно как и эзотерических уроков, нам были известны и мы тогда их не беспокоили. На четверговые митинги в залу лекций она считала себя обязанной выходить и выходила через силу, совсем больная. Садилась в свое кресло, слушала речи, направляла прения, но сама почти не говорила – разве дело требовало ее вмешательства. Тогда она властным словом устраняла недоразумения, прекращала несогласия и давала речам должное направление, ибо слово ее, особенно в научных вопросах, имело значение безусловного авторитета. По окончании дебатов и спичей каждый был волен подходить к ней и просить объяснений, и, признаюсь, для меня уверенность ее, ясность объяснений в самых отвлеченных и сложных вопросах составляли всегда предмет изумления и гордости… И не одна я удивлялась ей.

Помню много ее бесед со специалистами по разным отделам не только отвлеченных, но и прикладных знаний, из которых она выходила победительницей, заставляя господ ученых с собою соглашаться и даже поучая их. Она требовала, чтоб мы непременно присутствовали на митингах, усаживая дочерей моих возле себя, не отпуская[545], несмотря на протесты их, что им здесь нечего делать… Сама она нисколько не стеснялась на этих ученых собраниях. Среди сотен посторонних лиц она держала себя также свободно, как у себя в комнате; правда, она здесь не раскладывала своих вечных пасьянсов, как у себя в гостиной, но зато свертывала свои вечные «сигаретки» и курила без церемонии, приучив чопорных лондонцев к этому (у них) полному беззаконию, без которого она жить не могла, до того, что они все, наконец, стали смотреть на дым папиросы как на ее неотъемлемый атрибут.

Получить из рук Е.П.Б[лаватской] папироску, ею скрученную, с приглашением покурить считалось великим счастием и честью в среде ее посетителей. Но в зале митингов, разумеется, она единая пользовалась этой привилегией, равно как и правом прерывать серьезные прения каким-нибудь неожиданным оригинально-юмористическим замечанием, которое вдруг заставляло осклабляться сотни сосредоточенных лиц и на минуту наполняло залу веселым гомоном.

Памятны мне наши последние с сестрой прогулки в ландо по красивым окрестностям Лондона, а в более близкие места, в парк, зоологический сад или в гости к моей дочери, ее возили в ручной коляске, подаренной ей одним из друзей ее.

За несколько дней до отъезда у нас с ней был памятный разговор. Говорили мы по поводу ее статьи в «North American Review»* под заглавием «Recent Progress in Theosophy». Она справедливо указывала на свою странную судьбу – стоять между двух одинаково враждебных огней материалистов и спиритов, безверных скептиков и клерикалов, держащихся одной буквы. «Кого материалисты больше, чем меня, упрекают в распространении суеверий? Что чаще смешивают со спиритизмом, как не теософское учение? Кого, несмотря на многие и многие мои протесты, упорней продолжают обзывать *медиумом,* тогда как я презираю это пассивное отдание себя на волю всяких элементарных сил, и целые трактаты исписала, предупреждая спиритов, как вредно, как безжалостно пользоваться силами безответных, болезненных медиумов. За это самое противодействие им, с другой стороны, меня преследуют спириты.. Особенно в России… Вон А.Н.А[ксако]в, какой был приятель! Какая у нас с ним была дружеская переписка. А после – рассердился! Не могла же я говорить против убеждения, когда уверена, что далеко *не все* в учении спиритов истина и благо, а в занятиях им, в спиритических сеансах, гораздо более дурного, лживого и вредного, чем хорошего… Уж если он, человек умный и просвещенный, не хочет понять наших стремлений к свету, к правде, что же ждать от вашей русской газетной да журнальной братии?.. Уж эти лидеры общественного мнения en gros[546], воображаю, как меня то в ведьмы, то в обманные шарлатанки определяют!.. Ведь отчет Психического об[щества] переведен никак на все языки европейские, а моих оправданий и показаний моих защитников никто не

* Август 1890 г.

переведет!.. А английский язык – кто у нас в России знает? Да кто и знает, о Теософическом об[щест]ве читать не станет!»

Я не могла не согласиться с ней, что она права.

Она очень была огорчена тем, что[547] одна большая петербургская газета никогда не хотела поместить ее возражений на несправедливые показания ее корреспондентов о ней и Т[еософическом] об[щест]ве[548]. Не обратила даже внимания на посланный ей коллективный протест за подписью многих лиц, близко стоящих к делу[549]… «Если б был жив Катков, он бы этого никогда не сделал!.. Он дал бы мне возможность опровергнуть хоть явные выдумки и лжи! – несколько раз повторяла она. – А теперь я и рукой махнула на Россию… Бог с ней!.. Любить ее не перестану до последнего вздоха, а что в ней обо мне говорят – да простится ее неведению!»

Вот доподлинные слова Е[лены] П[етровны]. Как часто мне теперь, по смерти ее, приходится их вспоминать, чтоб христиански прощать взводимые на нее лжи и нелепые басни.

В начале сентября я простилась с сестрой – на сей раз действительно *навеки* простилась. Несмотря на слабость, на боль в ногах, она вышла провожать нас на крыльцо и к калитке палисадника. Я, не стесняясь, ее перекрестила на прощание, и последний взгляд мой на нее упал, когда она уж не думала, что я ее вижу, а плакала, возвращаясь в дом, опершись на руку миссис Безант.

В несколько последних месяцев жизни Е[лена] П[етровна] мне писала редко и мало, более чем когда-нибудь отвлекаемая недугами и занятиями. Но я не беспокоилась, привыкнув к ее постоянным страданиям и зная все подробности о ней из аккуратных писем моей дочери[550]. Едва наступила зима, я ей, по обыкновению, послала транспорт икры и ржаного хлеба, которых нет в Лондоне, а она их любила более всякой другой пищи; последние дни она положительно питалась одной икрой и пшенной кашей. Крупу ей тоже постоянно доставляла из Одессы Н.А.Фадеева, которая даже во время пребывания сестры в Индии умудрялась ей доставлять всероссийские кулинарные продукты. Но тогда это было баловство, а теперь составляло необходимость, так как ее несчастный желудок положительно не переваривал ничего, кроме ржаных сухарей да молочной каши.

А все же занятий она не оставляла. В последние дни своей жизни она написала еще руководство к изучению теософии, ее терминов, под заглавием «Glossary», привела в порядок материал для третьего тома «Тайной Доктрины», а готовых к печати[551] отдельных статей оставила такую массу, что вот скоро год, как она умерла, а в ее журнале «Lucifer» все еще печатаются ее инициалы – «Н.Р.В.».

Первые успехи пропаганды Е.П.Б[лаватской] начались в Северной Америке; она же доставила ей и последние[552] лавры – последнее довольство, испытанное ею в жизни. Она была уже больна своей предсмертной болезнью, когда из Бостона два дня кряду, 26 и 27 апреля (н[ового] ст[иля]), были получены[553] от съезда Американской секции Т[еософического] об[щест]ва телеграммы самого лестного содержания. Я извлекаю это из официальных печатных источников.

Первые митинги состоялись в воскресенье, 26 апр[еля], в Бостоне; от 10 ч[асов] утра до часу, от 3[х] час[ов] по полудни до шести и от 8 до 11 вечера были три заседания, трактовавшие почти о том же, потому что сверх чаяния членов об[щест]ва съехалась такая масса, что зала на триста душ не могла вместить всех желавших присутствовать. Все коридоры были переполнены, а публика все еще подходила, так что распорядителям пришлось заявить о троекратном в тот день собрании. Главный интерес состоял в письме Е.П.Блаватской, присланном ею с делегатами «Blavatsky Lodge» – мрс Анни Безант и доктором Арчибальдом Китли. Письмо это было прочитано в тот день три раза.

Прежде всего[554] были выслушаны отчеты президентов всех 52[х] ветвей* Т[еософического] о[бщества] в Америке; обсуждены предложения главного представителя его в Соединенных Шататах W.Q.Judge'a, «неустанной энергии и выносливой преданности делу которого» с самого основания его местное об[щест]во обязано своим процветанием. Им было предложено сформирование на более систематично организованных началах тех методов практической помощи нуждающейся в хлебе и просвещении братии, которых придерживались члены

* Теперь их более 70.

Т[еософического] об[щест]ва в одиночку и насколько кто горазд… М[исте]р Джёдж находил, что недостаточно временных, беспорядочных вспомоществований на школы, библиотеки, теософическую прессу, что «теософисты должны действовать как истинные последователи учения – друзья человечества», что необходимо организовать ассоциацию на прочных основаниях… После всего этого было прочитано письмо Е[лены] П[етровны], а по выслушивании его среди горячих изъявлений удовольствия, преданности делу и его основательнице послана была ей следующая телеграмма:

«Так как собравшаяся на сессию конвенция Американской секции Т[еософического] об[щест]ва глубоко ценит личные жертвы, непрестанный героизм и великое значение трудов Е.П.Блаватской, без коей не существовало бы об[щест]во, – ибо лишь ее трудами и знаниями догмы Религии Разума (Wisdom Religion) открыты миру в такой мере, в какой не бывали ведомы ему в продолжение веков, – то вследствие всего этого решено немедленно телеграфировать ей, г[оспо]же Блаватской, единодушный привет и сочувствие конвенции, горячую симпатию и оценку ее трудов и полное доверие к ней, ее миссии и ее учению»[555].

Вот сущность письма Е[лены] П[етровны], прочитанного ее представительницей[556] миссис Анни Безант[557]:

«Бостонской конвенции Т[еософического] об[щества], 1891.

В третий раз уже по возвращении моем в Европу в 1885 [году] я имею возможность послать моим братиям по теософии и согражданам Соединенным Штатов на ежегодный съезд их делегата из Англии для передачи им привета и моих горячих пожеланий. Страдая непрестанно телом, я имею единое утешение в преуспеянии священной задачи, которой я отдала жизнь свою и силы. Ныне силы мои и самая жизнь уходят, и ничего не могу я вам предложить, кроме страстной преданности делу и вовеки неослабных пожеланий ему благополучия и успехов.

Поэтому известия, доставляемые мне с каждой почтой из Америки о возникновении новых ветвей, об устойчивой и безустанной работе на преуспеяние теософии, радуют меня более, чем в силах я высказать словами.

Товарищи теософисты! Я горжусь вашей благородной деятельностью в Новом Свете! Братья и сестры мои в Америке, я благодарю вас и благословляю за ваши неустанные труды на пользу общего дела, столь дорогого нам всем!..

Позвольте мне напомнить вам, что дружная работа ныне нужнее, чем когда-либо. Период цикла, который закончится между 1897 и [18]98 годом, – период великих столкновений и постоянных тревог. Если Т[еософическое] о[бщество] продержится этот недолгий срок – хорошо! Если же нет, то хотя “теософия” не может погибнуть, но бесславно погибнет корпорация ее представителей и пострадает человечество!.. Я горячо надеюсь, что в настоящем теле своем не увижу этого крушения. Трудности и опасности настоящего положения равно известны *силам* (?), противоборствующим нам, как и нам споспешествующим: семена раздора будут рассеваемы щедро и не будут потеряны случаи к внушению сомнений, подозрений, недоверия, ошибок, к созданию всяческих трудностей – лишь бы разъединить наше братство, рассеять и уменьшить его в количестве и силе. Никогда не было необходимей членам об[щест]ва помнить старое сказание о вязанке хвороста: разделенные они неизбежно будут сломаны, но нет той силы, которая сломала бы наше братство, если оно пребудет в дружеском союзе».

Тут Е.П.Б[лаватская] вдается в подробности *отвлеченного* учения, в личные отношения членов к целому, ветвей об[щест]ва друг к другу и в пр[очие] трудности теософического дела и так кончает свое послание:

«Теперь все сказала! Я недостаточно сильна, чтоб написать вам более, да и нет в том нужды: мой друг и правая моя рука в Англии – Анни Безант вам все расскажет…

Поистине все мои стремления и помыслы сосредотачиваются в едином неусыпном, сердечном желании моем: *“Будьте теософистами! Трудитесь для теософии!..”* В начале и в конце – теософия! Ибо ее практическое выполнение одно в силах спасти западный мир от влияния

эгоистических и враждебных чувств, разъединяющих нации и общества; от враждований и социальной розни, составляющих великий грех, и стыд, и несчастие народов, всуе называющих себя христианами. Одна теософия может спасти их от окончательного погрязания в материализме и порождениях его – роскоши и разврате, в которых и они стремятся погибнуть, как погибли в них уже столько цивилизаций!.. В ваших руках, братия, завет благополучия грядущего столетия: ответственность ваша столь велика, как и доверенное вам дело.

Оставшийся срок моей жизни недолог. Прошу вас, если вы признаете, что чему-либо у меня научились, что [с] моей помощью добыли хоть искру истинного света – в свою очередь подкрепите дело, торжеством коего этот истинный свет разгорится сильнее. Отдельными усилиями каждого из вас, слитыми воедино, может осветиться мир. Дайте мне видеть до разлуки с моим изможденным телом окончательное упрочение нашего общества.

Да пребудут на вас благословения Великих Учителей прошлых и настоящих времен. От меня же примите все уверения в моих истинных, непоколебимых братских чувствах, а также искренней, сердечной благодарности за труды всех тружеников на общее дело.

До скончания слуга ваша Е.П.Блаватская»[558].

По окончании этого и еще отдельного благодарственного письма ее президенту W.Q.Judge'у Анни Безант говорила о заслугах, сочинениях и личности основательницы их общества с такими знанием, любовью и интересом, что симпатии слушателей ее возгорелись еще сильнее и тут же единодушно было решено послать еще одну дополнительную телеграмму, в которой еще восторженней высказывались чувства уважения и признательности к Блаватской и готовность принять, хранить в сердцах и неуклонно прилагать к делу ее указания и заветы[559].

Все это нам, русским людям, кажется странным, преувеличенным, пожалуй, непонятным и даже предосудительным в некоторых отношениях… Пусть так! Но возможно ли не дивиться личности русской женщины, сумевшей не только в Индии, где созданное ею братство принесло действительное благо в смягчении кастовых предрассудков и в распространении забытых философий местных ученых, но в практичных Америке и Англии создать себе таких восторженных ценителей и поклонников?.. Не смешны ли до жалости мелочные придирки к личности Е.П.Б[лаватской] людей, совершенно незнакомых с ее истинной, практической деятельностью, а судящих о ней по *старым отчетам* (давно печатно осмеянным во Франции, Англии, Индии и Америке) *враждебного ей* **единичного** *представителя* Лондонского психического об[шест]ва[560]. В особенности должны бы осторожней относиться *к такой* соотечественнице редакции русских журналов, никогда не читавшие ее капитальных произведений и расславляющие ее обманщицей и шарлатанкой *«по доверенности»* ее давно ославленных врагов.

XXIV

Ранней весной вся братия в теософической квартире переболела инфлюэнцей[561]. Уж очень была сурова в Англии зима [18]90–[18]91 года; на всех более или менее сказывались последствия холода и простуд. 11 (23) апреля, в четверг, Е.П.Блаватская в последний раз была в зале лекций, присутствуя при четверговом митинге, а по окончании его еще посидела с ближайшими членами об[шест]ва в гостиной, и двое-трое из живших с нею последовали за ней в ее комнату пока она[562] пила свою чашку чая пополам с молоком. В субботу она чувствовала себя хорошо; долго, до одиннадцати часов вечера, весело беседовала со своими сожителями и простилась, отпустив их от себя общим поклоном со словами: «Покойной ночи всем!»

То были последние слышанные ими спокойно-веселые слова ее. Рано утром горничная, войдя в ее спальню, застала ее в сильно лихорадочном состоянии, и доктор Меннель (очень искусный врач, постоянно лечивший сестру), за которым сейчас послали, объявил, что у нее тоже инфлюэнца, и ввиду ее хронических постоянных страданий сразу отнесся к болезни очень серьезно. Два-три дня температура была очень высока, но к четвергу удалось ее сбавить. Все эти дни Е[лена] П[етровна], хотя не выходила из спальни, но иногда садилась в свое большое кресло, поставленное к кровати ее, и даже интересовалась всем, расспрашивая о делах, о состоянии больных. Некто Стёрди, деятельный член общества, заболел опасно. Зная, что за ним некому присмотреть, она тотчас распорядилась – послала за ним экипаж, чтоб его привезли в их общежитие, и когда секретарь ее, Мид, привез его, она расспрашивала, жалея больного и прося всех за ним присмотреть. Но, к несчастию, никого не было возле нее, на кого можно было бы всецело положиться. Несмотря на предупреждения д[окто]ра Меннеля, возле сестры моей не было никого из старших дам, ее окружавших: все по-прежнему занимались делами, когда следовало оставить все занятия, оберегая ее одну. Правда, мрс Безант не было: она была на съезде в Америке; на графине Вахтмейстер лежало все дело – она как всегда проводила целые дни за десять верст в конторе [в] Сити, вероятно успокоенная улучшением состояния Е[лены] П[етровны]. Правда и то, что, как я уж говорила, все жившие в общине или болели, или выздоравливали сами от болезней, но следовало сразу взять опытную сиделку… Факт тот, что едва спал жар инфлюэнцы и Е[лена] П[етровна] начала поправляться, как кто-то неосторожно бросил двери незапертыми, поднялся сквозняк; больная, боясь двинуться с места, звала, звонила, но пока ее услышали и прибежали – простуда сделала свое дело! К вечеру у нее захватило горло, открылся бронхит, нарывы в горле, жар вернулся и все пошло к худшему.

Тогда, наконец, призвали сиделку, к несчастью, поздно. Елена Петровна до того ослабела, что сама заявляла доктору, что вряд ли хватит у нее сил бороться долее, что она вероятно умирает.

В прежних болезнях мысль о смерти ей не приходила никогда.

Бывшие возле нее, тем не менее, свидетельствуют, что она мужественно боролась с недугом. В среду 24 апр[еля][563] даже пыталась одеться. Она встала на следующий день в три часа дня и перешла в другое отделение комнаты, где села к своему столу и попробовала разложить пасьянс, однако слабость ее была такова, что руки не держали карт и ее постоянно должны были обвевать легонько веерами, потому что ей было трудно дышать. Горло не болело и жара совсем не было, но ее убивала слабость, совершенное истощение сил. Когда в пять часов приехал доктор, постоянно ее навещавший утром и вечером, он обрадовался и поздравил ее, говоря, что сила ее собственной воли важнее его лекарств. С трудом удалось ей, как всегда, свернуть ему сигаретку – это была ее последняя услуга… Сама она уж несколько дней не курила. Доктор Меннель привез с собою другого консультанта, и оба решили, что опасность *от болезни* миновала, но что общее состояние внушает опасения вследствие истощения сил…

Перейдя в тот вечер на постель, Елена Петровна страшно ослабела, несмотря на коньяк, который ей давали чрез каждые два часа по ложке. Однако она с участием выслушала доклад о состоянии других больных, интересуясь также, как идет обычный в этот день митинг. Но оказалось, что она не могла лежать, задыхаясь от одышки, и только к утру, сидя вся обложенная подушками в кресле, успокоилась немного.

В девять часов в пятницу 26 апр[еля] (8 мая) доктор нашел пульс гораздо лучше и успокоил всех. Но к полудню быстрая перемена к худшему опровергла его решение: всем стало ясно, что наступил решительный час… Передаю слово очевидцу.

«Сиделка утверждала, что все окончится через несколько часов, но когда я* склонилась к ней, пробуя освежить ее запекшиеся губы, я увидала, что дорогие нам глаза уже затуманились, хотя она была в полной памяти до последней секунды… Когда сиделка вышла, увидав, что все кончится сейчас же, я обняла умиравшую, придерживая ее склонившуюся голову. Райт и Ольд** опустились на колена у кресла, каждый держа ее руку, и так мы благоговейно замерли и недвижимо, безмолвно следили за отходом обожаемого нами друга и наставницы долгие, долгие минуты. Так тихо и мирно ушла она, что никто из нас не уловил ее последнего вздоха. Великое чувство мира и покоя снизошло на нас… Не умею сказать, сколько времени мы стояли неподвижно. Я опомнилась и увидала себя тоже на коленях, только когда взошла моя сестра, а потом графиня и доктор»[564]…

Через три дня рано утром в блестящий майский день гроб, где покоилось все убранное цветами тело Елены Петровны Блаватской, без всякого торжества или траурных шествий шесть человек преданных ей друзей и последователей учения ее вынесли из дома и поставили на колесницу, которая довезла его только до станции Ватерлоо. Там встретили его многие члены об[щества], но помня непременное ее желание, чтоб не было никаких демонстраций на ее погребении, желавшие присутствовать на кремации тела сговорились приехать в Уокинг (Woking), где находится крематориум[565], разными способами и путями.

Над гробом у дверей пекла, которое должно было превратить в прах земные останки основательницы и вдохновительницы теософического братства, ее ближайший помощник в последние два года по письменным делам и вместе Генеральный секретарь Европейской секции T[heosophical] S[ociety] Мид сказал надгробное слово, из которого я приведу отрывки:

«Друзья и братья теософисты!

Елена Петровна Блаватская умерла. Но друг наш и учитель “Н.Р.В.” жива навеки в сердцах наших и памяти. Эта мысль должна нас утешать в неизбежной скорби о том, что личности ее с нами более нет. Нет ее во плоти, но великая и благородная душа, учившая нас жить честно, чисто и самоотверженно жива и деятельна!.. Ее великое дело в последнем ее воплощении будет продолжать жить, охраняемое и направляемое великими наставниками и учителями, которых она была посланником. *Она сама вновь будет скоро между нами продолжать свое дело****…

Многим из нас покойная заменяла обожаемую мать, мы чтили и любили ее личность, но мы не должны забывать ее уроков: тело есть лишь внешняя одежда истинной индивидуальности. Не *это* настоящая “Н.Р.В.” лежит пред нами.

Она – та, которая вдохновляла стольких людей во всех концах земного шара благородным сочувствием к страждущему человечеству, подвизала нас к стремлению к высшим идеалам чистоты жизни и человеческого прогресса, – не может в помышлениях теософиста сливаться с ее физическим воплощением, служившим ей для *одной* краткой инкарнации.

Товарищи теософисты! Всем нам известна единая цель жизни нашего славного учителя: познакомить человечество с великими истинами теософии. Обязанность наша ясна… Руководствуясь ее примером, мы должны продолжать дело, если не с такой, как она силой и властью, – что пока еще нам невозможно, – то, по крайности, с самоотвержением и преданностью, способными доказать нашу благодарность и оценку великого дела, завещанного ею своим последователям. К счастию, Елена Петровна Блаватская оставила его вполне и прочно организованным…

Мы верим твердо, что, если б она могла восстать теперь пред нами, она снова повторила бы свой завет – не нам одним здесь предстоящим, но всем – без различия рас, верований и происхождений: *“Чистая жизнь, открытый ум, честное сердце, ревность к познаниям, ясность духовного зрения, братская любовь к ближним, готовность учить и научаться, мужественное*

---

* Мисс Лора Купер, родная сестра мрс Купер-Оклей, сопутствовавшей Е.П.Б[лаватской] в Адиаре.

** За отсутствием Китли и болезнью Мида ближайшие ей люди.

*** Ниже будет объяснение этой странной надежды многих теософов, верующих различным степеням реинкарнации.

терпение в личных несправедливостях, смелое заявление своих правил, отважная защита неправедно гонимых, постоянное радение об идеале человеческого прогресса и совершенствования – идеале, на который указывают высшие священные науки, – вот золотые ступени, по которым желающий знать может достигнуть Храма Божественной Мудрости”»[566].

«Последовало непродолжительное молчание, – продолжают рассказывать очевидцы[*], – и гроб, в коем покоилось тело величайшей теософистки, медленно скрылся в разверстых дверях крематориума, а два часа спустя прах ее возвратился в главную квартиру и благоговейно был поставлен в ее же комнатах»[567].

Выше было мной указано на не совсем понятное [утверждение] для незнакомых с теориями некоторых теософистов, взятое ими на веру у буддистов. А именно, что помимо обязательных для всех реинкарнаций – обычным путем рождения в мир чрез более или менее продолжительные сроки для *некоторых избранных*, «коих карма такова, что подъяла их превыше автоматических законов природы», говорят они, – *существуют еще два рода воплощений непосредственных*. Эти воплощения «непосредственные» означают *немедленное* переселение трех высших принципов бытия человеческого – *Манаса, Бодди* и *Атмы*[**] в самый момент их отделения от изнуренного жизнью тела адепта (не простого человека, а именно *адепта* или *челы* – ученика Махатм, уже достигшего высоких знаний) прямо в рождающегося в данный момент младенца. Или же если умирающий адепт достиг всех достоинств, пройдя все степени посвящения, так и прямо в тело отрока или юноши, дабы такому редкому избраннику не терять времени – скорей взяться вновь за дело поучения простых смертных высшим законам природы и естества духовного. Для таковых избирается момент, когда возможно перевести дух юноши в организм новорождающегося (разумеется, его *высшие принципы* немедленно забывают прежнее существование), а в его здоровое, способное к работе тело немедленно вселяется дух адепта с сохранением всех его способностей и знаний, приобретенных в предшествующем или предшествующих существованиях…

Эту сложную теорию перевоплощений горячо поддерживает главный провозвеститель теософии на буддистских началах: А.П.Синнет. Он убежденно объясняет своим читателям, что дух адепта, переселенного в младенца, приобретает сознание своей индивидуальности лишь по достижении совершеннолетия, тогда как высший избранник, для которого заготовляется оболочка взрослого человека, вполне пригодная для немедленного продолжения его благой деятельности[569], совсем не утрачивает нити сознания. Он, так сказать, очнувшись в новой квартире, тотчас признает себя и других и, принимаясь без перерыва за труды свои, старается лишь скрыть свою личность от профанов, чтоб не вводить их в соблазн… Тем не менее, *развитые духовно* друзья его легко могут отождествить прежнее *«эго»* в новой оболочке и признать старого знакомца… Ожидания, что такой именно феномен может произойти и касательно Е.П.Блаватской, мотивируются двумя побудительными причинами. Во-первых, убеждением[570] Синнета и многих теософов, что она точно была очень высоким адептом – *«единственным лицом нашего столетия, посвященным в таинства оккультизма»*, как они ее величают, – деятелем на преуспеяние и пользу человечества, вполне достойным такого отличия. А во-вторых, «поразительным фактом неожиданности и как бы беспричинности ее кончины»… Но пусть он сам говорит за себя.

«Для подобного перемещения (трех высших жизненных принципов (*Манаса, Бодди* и *Атмы*, или *Брама*) адепта в физический организм молодого здорового человека) необходимо захватить

---

[*] Я заимствую из нескольких описаний июньской книги «Люсифера».

[**] Философия буддизма проповедует, что человек имеет 7 принципов: 1) *стуль-шарира* – физическое тело; 2) *джива* – жизненная сила; 3) *лингуа-шарира* – двойник, тень, астральное тело (perésprit); 4) *кама-рупа* – тело обмана, иллюзии, оборотень, сила превращать свое астральное тело в подобие зверя; 5) *Манас* – физическая интеллигенция, самосознание посредством пяти чувств – душа животная, имеющаяся у всех зверей (*NB*. Если *Манас* успеет при жизни посредством духовного самосовершенствования человека слиться с его 6 и 7 высшими принципами, тогда личность его приобретает бессмертие индивидуальное, а нет, так со временем дух его сливается с общей *Мировой* Душою. Тотчас же после смерти такой человек обращается в *шишимору*, что англичане зовут пустой скорлупой, «shell», а французы «un farfadet». Эти-то духи, пока не разложатся окончательно, и витают в ближайшем соседстве с землей, куда их притягивают не осиленные при жизни страсти; они-то и стучат в столы и материализуются в образы вызываемых на сеансах духов); 6) *Бодди* – душа человеческая, интеллигенция духовная; 7) *Атма* или *Брам* – самый высший принцип, луч или искра божества, дух чистый и бессмертный индивидуально[568].

данный момент, а потому тот, в интересах которого он должен состояться, обязан быть готовым к призыву во всякий миг – говоря условным человеческим языком, он непременно должен умереть совершенно неожиданно. Теперь удивительный факт в смерти Mme Blavatsky составляет именно ее *внезапность*. Хотя она болела в последнее время часто, так что *долго* в организме ее невозможно было бы поддержать жизнь, тем не менее, она чувствовала себя гораздо лучше, чем за многие дни до этого, и физические симптомы улучшения ее здоровья были так очевидны, что именно в то утро доктора поздравили ее с благополучным исходом ее болезни. Смерть ее в минуту ее наступления была происшествием совершенно неожиданным, всех поразившим, которое объяснено неотвратимыми физическими причинами быть не могло. В последние шесть лет *она три раза бывала оставлена врачами, заявлявшими решительно, что она не переживет и дня*. Из этих физических кризисов организм ее выходил победителем, и жизнь ей бывала возвращена, очевидно, силами оккультическими, тогда как в последнем случае, когда ей, по-видимому, не было никакой причины умирать, она закрыла глаза и скончалась мгновенно… Мне лично, – продолжает Синнет, – вывод из этого ясен: он явно указывает между прочими заключениями на возможность, что новая личность, в тело которой она ныне может быть облечена, если она не в ребяческом возрасте, может с течением времени быть *узнана и отождествлена кем-либо из нас*, ныне живущих, прежде, нежели придет нам черед быть призванными или дано нам позволение, – смотря по внутреннему состоянию, по духовному развитию каждого, – пройти самим чрез *великое изменение*»[*].

Я передала *и это* мнение последователей учения сестры моей, как и все сколько-нибудь выдающееся в той области, которая ее окружала. Я считаю себя обязанной рассказывать не свои мысли и впечатления лично, а заимствую из всего, что писали о ней близко знавшие ее люди, разумеется, сымая с себя всякую ответственность в том, что заявляют о ней другие[**]. От себя я даже позволю себе заметить, что м[исте]р Синнет и верующие по слову его рискуют отдать себя не только на посмеяние толпы, но и на обморочение каким-нибудь ловким и беззастенчивым теософистом, который их вызовет на признание в себе «высших принципов», когда-то одухотворявших основательницу Т[еософического] об[щества].

[*] July, «Lucifer», «A Word from Mr Sinnett»[571].

[**] Я вынуждена [пойти] на такую оговорку многими замечаниями газетами и журналами на прежние мои биографии и воспоминания о сестре, неосмотрительно упрекавшими меня в чужих показаниях.

XXV

Взглянув на еще нетронутый мной материал к биографии Е.П.Б[лаватской], на те хвалебные статьи и воспоминания о ее жизни, которые переполнили два десятка журналов теософической литературы по кончине ее и еще большее число непричастных ей газет*, я вижу, что мне надо отказаться от первоначальной мысли широко ими воспользоваться для доказательства, как ее ценят люди во всех странах света. Я приведу лишь некоторые отрывки из них и укажу на самые рельефные, как поминки ее на Далеком Востоке. По выражению журнала «The Path», не имея возможности повторить мелодию всего «торжественного погребального марша, ее сопровождавшего»[573], я постараюсь передать его выдающиеся аккорды. Жалею, что нет у меня под рукою отдельного тома, составленного из статей в память «H.P.Blavatsky» (In memorial)[574] и продающегося в пользу фонда ее имени, предназначенного на публикации и распространение теософических сочинений.

Статьи о Е.П.Б[лаватской], самые замечательные справедливостью и глубиною взглядов, бесспорно те, которые принадлежат профессорам Hartmann'у, Buck'у и Mrs Besant, отличающиеся фанатической преданностью делу, а затем уже ей – статьи Sinnetta'a, Olcott'a, Mead'a, а самые полные безграничной верой и преданностью *«Великому учителю»*, как сплошь называют Блаватскую последователи ее учения, – [статьи] Бертрама Китли, м[исте]р[а] Джёджа, мрс Камбель-фер-Планк и некоторых индусов. Так как нам больше дела до нее самой, чем до ее об[щест]ва, то, к примеру, возьмем письмо из 48 № «Люсифера» Mr Keightley.

«С того мгновения, как я впервые встретил ее взгляд, – пишет он, – во мне возникло чувство полного к ней доверия как бы к старому испытанному другу. Это чувство никогда не ослабевало и не изменялось, разве крепло и росло по мере того, как я узнавал ее лучше. Не потому, чтобы я всегда понимал ее, напротив! Сколько бесконечных ночей я провел, ища заключений, которых найти не мог. Но едва смотрел я в ее глаза и тотчас убеждался, что все хорошо, что она права так или иначе, и *всегда* уверенность эта оправдывалась… Часто месяцы, даже годы спустя, по мере того как мой нравственный рост позволял мне яснее и шире понимать вещи, я, оглядываясь на свое прошлое, изумлялся и невольно во мне пробуждалось сознание: "О! Как же глуп я был тогда, что не понимал этого!.."»**

Он рассказывает далее, как не любила «H.P.B[lavatsky]» вмешиваться в жизни людей без крайней нужды. Как он отчаянно колебался в первое время их знакомства, какой ему путь избрать?.. Он именно стоял на трудном жизненном перепутье и, ничего не видя за себя и не дождавшись до конца ее указаний, готов уж был избрать опасный, ложный путь. Он пришел к ней проститься, и тогда она его остановила, не советом остаться, не уезжать, а лишь *определением будущего несчастия*, которое он себе готовил, поступая известным образом… Руководясь ее предсказанием, он радикально изменил намерения свои и жизнь.

«Оглядываясь ныне на пережитые годы, – говорит он уверенно, – я ясно вижу, как она была права! Как те несколько слов, которые заставили меня остановиться, исполнились бы на мне с неотразимостью рока, если б я не внял ее голосу. Хотя с той поры долг моей признательности ей, ее руководящей и спасительной руке, возрос, как возрастает горная лавина из горсти снега, но я все же считаю те минуты самыми решительными в моей жизни»…

Как истинный эзотерист-теософ, Китли свидетельствует, что едва ли сможет он «преданностью *многих* существований» воздать за все благодеяния Блаватской. Он рассказывает, как заедали его безверие и материализм нашего века, как он вступал в жизнь лишь под охраной условной нравственности, шаблонного сознания чести и некоторой дозы юной сентиментальности и отвлеченной готовности восторгаться пред чужими добродетелями, в то же время сомневаясь не только в них, но и «во всем, *чего не могла доказать наука*»…

«Что мне готовила жизнь, что сталось бы со мной? – восклицает он. – Я погрузился бы в полный эгоизм, в самоуничтожение. От такой судьбы спасла меня "H.P.B[lavatsky]" своим

---

* «Теософист», «Люсифер», «Path», «Theosophical Siftings», «Light», «Theosophical Forum», «Vahan», «Lotus Bleu», «Aurore», «Sphinx», «Estudios Theosophicos», «El Silencio», «Teosofisk Tidskrift», «Prasnottara», «Buddhist», «Pacific Theosophist», «New Californian», «Anti-Caste», «Pauses» и пр.[572], которых не припомнить.

** «What H.P.B. did for me», «Lucifer», July 1891[575].

учением, своими *экспериментальными демонстрациями* (феноменами), а более всего силой примера, собственной жизнью своей; она спасла меня, как многих других спасала!.. Прежде, нежели я узнал ее, жизнь для меня была лишена идеала, достойного борьбы. Признание полного уничтожения, указываемого материализмом, за финальный акт бытия расхолаживало каждое великодушное движение мыслью о полной его бесполезности. Не видел я причины и цели гнаться за трудным, за высоким и далеким, когда всепожирающая смерть *должна* перерезать нить жизни задолго до достижения намеченных благ. Даже смутная надежда принести пользу грядущим поколениям падала в прах при созерцании безумной, идиотской бесцельности и бесполезности жизненной борьбы…

От этого обессиливающего нравственного паралича, который тяжким гнетом душил мою внутреннюю жизнь и отравлял каждый час моего существования, *Елена Петровна Блаватская меня избавила,* меня и других!.. Не обязаны ли мы ей более чем жизнью?..

Продолжаю. Каждый мыслящий и чувствующий человек видит себя окруженным страшными задачами: со всех сторон сфинксы угрожают поглотить целые расы, если они не разгадают их загадок. Мы видим, что лучшие усилия приносят зло, а не пользу. Мрачная пустота обнимает нас… Где искать нам свет?.. *Елена Петровна Блаватская указала нам дальнюю звезду,* что смутно сияет на пути времен; она научила тех, кто желал ее слушать, *искать внутри себя ее луч*; она указала к ней путь, обозначила маяки и опасности. Она заставила нас сознать, что человек настойчивый, умеющий забывать о себе в усилиях помочь человечеству, держит в руках своих ключ к задачам жизненных путей, ибо ум и сердце того человека переполняются мудростью, рожденной от любви и познания, очищенной от всякого себялюбия…

Вот что Е.П.Блаватская принудила многих признать за истину. Не достойна ли она благодарности?..»

Китли рассказывает, как старался он в продолжение пяти лет помогать ей «в благородной ее работе», как узнал ее в ежедневной близости, но сознает все же, что бессилен дать о ней полное понятие: «Лишь равный ей мог бы вполне постигнуть ее и воздать ей должное»… Вторично был он ею отослан в дальние страны, работать в Индии, месяцев за восемь до ее кончины: «Она не взирала на личные привязанности, когда дело шло об общей пользе, – говорит он, – прежде всего была она слугой человечества. Кто бы ни приходил к ней, искренно и честно прося ее о помощи, она давала ее радостно; ни один враг, ни один человек, оскорбивший ее несправедливо и жестоко, не бывал отвергнут*. Она сымала с себя одежду, она отымала кусок от своего рта, чтобы помочь худшему врагу, если тот в нужде прибегал к ней»…

«Братии! – кончает статью свою Б.Китли. – Будем трудиться и действовать, ибо время наше кратко, задачи велики, а самый лучший памятник возлюбленному учителю нашему – распространение света, рост учения, ею внесенных в мир!»[577]

Так говорит англичанин, вернее сказать, *англичане*, потому что из них не один Б.Китли такого мнения о Е[лене] П[етровне][578]; а вот для перемены мнение испанца, маркиза José Hifré, делегата испанского Т[еософического] об[шест]ва, приезжавшего на конвенцию европейской секции, на которой и было им[579] сказано следующее:

«Основательница Т[еософического] об[щест]ва, посвященная в Божественную Мудрость, благородная женщина, которая с неподражаемым самопожертвованием отдала себя делу человеколюбия, делу распространения вечных истин – умерла! Я не способен измерить последствия этого страшного непоправимого удара, оплакиваемой об[ществ]ом нашим потери учителя его и создателя. Мое намерение скромнее: я желал бы говорить об узах, привязавших меня к ней, о том громадном влиянии, которое ее высокая душа имела на меня – на мои мысли, чувства, понятия о предметах нравственных и материальных – на всю жизнь мою, одним словом…»

---

* Эту черту незлобивости и забвения зла, ей сделанного, все знавшие Е[лену] П[етровну] знают прекрасно. Она всегда была великодушна и щедра до самозабвения. Мрс Безант недолго знала ее, но в одной из своих статей в память ее прекрасно говорит об этом свойстве души Блаватской. Она рассказывает, что видела раз, как пришла к Е[лене] П[етровне] за помощью женщина, много и злобно ей вредившая, и никогда не забудет, с какою радостью она обласкала ее и помогла ей[576]. Мы, ее близкие, знаем, что это истинная правда.

Маркиз Шифре здесь объясняет, что так как его положение в этом случае не единичное, а тождественно со многими, имевшими счастие лично знать Е.П.Б[лаватскую], то он считает заявление о своем опыте полезным для всех и продолжает:

«В замечательной статье м[исте]р[а] Синнета в “Review of Reviews” (июнь 1891 [г.]) он совершенно верно сказал об Е.П.Блаватской: *“Она главенствовала во всяком положении, в которое была поставлена, и должна была быть или глубоко любима, или же ненавидима всеми, кто приближался к ней. Она никогда не могла быть предметом равнодушия!”*[580]

По-моему, это показание замечательно справедливо, и я нимало не сомневаюсь, что братии мои, здесь присутствующие, с этим согласны. Когда я впервые приехал в Лондон с единой целью увидать и познакомиться с “H.P.B[lavatsky]”, дарования которой произвели на меня глубокое впечатление, я понимал, что увижу замечательнейшую личность нашего века по уму и обширным знаниям ее, одинаково. Чувство, привлекавшее меня к ней, было не простое любопытство, а всесильное влечение, чувство sui generis[581], которое лишь может быть объяснено на основаниях оккультизма… Но действительность превзошла все мои ожидания. Первый взгляд ее на меня проникнул в душу мою и словно бы уничтожил во мне ту личность, какою был я дотоле. Процесс для меня новый, странный, неизъяснимый, но совершенно реальный[582] и неотразимый свершился в самых тайных глубинах моей нравственной и духовной природы… Свершилось превращение, и с той минуты прежняя личность с ее чувствами, склонностями, помыслами исчезла!..

Не буду пытаться объяснить этот, по-видимому, поразительный факт, основанный, как и все, на великом законе *кармы*, но в моей памяти он никогда не изгладится… С каждым новым свиданием[583] во мне увеличивались привязанность, восторг, преданность ей. Ведь ей я обязан всем, что знаю: только узнав ее, я узнал спокойствие ума и нравственное равновесие. Она мне дала надежду на будущее, она внушила мне свои собственные благородные и великодушные принципы, радикально изменила мое будничное существование, подняв идеал жизни, указав мне высокую цель – в стремлении к задачам теософии – в труде на благо и преуспеяние человечества.

Смерть ее – горькое испытание для меня, как и для всех работников-теософистов, знавших ее лично и ей обязанных бессмертным долгом благодарности. Я потерял в ней друга и учителя, который очистил скверну моей жизни, который возвратил мне веру в человечество. В великом примере ее мужества, самоотречения, бескорыстия и благородства я найду силу работать на дело, которое мы все обязаны защищать.

Да будет благословенная ее память!..

Дорогие братья и друзья, вот те немногие слова, которыми я хотел вам высказать, что никогда не забуду, *чем* я ей обязан!.. Пусть враги и материалисты объяснят, если могут, силу влечения и власти Е.П.Блаватской, если же не могут – да умолкнут!

Древо познается по плодам его, а действия будут судимы и оценены по их результатам»[584].

XXVI

Два вышеприведенных свидетельства, взятые из множества статей такого же рода и смысла, принадлежат людям европейского происхождения и образования. И они поражают своей восторженностью, а что же сказать о бреде многих поклонников Блаватской на другом полушарии, людей восточной цивилизации?.. Вот, например, передовая статья от 13 мая 1891 года, напечатанная в частной газете, *не* принадлежащей Т[еософическому] об[щест]ву (но тем не менее в память основательницы его появившейся в траурной обложке), «Indian Mirror» («Зеркало Индии»).

«Gone in the glory from the grass
And splendour from the flower![585]

Heliona (?) Petrovna Blavatsky не существует более на нашем земном шаре… Она ушла от нас!

Смерть ее – удар всему миру! Она не принадлежала к той или другой нации: весь свет был ее домом и все человечество братией. И вот мы, ее братии и сестры, погружены в скорбь от потери такой неоцененной сестры… Мы так беспредельно любили Mme Blavatsky, мы так жаждали еще раз видеть ее на земле Индии, сжать благословенную (hallowed) ее руку, что ныне, когда желания наши разрушены смертью, все понимание, все чувства наши поражены и мы еле можем писать».

Вспоминая ее дела, ее обращение с внекастниками, ее советы, «разумные, как мудрые наставления отца, и утешения, нежные, как ласки матери», ее *«проницательные светлые глаза, в одно мгновение узнававшие все тайные извороты души»*, газета наэлектризовывается до решения, что ныне она «*без сомнения святая»*...

«…Пройдут года, улягутся страсти и – мы уверенно говорим это – Е.П.Блаватская будет признана *Аватарой* (священным воплощением) и памяти ее будут воздаваться священные почести (divine honours)…»

После таких излишеств газета «Indian Mirror» рассказывает о ее жизни (руководствуясь статьями Синнета и Олькота), заявляя с уверенностью, что тело ее давно было непригодно к существованию, но что[586] «Великие Адепты» искусственно его поддерживали, чтоб дать ей «в настоящем ее воплощении» окончить *их учение* – «ныне-де оно дано миру в ее монументальном сочинении – в “Тайной Доктрине”»… После этого газета переходит ко времени ее последнего пребывания в их стране и, сознаваясь, что не сумели они хранить ее, ужасается их собственному безумию и неблагодарности.

«Можно сказать, что она буквально жила и умерла *для Индии*. Т[еософическое] об[щест]во было отчасти затем сформировано, чтоб распространять в западных странах истины веданты и буддизма. Но истины эти были очень поверхностно известны даже нам, – признается газета. – На Mme Blavatsky была возложена обязанность перенести свои труды в нашу страну, и вот она в продолжение нескольких лет жила между нами, как живая жертва на благо нам, индусам, а мы, индусы, от нее неблагодарно отвернулись, когда она наиболее нуждалась в нашей поддержке!.. Ныне мы наказаны по заслугам. Наша земля не освятилась, как английская, ее могилой, ее прахом… Конечно, британские теософы ей гораздо были вернее, чем мы, а потому им и великая награда!..

Но не постараемся ли мы стереть упрек и посрамление?.. Этого можно достигнуть. Надо суметь воздвигнуть в память ее такой монумент, который доказал бы силу и искренность нашего раскаяния и нашей оценки всего, что она сделала для Индии»[587].

Что же касается до психических сил и оккультических знаний[588] Блаватской и до сношений ее с Радж-йогами, то вот показания людей, хорошо известных многим европейцам, бывшим в Индии[*]. Вот письмо парсийца, Pherozeshaw Rustomji Mehta, и другое индуса, брамина высшей касты, Рай Лахери. Начнем с последнего; оно было писано еще при жизни Е.П.Б[лаватской], но

[*] «Lucifer», июнь и август.

она не хотела помещать его в своем журнале как частное о ней сообщение, теперь же его напечатали.

«Читая в декабрьском № “Люсифера” статью вашу “Теософическое об[щест]во и Е.П.Б.”[589], я был озадачен несколькими вещами, о которых, хоть я не могу высказать всего, что думаю о них и знаю, однако, чувствую себя обязанным сказать несколько слов.

Ныне ни малейшего сомнения, что Е.П.Блаватская – женщина, обладающая высшими знаниями и таинственными оккультическими силами. Она приобрела их, думается мне, с великими трудностями и опасностями, ибо в наши дни чрезвычайно трудно найти доступ до истинного йога в Индии, а тем более успеть чему-либо от него научиться, в особенности, *белой* женщине, рожденной на Западе. Это почти немыслимо!.. Однако ей посчастливилось так или иначе – каким именно образом я и представить себе не могу! Но ей удалось получить ключ к истинной индусской, а следовательно, *буддистской тайной философии* – об этом не может быть ни речи, ни сомнений. Те, кто воистину понимают что-либо в высокой сокровенной философии Индии, – включая и нас самих, индусов, – сразу видят, *что̀* она знает и *кто она сама*. Для знающих, в чем дело,[590] демонстрации и феномены (которые поражают профанов) совсем излишни. Несколько известных слов – нет, даже *единое* слово и единый знак – и мы сейчас узнаем, *кто* перед нами. Я не известен Т[еософическому] об[щест]ву, хотя Е.П.Блаватскую я очень хорошо знаю…

Я не русский, не англичанин, не американец, а следовательно, не имею причин стоять за нее, кроме сознания чувства справедливости, по глубокому убеждению. Прибавьте к этому факт, что я индус и брамин высшей касты, и тогда вы будете в состоянии судить, какой мотив, кроме истины, могу я иметь, говоря слово в пользу особы, которая, я должен сознаться, не хорошо поступает, выдавая верования моих предков неверующему Западу, где все поголовно материалисты, вопреки чванной вере в свою цивилизацию и современную лженауку…

Они называют H.P.B[lavatsky] обманщицей? О! Как они ошибаются. Не знают они ее… Я отдал бы все на свете, чтобы стать *таким* обманщиком, если б кто-нибудь научил меня. Не довольно ли западникам того, что гордые брамины, не умеющие склоняться ни пред кем в мире, кроме своих высших по религии и духовным силам, слагают руки и как покорные дети преклоняются пред *белой йогиней* Запада?.. Почему так? Потому что для нас она более не европейская женщина. Она миновала черту рас, и каждый индус гордился бы, назвав ее матерью. Мы не сомневаемся, что наша йогиня возвратится к нам, к себе, в страну, где *знающие* гордятся ею, не забывают и никогда не забудут!.. Мы можем быть невеждами и легкомысленными, но никогда не будем неблагодарными и изменчивыми, как большинство “цивилизованного” Запада…

Как брамин, я лично считал бы себя обязанным протестовать против обнародования верований и философий своих праотцов… Я надеюсь, что та, которая ныне одна может разоблачить их Западу, не злоупотребит своими знаниями без согласия тех, от которых она получила их…

Да! Как легко завидовать силам, знаменующим избранных, желать пользоваться ими, а как трудно их достигнуть самому!.. Труднее, чем я могу выразить!»[591]

Вторая статья называется: «Взгляд парсийца на Елену Петровну Блаватскую и Лондонское психическое об[щест]во». Рустомджи Мехта начинает с доказательства, что недружелюбие и желание ее унизить вполне понятны со стороны людей, которые не могут переварить в своей заносчивости, что есть вещи, и силы, и люди, которых понять они не могут. Как же было им не ополчиться против живого феномена, Е.П.Б[лаватской]?

«Если бы Психическое об[щест]во руководствовалось искренним стремлением (к цели, обозначенной его названием), а не позволяло своим членам вводить себя в заблуждение из предубеждения или недоброжелательства, может быть, оно бы и дошло до удовлетворительных результатов в области открытий психических; в Т[еософическом] об[щест]ве оно, бесспорно, нашло бы самых действительных и влиятельных сотрудников. Но, соображая образ его действий, нам кажется, что оно или само не ведает, что творит, или же задалось, напротив, целью заглушить истину, уничтожить всякую возможность каких бы то ни было открытий, прикрывшись лишь, как маской, своим названием, оно поддерживает и насаждает скептицизм в умах провозвестников западной науки…

Я принадлежу к тысячам тех членов Т[еософического] об[щест]ва в Индии, которые[592] преклоняются не только перед философией, так умело проповедуемой Е.П.Блаватской, но и пред ней самой. Для назидания Психического об[щест]ва и ее многих недобросовестных врагов я, так и быть, расскажу, почему я верю ей, а не ее изобличителям и клеветникам.

С самой юности моей я был совсем бессознательно привержен теософическим помыслам. Я изучал теософию, размышляя между прочими ее задачами о Боге, о душе человеческой, о бессмертии, о божественном законе праведного воздаяния и окончательном торжестве истины и справедливости над неправдой и злом и, наконец, над значением реинкарнации, неба и ада. Разумеется, я размышлял обо всем этом своеобразно, подстрекаемый порою к новому рвению, наталкиваясь на какой-нибудь нечаянный психический феномен. Наконец, узнав о задачах Теософического об[щест]ва, я, будучи уже сорока лет, поспешил к нему присоединиться. В его учениях я сразу нашел желаемый свет и успокоение. С тех пор его литература стала моей единой наукой и радостью, а чем глубже я вникал в писания Е.П.Блаватской, тем глубже преклонялся, тем с сильнейшим восторгом оценивал ее труды, ее истинное положение в об[щест]ве. *Я убедился, что она единый* **ключ** *его жизненности, единый источник, откуда проистекала вся эта литература*, резервуар воды живой на утоление душевной человеческой жажды к познанию тайн жизни, природы и Бога…

Да будет ведомо Психическому об[щест]ву, что в этом-то и кроется тайна высокого уважения и благодарности, которые все мыслящие и духовно развитые люди чувствуют к Е.П.Б[лаватской]; пусть знают, что *усилия их устранить от нее преданность тех, кто знают ее учение, столь же действительны, как бросание пылью в солнце с тем, чтоб затмить его лучи*.

Между многими отчаянными усилиями врагов Е.П.Блаватской они измыслили всевозможными насмешками и неправдами уничтожить веру в существование великих мудрецов – Учителей, которых она слуга. Каждая честная душа, если она устремится искренно к познанию истины, ее узнает, я в том не сомневаюсь! Но мне, *знающему достоверно, по собственному опыту, об их действительном существовании*, – мне молчать в виду лжей и клевет на их провозвестницу значило бы не быть достойным всего того, чем я ей одной обязан!

Если точно Психическое об[щест]во ищет правды, пусть оно примет во внимание и это искреннее свидетельство.

Во время одного из моих психических опытов еще в 1873 году я узнал о существовании Радж-йога К.Х. (Кут Хуми). Он доказал мне свое всеведение, предсказав тогда все, что вполне оправдалось в жизни моей в течение десяти лет – до 1883 года. Он даже назвал мне лиц, которых я тогда не знал, но узнал после, когда случилось все, им предсказанное… Во власти ли Психического об[щест]ва заставить меня изменить Е.П.Блаватской и созданному ею об[щест]ву?!»[593]

Хотя подобных этому парсийцу немало,[594] гораздо более, однако, не видавших, нежели видевших Махатм, а потому немногие имеют возможность им верить. *Это* в порядке вещей и вполне понятно. Но что̀ *не* понятно – это что у Блаватской несравненно более таких противников, для которых только и смысла[595] в ее деятельности, что *«феномены»*… Они другого ничего в теософии признавать не хотят!.. Мало этого: не читав ее теософических сочинений (часто и в глаза их не видав и по-английски ни бельмеса не зная) берутся судить о ее[596] общественной деятельности или – что еще недобросовестней – принимаются рыться в ее частной жизни, до которой никому нет дела, стараясь в ней разыскать что-либо предосудительное… Вот уж можно сказать, что таким господам[597] и книги *не* в руки!

XXVII

Для нас, близких Елены Петровны, смерть ее была ударом совершенно неожиданным. Мы так свыклись с ее вечными недугами и ежегодными опасными кризисами ее жестоких болезней, что в этот раз почти не обратили внимания на ее инфлюэнцу. Графиня Вахтмейстер и дочь моя писали не особенно тревожные уведомления, а от 20 апр[еля] (2 мая) были получены совсем успокоительные известия: ей было лучше, она встала, доктор объявил, что всякая опасность миновала. В начале мая я собиралась ехать навестить ее снова в Лондоне… Она горячо желала видеть меня и сына моего[598], которого не видывала от раннего его детства. По обыкновению, она предлагала взять на себя все путевые мои издержки, только бы я приехала с ним. Письмо дочери моей поразило меня как громом. Она нарочно не телеграфировала, чтобы еще хуже не испугать, да зачем и было, когда все было кончено так быстро, что сама она не могла опомниться!.. *Против обыкновения*, эта смерть в семье нашей обошлась без всяких предзнаменований или предуведомлений, которые прежде *всегда* бывали… Вспомнили мы тут, что Елена часто говорила, шутя, мне с дочерьми:

– Когда я умру, так никого не испугаю, не бойтесь! Никаких демонстраций от меня вы не дождетесь: не появится вам моя астральная тень, и в столы ваши стучать не буду!

Она смеялась над трусостью одной из дочерей моих, говоря это по поводу наших рассказов о многих странных случаях в семействе нашем. И точно *нам* она не являлась, но другим она зарока не давала, и вот передо мною два-три письма от теток наших Е.А.Витте и Н.А.Фадеевой и длинное послание леди Кэтнесс, герцогини де Помар, свидетельствующих, что она не всем дала такой зарок. Не буду повторять сплошь то, что уж было мной подробно рассказано[*]; упомяну[599] о тех случаях только вкратце, остановлюсь же на том, чего прежде не описывала.

Присылая мне несколько статей о сестре моей вместе с описанием ее явления в самый день смерти им, леди Кэтнесс и Mme Juliette Adam, в то время как обе находились в оратории, комнате, посвященной «общению с их “руководителем”» (Guide du Cercle de l’Etoile Céleste[600])[**], герцогиня описывала это «явление» так неопределенно, что я попросила[601] ее рассказать мне его подробней. Вот отрывки из письма ее от 16 ноября [18]91 [года].

«…Вы просите написать вам подробно обстоятельства и доподлинные слова вашей дорогой сестры в ту ночь, как она пришла ко мне в такой тревоге по случаю предстоявшей кремации тела ее… Это почти невозможно, потому что мы в ту самую минуту ее речей не записывали (находясь в слишком сильном волнении). Она более ограничивалась лаконическими отрицаниями или подтверждениями наших вопросов. Вот что мы записали тотчас по ее исчезновении (она говорила): *“Этот род смерти* (?!) *– сожжение – уничтожает личность* (la personnalité), часто необходимую для дальнейшей прогрессии духа”… Ранее еще она сказала нам, что не совсем еще отделилась (elle n’était pas dégagée) от тела и потому боялась приближавшейся кремации… Из этого вы видите, что она тогда *все еще была в теле*, когда явилась нам, – факт, которого я никак не могла заставить понять кого бы то ни было из окружавших сестру вашу. Г[рафиня] В[ахтмейстер], Mr M[ead] и другие так на меня рассердились за то, что я тотчас же сообщила им о ее нежелании быть сожженной! Они говорят, что никогда не простят мне, “что я вызвала *двойник* Mme Blavatsky”[***]… Ничто не может их заставить мне верить, что явление ее было неожиданно и произвольно, *именно за тем*, чтоб попытаться избегнуть пугавшей ее кремации… Когда я ей сказала, что лучше бы она явилась им самим, она отвечала, что не могла с ними сообщиться вследствие того, что они бы никогда ей не поверили, так как она всегда сама учила их, что дух возвращаться не может[****]… Она назвала это *“la grande erreur où j’étais tombeé”*[602], и прибавила, что теперь надо сделать все на свете, чтоб поправить эту ошибку. Ее тревога в предвидении

---

[*] «Русское обозрение», ноябрь и дек[абрь] [18]91 г.

[**] Не тоже ли самое, что «Учитель» теософистов? Кажется, вся разница в том, что последние спускаются не со звезд, а с Гималаев…

[***] Это обвинение кажется мне непонятным в виду того, что л[еди] Кэтнесс еще не знала о смерти Е.П.Б[лаватской], которую ей газеты возвестили только на другое утро.

[****] Сколько я слышала от сестры, она никогда не отрицала возможности явлений умерших. Она лишь сомневалась в охоте их являться бесцельно, по вызову медиумов.

наступавшей церемонии была так велика, что Mme Juliette Adam, присутствовавшая при этом, решилась тотчас же вычеркнуть из своего завещания этот пункт, так как она тоже желала прежде быть сожженной. Я помню еще хорошо одну фразу вашей сестры: “Я провела всю жизнь в искании света, ныне же *каждая звезда, к которой я обращалась, пришлет мне своих посланных* (?!) *и они будут учить меня* (chaque astre que j’ai consulté m’enverra ses missionnaires qui m’instruiront)”… И вот еще другая фраза ее: *“Я ищу разъяснений в обладании собою… Говорите со мной… Я окружена разного рода духами… Я ищу разъяснений…”* А потом еще ее слова: “*Разница так велика между светом небесным и земным освещением, что надо стереть земное, чтоб мочь сообщаться* (Il y a une si grande différence entre la lumière céleste et celle de la terre, qu’il faut effacer la terre pour pouvoir communiquer)”… Вы сами видите, как мало можно извлечь из этих отрывочных сентенций. Я потому и сочла за лучшее не останавливаться на подробностях в моем журнале “L’Aurore”, но это письмо я вполне предоставляю вашему усмотрению»…

Я сочла его интересным и воспользовалась позволением Mme de Pomar, хотя думаю, как и теософисты, что собственно сестра моя, ее бессмертный дух, ни в чем не был причастен [к] этому странному явлению. Я так думаю вследствие того, что уж очень[603] похожи были изречения этого видения на все, что проповедуют спириты, к которым принадлежит отчасти герцогиня.

В Одессе, в доме наших родных, и до кончины, и после нее было несколько проявлений – «предуведомлений» и подтверждений смерти сестры вполне реальными явлениями: стуками, музыкой и просто появлением ее самой тетке своей Екатерине Андреевне Витте. Это последнее, вместе с метаморфозой камня в перстне, подаренном Еленой Надежде Андреевне Фадеевой, я считаю фактами, достойными быть описанными. Последнее странное явление я рассказала уж ранее; напомню лишь здесь о нем в общих чертах.

За месяц еще до болезни сестры Надежда Андреевна стала замечать, что большой светлый агат на этом перстне, который она носила более двенадцати лет без малейшей перемены в нем цвета, начинает темнеть. Это было тем заметнее, что в нем находится совсем темная веточка, которую становилось все трудней отличить, пока, наконец, она не слилась совершенно с фоном: камень сделался почти черным и оставался таким долго. Только теперь, пишет мне Н.А.Фадеева, он принял свой всегдашний цвет и сделался, каким был всегда – светло-дымчатым.

Второе явление – ее самой – было так.

О смерти Е[лены] П[етровны] только что узнали из моей телеграммы. Вечером тетки мои сидели по обыкновению вместе в своей большой гостиной; Катерина Андреевна на диване, а Надежда Андреевна сбоку, на кресле, обе читая или, вернее, делая вид, что читают, опечаленные глубоко…

Вдруг старшая сестра говорит младшей.

– Я вижу Лелю!.. Вот она!.. Смотри, стоит перед столом!

Она указывала на стол в нескольких шагах, но Н[адежда] А[ндреевна] ничего там не видала… К[атерина] А[ндреевна] Витте, между тем, продолжала утверждать, что видит умершую племянницу, рассказывая:

– Вот… Она смотрит на нас!.. У нее глаза будто заплаканы. На голове и вокруг нее что-то белое… Цветы белые, что ли?.. И вся она в белой прозрачной, будто воздушной одежде…

«Это продолжалось минуты две-три, – пишет мне Н.А.Фадеева. – Я ее расспрашивала и она говорила, что видит совершенно ясно и отчетливо»…

Когда в мае прошлого года я была у дочери в Лондоне, тетки писали мне туда, спрашивая, что было надето на Елене в гробу? Особенно: что было на голове ее – как белая корона на волосах? Я спрашивала бывших при ней и мне отвечали, что вся она была обложена белыми цветами, а на голове был венок из крупных белых столиственных роз.

Я сестры не видала. Я много раз говорила ей, что не хотела бы никогда никого своего видеть по смерти… Но она очень знаменательно мне приснилась, будто в ответ на многократные наши разговоры о том, что я очень ценю ее учение, но войти в об[шест]во не хочу, потому что они все же не признают всех христианских догматов, а я родилась и умру православной христианкой, признающей *силу искупления кровью Спасителя*.

Я совсем забыла тогда, на первых днях ее смерти, об этих разговорах наших, но она сама мне о них напомнила…

На третью ночь по кончине ее я так ясно увидала ее, что имею полное право думать, что то̀ было видение, а не сон. Она стояла возле моей кровати, с ласковой улыбкой смотрела на меня и вдруг подняла свою правую руку, многозначительно мне указывая на нее глазами… Посмотрела и я, и увидела, что три пальца ее *все в крови* и сложены как бы для знамения креста*.

Я считаю этот *сон* многозначительнее и осмысленнее многих видений.

* Что это значит? Я не знаю. Маша и Надя явственно слышали, как она входила к ним и ходила по гостиной, но Лена спала и не слыхала.

XXVIII

В первый же четверг по смерти Е.П.Б[лаватской], 14 (2) мая, в залу лекций на Эвенью-Род собралось до четырехсот человек, хотя более пятидесяти должны были стоять за неимением мест, но из вошедших в залу ни один не вышел до конца, хотя никто не мог ждать особенно интересных речей или прений за общим печальным настроением и отсутствием любимого оратора. Анни Безант еще не возвратилась из Америки; ее ждали вместе с двумя президентами американских теософистов, Mr Judge'ем и Dr Buck'ом. Позже должен был приехать на съезд и главный представитель всего об[шест]ва, полковник Олькот. Ему телеграфировали в Австралию, где он тогда находился по делам Т[еософического] об[шест]ва; он тотчас все бросил и поплыл в Европу.

Несмотря на отсутствие главных отныне[604] представителей теософического дела и на общее волнение при виде вместо всем знакомого лица Елены Петровны рядом с креслом ее,[605] прикрытом индийской шалью, ее большого поясного портрета, речь о ней была сказана прекрасная. Сказал ее вице-президент ее ложи, Dr W.Wynn Westcott.

Он начал[606] с описания ее болезни и кончины, с глубоко печальных сожалений, что никогда уж никто не увидит ее на ее обычном месте, не услышит ее голоса в живой передаче того богатства познаний, которым она всех их облагодетельствовала;[607] он просил всех[608] еще дружнее сплотиться в память ее, помня ее заветы: никогда не тратить времени на бесплодные горевания об утратах непоправимых, а работать неустанно, ибо работать – значит молиться. Отдав восторженную дань[609] знаниям ее вообще, а в особенности в метафизике и восточных философиях, «о которых в Европе не имеют никаких понятий», Уэсткот[т] перешел к ее личным качествам, к удивительному непобедимому влиянию ее на всех ее знавших.

«…Helena Petrovna Blavatsky была, бесспорно, необыкновенной личностью во всех отношениях! Знать ее значило любить и почитать как высшего… В присутствии нашего отшедшего учителя мы все себя чувствовали как бы под кровом могучего интеллекта, озарявшего нас своим многосторонним светом. Такая великая личность, без сомнения, должна была выработаться из многих развитых умственно и нравственно воплощений… Счастливы будут те, коим дано будет окружать ее в следующей инкарнации, которую изберет ее могучая индивидуальность!.. Еще раз взываю к вам, братия, ныне, когда сердца наши поражены и головы гнутся под тяжестью павшего на нас, ее учеников (pupils), удара: стойте восторженно за учение, ею нам открытое, боритесь неустанно против лицемерия, чувственности, эгоизма. Война грехам, но милосердие грешникам!.. Каждый сам за себя должен нести тяжесть неподкупной кармы, вечно справедливого, неотвратимого воздаяния!»[610]…

Следующие заседания были очень интересны многими речами вернувшейся мрс Безант и приезжих американских и европейских делегатов. Были также прочитаны сотни полученных отовсюду адресов от ветвей и частных лиц. О сочувствии[611] американских, индийских и британских лож и говорить нечего, но чтобы дать понятие об общем смысле[612] адресов и вместе показать, что сочувствие к делам и личности Блаватской не ограничивались этими странами, я на выдержку передам содержание отзывов двух-трех иностранных ветвей.

Из Германии. Журнал Гюббе-Шлейдена «Сфинкс» пишет по поводу смерти Е[лены] П[етровны][613]: «Что̀ бы друг или враг не думал об умершей – воздавали ли ей божественные почести или презрение – все должны согласиться в том, что она была одним из замечательнейших человеческих созданий, проявившихся в наш век: она была единственной в своем роде!.. Не приспело еще время окончательного приговора над ней, но не можем воздержаться, чтоб не сказать, что мы, как и многие другие, сознающие то же самое, обязаны ей и благодарим ее за вдохновения, которым нет цены!

О ней Шиллер сказал верно:

"Вся окруженная любовью и ненавистью партий
Личность ее бессмертно движется в истории!"»[614]

Из Швеции. «Члены Шведского Т[еософического] об[шест]ва шлют привет горячей симпатии членам Лондонской штаб-квартиры по случаю великой потери, понесенной всеми теософистами в кончине нашего чтимого и возлюбленного учителя Е.П.Блаватской. Она была светочем для всех, имевших благую способность видеть или чувствовать, что она поучала истине. Она исцелила

много отчаявшихся душ, не знавших своих божественных прав. Своим мужественным, неустанным, самоотверженным трудом она возбудила к жизни много остывших было сердец, забывавших, что они живут для борьбы. Непоколебимой верой своей она устыжала малодушных, своей непритязательностью поучала заносчивых…

Да будет благословенна и возлюблена ее память! Вы, которые с нею жили, пользовались ежедневными уроками ее и советами – ваше горе глубже, но зато ваши воспоминания о ней богаче. Мы надеемся, что от вас, от очага, у которого Е.П.Б[лаватская] жила и трудилась, будут еще долго исходить на нас свет и тепло. Мы надеемся на это не только потому, что уверены в желании вашем поделиться с обездоленными ее наследием, но потому, что уж имели много доказательств способности вашей неустанно просвещать ваших братий»[615].

Из Франции было получено глубоко прочувствованное письмо президента ветви «D'Orient et d'Occident» леди Кэтнесс[616], которое не стану передавать по длине его и потому что только что привела ее письмо[617] лично ко мне, но вот послание другой ветви – «Le Lotus».

Из Парижа. «Au moment où la Société Théosophique est frappée si cruellement par la perte de celle qui fut sa lumière et la propagatrice inspirée de la vérité, le devoir de tous les membres de la S[ociété] T[héosophique] est de s'unir encore davantage et de redoubler de zèle et de dévouement. C'est ainsi seulement que nous prouverons que nous étions dignes de recevoir ses hauts enseignements et qu'ils ne sont pas tombés dans une terre ingrate et stérile»[618].

Из Испании. «Douloureusement frappé par la perte que la S[ociété] T[héosophique] vient d'éprouver dans la personne de son Maître respecté, H.P.Blavatsky, le Groupe Espagnol s'adresse au "Lucifer" afin d'y exprimer publiquement sa profonde douleur.

Cependant, malgré la tristesse qui pèse sur tous ses membres, ils peuvent dire que leur attachement et leur enthousiasme pour la Cause Théosophique ne s'est pas démenti un seul instant, Cause à laquelle notre Maître avait voué sa noble vie et pour laquelle elle avait tout sacrifié.

Le Groupe Espagnol, semblable au roseau battu par l'orage, la consternation du premier mouvement passée, secoue sa tristesse et relève courageusement la tête pour continuer la lutte avec énergie et remplir loyalement son devoir. Nous tenons à proclamer hautement dans cette amère circonstance, notre inébranlable et fidèle adhésion à la S[ociété] T[héosophique], convaincu qu' H.P.Blavatsky qui fut notre Maître, notre guide et notre ami à tous, veillera sur ceux dont elle a été à même d'apprécier le dévouement et la sincérité, et leur donnera la force nécessaire pour atteindre le but si noble et si élevé auquel ils se sont proposé d'arriver et dont elle leur a indiqué le chemin»[619] *.

Конца не было бы моим воспоминаниям о сестре, если б я задумала передать все, что о ней писалось лестного, но, разумеется, говорилось много и очень дурного и о деятельности ее, и о ней самой. Я везде указывала источники порицаний, к которым желающие подробно их знать сами могут обратиться; мне приятно, однако, заявить, что говорящие о Е.П.Б[лаватской] дурно по большей части перебежчики из ее лагеря, недовольные вследствие того, что не добились желаемых *выгод* от служения Т[еософическому] об[щест[ву. Считаю не лишним здесь привести коллективный ответ членов лондонского об[щест]ва «Blavatsky Lodge», адресованный *к прессе*.

«В течение этого месяца мы были засыпаны отзывами на смерть Е.П.Блаватской. Более пятисот из их числа принадлежат Великобритании. Большинство мнений прессы благоприятно; многие редакции воспроизвели жизнь Е.П.Б[лаватской] из журнала "Мужчины и женщины нашего времени"[620]. Несколькими своими справедливыми похвалами воздали должное покойной, но некоторые отличились сомнительным подвигом: они оскорбили умершую бранью и самыми грубыми наветами. Относительно последних вот наш коллективный ответ:

"Мы, нижеподписавшиеся, члены Т[еософического] об[щест[ва, знавшие коротко покойную Е.П.Блаватскую, с изумлением и отвращением прочли необычайные и совершенно неосновательные лжи касательно жизни ее и поступков, распространяемые частью прессы.

Мы не предполагаем отвечать подробно на отвратительные и низкие обвинения, на пасквили *бездоказательные* и неопределенные, касающиеся к тому же дальних времен и дальних стран. Справедливо ли, честно ли, *даже* задавшись похвальной целью обрызгать грязью память о мертвой, пренебрегать законностью правила *бездоказательно не бесчестить никого*?.. Чья же

* Не перевожу, потому что в текстах «Lucifer» (июнь [18]91 [г.]) эти два адреса напечатаны по-французски.

репутация ограждена от посрамления, если всякое, ничем не доказанное обвинение будет принимаемо за факт?.. Мы удовольствуемся заявлением на совести нашей и чести, что знаем, как чиста и возвышена была ее жизнь, как благородно-неподкупна ее нравственность. Зная это, мы гордимся, называясь ее последователями, и желаем заявить всему миру факт, что ей, ее благотворному влиянию, мы обязаны благороднейшими вдохновениями нашего существования.

Что касается странного предположения, будто бы смерть Mme Blavatsky возбудила несогласия в среде нашей из-за ее *"вакантного"* звания, позвольте нам объяснить, что состав Т[еософического] о[бщества] отнюдь не нарушается ее кончиной. В союзе с полк[овником] Олькотом, президентом об[щест]ва, и мистером W.Q.Judge, известным в Нью-Йорке юристом, вице-президентом и главою движения в Америке, г[оспо]жа Блаватская была *основательницей* Т[еософического] об[щест]ва. Кажется, *это* положение не может узурпироваться никаким образом?..

Официально г[оспо]жа Блаватская именовалась *секретарем-корреспондентом* – личное ее, так сказать, почетное звание, которое отнюдь не требует замещения по кончине ее. В течение последних шести месяцев вследствие значительного увеличения в Европе[621] членов и разветвлений она была уполномочена президентом исполнительной властью и званием представительницы Т[еософического] о[бщества] в Европе. *Она* могла ради удобства исполнительной власти разделить ее с президентом, но ныне он принужден вновь на себя принять все дело, ибо *полномочие его умерло с его уполномоченной*… Ее высокое положение в движении нашем мотивировалось *ее знаниями, ее способностями, ее непоколебимой преданностью*, а совсем не каким-нибудь назначением или официальными прерогативами; поэтому внешняя организация нашего общества ее отсутствием не затронута.

Специальное назначение ее было – учить нас! А посему тот или та, которые посягнули бы на ее место, *прежде всего должны приобрести ее познания*"»[622].

В журнале «The Path» за июль 1891 г. нахожу следующее:

«Июньская книга журнала "Review of Reviews"[623] посвящает 11 страниц г[оспо]же Блаватской с facsimile[624] ее письма издателю-редактору Mr Stead'у[625] и *четырьмя* ее портретами[626]. Статья м[исте]р[а] Стеда ("Character Sketch"[627]) в особенности превозносит[628] силу ее влияния на Западный мир, передовым людям которого Е.П.Б[лаватская], несмотря на все насмешки, ненависть и клевету, ее преследовавшие, сумела доказать духовную истину существования невидимых сил, одухотворенных разумом, могущих сообщаться и действительно сообщающихся с людьми[629]. Затем м[исте]р Синнет берет перо из рук издателя и рассказывает[630] много интересных черт в ее жизни, в особенности внушительно указывает он, как наглядно изменялись фазисы ее деятельности в исполнении возложенной на нее миссии. Вначале ее карьеры (в Америке и Индии) *нужны были* феномены, дабы ими доказать существование в природе тайных законов и сил. Потом, отдаваясь все более и более отвлеченной проповеди, философии учения, проповедуя необходимость *всем на деле изменить жизнь*, самосовершенствовать свой дух, своего внутреннего человека, перестав поблажать материальным излишествам, она пренебрегает демонстративными доказательствами своих знаний, с все возрастающим неудовольствием сдается на требования и просьбы своих друзей касательно феноменов и, наконец, их окончательно оставляет в пренебрежении. Здесь, ко времени первого путешествия их в Европу, происходит заметная перемена в характере ее и в тоне ее разговоров: блестящая рассказчица превращается в учителя, в руководителя духовных сил и знаний своих последователей. Чрезвычайно интересны его замечания на противодействие ее спиритизму, на ее взгляды и мнения о несомненном вреде его, а также на ее собственные, удивительно развитые духовные силы. Все недостойное дело розысков в Адиаре им едко и справедливо осмеивается.

Еще раз пресловутый отчет Психического об[щест]ва получает заслуженный вполне презрительный пинок, а бедный м[исте]р Ходсон вновь выставляется на посмешище миру, никогда не перестававшему, впрочем, смеяться над его показаниями, по крайней мере, в лице тех, кто ближе знакомился с делом… Он, быть может, равнодушен к упрекам в подтасовке (ради убеждения других в том, чему сам по неопытности может быть и верил); юнцы его пошиба любят слыть за шустрых парней! – продолжает статья в журн[але] «Path». – Но быть выставленному в свете *гостя* в Адиаре – *принимающего гостеприимство и в то же время замышляющего нападения на своих доверчивых хозяев* – это горько! Должен же м[исте]р Ходсон знать как

англичанин, *что̀* его соотечественники думают о злоупотреблении гостеприимством?.. Быть уличенным в предательстве, в “одурачении” столь презираемыми им индусами – о! какое посрамление!.. Мы (теософы) не смеем жалеть о бедном Mr Hodgson’е, потому что такова его горькая *карма*, а все же невольно коробит вид благовоспитанного молодого человека, позорно распинаемого в печати* за дело, которое он считал большим успехом и которое вдруг сделалось многолетним источником всяких ему неприятностей и посмеяний»[631]… Да! Отличившийся м[исте]р Ходсон стал смешон всем, кто прочел возражения на его «Отчет»**, а тем не менее Т[еософическое] об[щест]во собственно должно бы ему быть благодарно, так как никогда пропаганда его и успехи Е.П.Б[лаватской] не шли так блистательно, как после его обнародования, когда Блаватская переехала на жилье в Лондон. Это *факт*, явствующий из списков официальных хартий (на образование ветвей) и числа частных дипломов, выданных об[ществ]ом.

* Прошу заметить, что журнал, в котором помещена статья м[исте]р[а] Синнета о Е.П.Б[лаватской], *не* принадлежит к изданиям теософическим, а потому указания *в нем на насмешки прессы над «сыгравшим дурака»* уполномоченным Психическ[ого] об[щест]ва имеют еще большее значение.

** Без сомнения, русские подыматели на смех Т[еософическое] об[щест]во и его *«козла отпущения»* (как называла себя Е[лена] П[етровна]) этих возражений не читали.

XXIX

Когда приехал в Лондон президент Т[еософического] об[щест]ва[632] и собрались все делегаты из Индии, Америки и европейских стран на экстренную конвенцию по поводу смерти Е.П.Блаватской, первое заседание было исключительно посвящено решениям в память ее, а также[633] и все первые лекции, читанные в продолжение лета[634]. В Лондоне ради их нанимались постоянные общественные залы, в которых собирались до 1500 слушателей. Решено было (как впоследствии и в Америке, и в Индии) открыть подписку на[635] «H.P.Blavatsky Memorial Fund»[636] ради выполнения «ее желания и мысли, для которых она неустанно трудилась, а именно на публикацию сочинений по теософии, оригинальных и переводных с санскритского, знакомство с которыми послужит союзу между Востоком и Западом». Потом подняли вопрос об урне для праха ее… Тут встал полк[овник] Олькот и взволнованным голосом прочел адрес, в котором от лица всех теософов Индии заявил права ее на этот «священный прах» на основании собственного желания Е.П.Б[лаватской], не раз ею устно и письменно высказанного, но так как ее теософическая деятельность распадается на три периода: Нью-Йорк – колыбель ее, Адиар – ее алтарь и Лондон – могила ее, то он предложил разделить ее прах на три равные части, но с непременным условием: в случае распадения Т[еософического] об[щест]ва в Нью-Йорке или Лондоне[637] прах его основательницы должен быть возвращен в Индию. Это предложение было единодушно принято. Тогда делегаты из Швеции предложили доставить для лондонской главной квартиры[638] бронзовую урну работы известного стокгольмского мастера Бенгстона; предложение принято с благодарностью. Полк[овник] Олькот заявил, что намерен выстроить в Адиаре приличный мавзолей для сохранения урны с прахом отдельно в саду[639].

О деятельности американцев и говорить нечего. Не только в Соединенных Штатах, но и во многих городах Южной Америки открыты теософические центры, деятельно читаются лекции, собираются подписки на «Фонд Е.П.Блаватской» и на разные благотворительные учреждения; недавно открыта 54 ветвь об[щест]ва имени «H.P.B[lavatsky]». Ревность членов[640] и интерес к теософическим доктринам в прессе и публике везде удесятерились по кончине Блаватской[641].

Все людные центры Индии откликнулись демонстрациями горя и удвоенной деятельностью на общую потерю Т[еософического] об[щест]ва, но нигде сочувствие не проявилось так демонстративно, как на остр[ове] Цейлон. Там кроме отзывов прессы, переполнившейся именем Блаватской, как только телеграф принес весть о ее смерти, тотчас же телеграммами были даны распоряжения во все теософические центры о немедленном закрытии на три дня всех девичьих буддистских школ в знак траура и везде отслужены поминальные служения. В Коломбо на следующий день был митинг[642], где решено вделать в стену залы собраний Т[еософического] об[щест]ва бронзовую доску с именем его основательницы, числами рождения ее, приезда в Индию и смерти – на вечную память о ней. Также положено каждый год справлять заупокойные служения[643] по уставу буддистов. Вице-президент Восточной коллегии, ревностный теософ, читал лекцию о жизни ее и заслугах пред человечеством вообще и в особенности пред буддистским миром.

На следующее воскресенье Т[еософическое] об[щест]во (в Коломбо, состоящее преимущественно из буддистов) пригласило по местному обычаю 27 человек монахов пообедать и принять милостыню во имя усопшей, а одному из монахов поднесена в дар *атапирикару*, т.е. *восемь предметов*, которыми позволено владеть буддистским инокам: кружка для сбора подаяний, нижнее платье и верхнее платье, рубаха и пояс, игла и нитки, бритва и металлический кувшин для воды. Наконец, несколько сот нищих было накормлено тоже поминальным обедом. Все эти обряды предположено производить ежегодно – «в священную память высокочтимой H.P.Blavatsky»[644].

Я выше назвала троих людей, свидетельства которых о Е[лене] П[етровне][645], по-моему крайнему разумению, самые верные, но статей ни одного из них, иначе как в беглых отрывках, я здесь не привожу именно потому, что боюсь их затрагивать: из них нечего выбирать – все глубоко, все верно, а целиком их переводить значило бы еще значительно удлинять и без того слишком затянувшиеся воспоминания. Эти трое членов Т[еософического] об[щест]ва – мрс Безант, д[окто]р Гартман и профессор Бёк[646]. Последний из них лично никогда не знал сестры моей: он

исключительно судит о ней по делам ее и сочинениям. Первая знала ее лишь в последние два года жизни; д[окто]р же Гартман принадлежит к числу *не увлекающихся*, положительных ее ценителей. Все трое никогда не видывали и не желали видеть ни одного феномена, *хотя безусловно признают их возможность* и верят вполне в общение с Махатмами и в действительность их писем.

В ответ на странные суждения наших журналов и газет (на веру принимающих суждения «одураченного юнца Ходсона», как называют следователя Психического об[щест]ва его соотечественники), что-де «Махатма, которого показывала Блаватская, *кукла*, спрятанная в шкафу ее *в Адиаре*»*, я могу показать свидетельства лиц, получивших от них, *после смерти ее*, точно такие письма, какие она и другие получали прежде. Значит, во всяком случае, если это обман, то *не Блаватская обманщица*. Вот все, что мне желательно было бы доказать, а потому я рассказываю следующий факт, известный всему Т[еософическому] об[щест]ву. Через несколько недель, когда возникли сомнения[648] о том, будут ли членам его помогать их всесильные покровители и после смерти Блаватской, – а во время Лондонской конвенции зашли об этом горячие препирательства, – были получены от них – Радж-йогов – успокоительные письма за подписями и в известных всем теософам особенного вида конвертах. Точно такие, одним словом, какие бывало получала Блаватская (только без сопровождения *«адского дыма»*, который измыслил фельетонист «Нового времени»[649] вероятно как сенсационный аксессуар во вкусе его ценителей).

Вот письмо, перепечатанное во всех их журналах:

«Неблагодарности нет в числе наших недостатков. Мы всегда помогаем помогающим нам. Такт, скромность и усердие нужны более чем когда-либо. Смиреннейший из трудящихся нам ведом и получит нашу помощь» ∴ (три звездочки в печатном тексте вместо инициалов *Мории*, как в подлинном письме).

«Одному из учащихся теософистов, старающихся служить делу где и когда только может, пришли недавно – после ухода от нас “Н.Р.В.” – эти слова величайшего успокоения от “Учителя”, покорной ученицей которого она была, – пишет журнал «The Path» (авг[уст] [18]91 г.). – Оно скреплено *Его* действительными подписью и печатью. Да послужит это к ободрению и поддержке всех тех, кто служат Т[еософическому] об[щест]ву, а чрез него человечеству, всей силой своих способностей… Лучшего поощрения быть не может!» и т.д. В той же редакционной передовой статье журнала указания на такие же слова другого «Учителя» – того, с которым A.P.Sinnett уже много лет в постоянной переписке – Кут Хуми[650]. Указания *как* лучше работать, как воспитывать детей в духе теософии и пространные рассуждения о благодетельном влиянии таких *«сообщений»*, которых истинные теософисты *никогда не бывали лишены в присутствии или отсутствии Блаватской* и, разумеется, не будут лишены и ныне, после смерти ее[651].

В Лондоне неосторожное сообщение мрс Безант о получении *ею* такого письма произвело переполох на многолюдном митинге, сейчас же было подхвачено прессой и, разумеется, поднялись вновь насмешки и недоброжелательные демонстрации**, сильно заставившие ее раскаяться в своей необдуманной откровенности. Тем не менее, повсеместный восторг в теософических кругах велик и вполне искренен.

Близкие Е.П.Б[лаватской] радуются[654] тому, что она громко оправдана хоть в одном нарекании… В самом деле! Легкомысленные ее обвинители не принимали в расчет простого соображения: какая же охота была Блаватской *выдумывать* каких-то воображаемых «Учителей» и *на них возлагать все свои заслуги*?.. Ведь если есть что-либо в ее деятельности, в чем не могут отрицать достоинств даже лютые враги ее, так это ее писания, а их-то она сама *не себе* приписывала. Отчего же было ей, – в особенности, если б она была такая тщеславная и корыстолюбивая, что даже «всякими обманами старалась достигать славы и исторгать деньги от своих жертв», как утверждают ее противники, – отчего ж, говорю я, было ей не пользоваться тем и

---

* Как будто Е.П.Б[лаватская] всюду за собой в кармане возила этот шкаф из Индии и вместе с куклой! А что же видели совсем ей посторонние люди и *вне ее присутствия* – свидетельствующие о беседах с Махатмами? *Что* видел г[осподин] Соловьев в Вюрцбурге[647]?

** В виде, например, больших афиш, расклеенных на всех улицах и станциях подземки, гласивших: «Признание Анни Безант! Махатмы существуют, Махатмы в Лондоне! Получены их письма!.. Завтра в Аквариуме[652] большое представление!»[653].

другим без риска прослыть обманщицей? Самым законным и прямым образом *лично* пользуясь известностью своих научных трудов и *большими деньгами*, которые приносили их издания?.. Она умерла пролетарием, без копейки, а могла бы иметь беспрепятственно все, что принесли несчетные издания «Изиды» и других книг ее. Вот уж первые два тома «Тайной Доктрины» идут *третьим изданием*… Это не шутка, приняв во внимание все возрастающие требования на это сочинение и цену его (более 20 р[ублей] на наши деньги). Но *«эта жадная и самолюбивая обманщица»* при жизни все отдавала на распространение учения, в котором признавала благо человечества, не требуя себе ни денег, ни похвал, и по смерти оставила все то же самое отвлеченное дело, никогда не приносившее ей лично ничего, кроме тревог, нареканий и горя!.. Ее признают, даже враги ее, умной: как же объяснить такую сумасбродную непоследовательность поступков, если они не оправдываются *убеждением*, вполне бескорыстным преследованием идеи?..

Что ж! Если здравый смысл не принимается в расчет врагами Е.П.Блаватской, пусть хоть оправдают память ее *посмертные* вмешательства в[655] дела Т[еософического] об[щест]ва ее *кукол*-Махатм, самобытно проявляющих жизнь вне «адиарского шкафа», где должны бы сидеть теперь запертыми…

Олькот в своей статье «H.P.B.'s Departure» («Lucifer», August) говорит между прочим: «День ее возмездия еще не настал, и не мне, старому и ближайшему ее другу, предлежит обелять ее, ибо не поверят моей неподкупной справедливости. *Но он настанет!* И тогда ее имя, без сомнения, будет записано в скрижалях благодетелей человечества»[656], – авторитетно внушает он своим читателям. С этим восторженным предсказанием можно не согласиться, но достоверно то, что с течением времени день «обеления» ее от многих наветов непременно наступит. И тогда мелочным борзописцам, ищущим умалить ее достоинство указанием на вздорные проявления ее сил в так называемых «феноменах», или недостойными порядочных людей бесправными намеками на будто бы бурно проведенную молодость, до которой никому дела нет, не дано будет лишить ее имя славы ее действительных заслуг.

А покамест можно всем доброжелателям Е.П.Блаватской и в то же время людям справедливым искренно присоединиться к желанию одного умного человека, члена Т[еософического] об[щест]ва Александра Фуллертона, так определенному им самим*:

«Друзья Mme Blavatsky, знавшие и любившие ее, не просят, чтоб свет ценил ее по их оценке. Они только желают, чтоб по отношению к ней прилагались обычные законы здравого смысла: чтоб показания, знавших ее долго и близко и потому *знающих о ней больше*, были бы принимаемы во внимание более, чем показания совсем ничего – ни ее, ни дела ее – не знавших. Чтобы все известные логические принципы в объяснении характеров не искажались бы в приложении к ней. Чтобы бездоказательная газетная болтовня не принималась на веру как судебный приговор или изречение Св. Писания. Мы даже не будем *просить*, чтоб беспристрастные судьи прочли ее книги, но мы лишь посоветуем, – руководствуясь не насмешкой, но[658] собственным[659] опытом, – каждому человеку, желающему возвысить свои стремления, усилить энергию, очистить и прояснить свои взгляды и цели, обратиться к сочинениям, выражающим помыслы и отражающим душу Елены Петровны Блаватской!»… «Аминь!» – остается нам, близким по крови ей людям, добавить к этому заключению хорошо знавшего ее последователя ее учения. Учению этому – устоит Теософическое общество или нет – не суждено пройти в событиях конца XIX столетия не замеченным современниками и не занесенным навеки в скрижали истории вместе с именем Елены Петровны Блаватской.

В.П.Желиховская.
С. П[ете]рб[у]рг. Февраль 1892 г.

* «Tests of Character» («Path», June) by Alex[ander] Fullerton[657].